

А.Н.
ГУМИЛЕВ

Этносфера

История людей и история природы

Лев Николаевич Гумилев Этносфера: история людей и история природы

*Текст предоставлен издательством.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=170233
Лев Гумилев Этносфера: Кристалл; Москва; 2002
ISBN 5-9503-0010-6, 5-17-024790-7*

Аннотация

Вновь к читателю приходят уникальные произведения выдающегося русского историка, географа и этнолога Л.Н.Гумилева, печатавшиеся на протяжении почти 30 лет в специализированных малотиражных изданиях и составившие основу главного теоретического труда ученого – теории этногенеза.

Своеобразие данного сборника заключается в том, что наряду с теоретическими статьями в него были включены также научно-популярные произведения, в которых рассматриваются такие сложные и малоизученные явления в этногенезе, как антисистемы и этнические химеры.

Книгу дополняет «Словарь терминов и понятий по теории этногенеза Л.Н. Гумилева», составленный одним из учеников автора – В.А.Мичуриным.

Содержание

От составителя[1]	4
Вместо предисловия:	6
Проблема жанра	6
Жизнь и мысль	7
Неудовлетворенность	9
Этнос	11
Новая наука	13
Системный подход	15
Начала и концы	17
Сомнения и недоумения	20
Пассионарность	22
Практическое значение теории	24
Перед лицом науки	25
Часть первая	26
О термине «этнос»[2]	26
Этнос как явление[3]	36
Этнос и категория времени[4]	48
Этногенез и этносфера[5]	58
Что такое этнос?	58
Этносы и этносфера	63
Четыре фазы этногенеза	70
Пассионарность	77
Природа пассионарности	81
По поводу предмета исторической географии[8](Ландшафт и этнос). III	83
Язык	84
Обычаи или культура	85
Идеология	85
Происхождение	85
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Лев Николаевич Гумилев

Этносфера: история людей и история природы

От составителя¹

Впервые статьи Льва Николаевича Гумилева выходят отдельной книгой. В ней собраны лишь те работы, которые посвящены теории этногенеза и отдельным ее аспектам.

В основу первой части легли статьи из цикла «Ландшафт и этнос», печатавшиеся на протяжении почти 10 лет (с 1964 по 1973 годы) в «Вестнике Ленинградского университета». Между собой мы называли этот цикл «сонатой», с ней было связано немало горьких и радостных страниц жизни Л.Н. Кстати, почти все представленные в этой книге статьи Л.Н. так или иначе использованы в его второй докторской диссертации и монографиях, вышедших гораздо позже.

А зачем же все-таки Лев Николаевич решил вторично защищать докторскую, на сей раз по географии? Ему было необходимо гласное обсуждение. Дело в том, что он трудился над книгой «Этногенез и биосфера Земли», писал и печатал статьи по этой теме, создал солидные рукописные заделы. Пошли слухи, что Л.Н. сочинил какую-то антимарксистскую работу. В наше отсутствие рукописи из его домашнего письменного стола исчезали. Потом, правда, те же невидимки их возвращали, но не всегда в нужное место. Поэтому Лев, когда мы с ним уезжали из Питера, оставлял в ящике стола записку на лагерном жаргоне: «Начальник! Шмоная, клади на место и книг не кради. Л. Гумилев». В этой ситуации нужно было срочно «обнародовать» книгу. Правда, он сомневался, разрешат ли ему это сделать.

Как ни смешно, к решительным шагам подтолкнула его я.

– Знаешь, Лёв, что-то стало скучно, – сказала я. – Что бы, это нам придумать, как бы, оживиться, все-то одни огорчения.

А он мне и брякнул:

– Хочешь, я вторую докторскую защищу?

– Хочу, – сказала я.

И тут на меня навалилась тяжелая работа. Машинистка, которая всегда перепечатывала его рукописи, отказала, другой не нашлось. Пришлось мне осваивать новое ремесло. За семьдесят рублей мы купили допотопную машинку «Континенталь». Ей сто лет, зато вся железная. И вот я двумя пальцами начала «грохать» диссертацию.

В университете очень доброжелательно отнеслись к затее Л.Н. Сергей Борисович Лавров, Борис Николаевич Семевский, сотрудники кафедры быстро организовали оформление документов. Оппоненты были приглашены из Москвы, – доктор географических наук Э.М. Мурзаев, доктор биологических наук Ю.П. Алтухов и доктор географических наук А.М. Архангельский.

И вот в мае 1974 г. состоялась защита. Это был замечательно интересный спектакль в большом зале Смольного (там в ту пору помещался географический факультет). Публики собралось огромное множество. Лёв вышел на кафедру и воскликнул: «Шпагу мне!» Ему подали палку-указку. Он выступил прекрасно. Из 21 члена Ученого Совета 19 проголосовали «за». Очень лестной для Льва была речь этнографа Ю.А. Маретина, чьи выступления всегда

¹ Данное предисловие было написано к первому изданию: Л. Н. Гумилев. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспрос, 1993. – Примеч. ред.

были яркими и дельными. (Как ни печально, с работы, его выгнали.) Но ВАК отказал Л.Н. в присуждении степени доктора географических наук – «за хорошее знание истории» (!).

А спустя годы в издательстве «Наука» печатается книга «География этноса в исторический период». А в 1990 г. Университет присуждает Л.Н. первую премию за «Этногенез и биосферу Земли». Лёв счастлив! Что до членов ВАКа – Бог им судья.

В сборнике печатается многострадальный очерк «Зигзаг истории». Этот очерк об анти-системах и этнических химерах был заказан Л.Н. издательством «Молодая Гвардия» в 1976 г. Держали, держали, тянули время – и не напечатали. Отказ Л.Н. получил только в 1979 г. – за подписями Ю. Лощица и Ю. Селезнева, которые тогда ведали серией «Жизнь замечательных людей». Видимо, запрет наложило какое-то высокое начальство. Впоследствии фрагменты этого очерка вошли в книги «Этногенез и биосфера Земли» и «Древняя Русь и Великая степь».

Завершается сборник «Апокрифом», который, по моему мнению, замечателен.

Н. Гумилева

25 апреля 1993 г.

Вместо предисловия: Биография научной теории, или Автонекролог

Проблема жанра

Как известно, научные теории создает тот или иной человек. Кибернетики придумали даже для этого название – «черный ящик». В этот «ящик» вводится хаотическая информация, а потом из него выходит стройная версия, называемая в зависимости от ее убедительности гипотезой, концепцией или теорией. Автору посчастливилось добраться до третьей фазы совершенства, выше которой лежит только истина, то есть суждение, заведомо неопровержимое и не нуждающееся в дополнениях.

К счастью, истины встречаются только в спекулятивной (умопостигаемой) науке – математике, которая оперирует не явлениями природы, а числами – созданиями нашего мозга. В природоведении же, как и в истории, мы находим только феномены, явления отнюдь не рациональные, но требующие понимания еще в большей степени, нежели извлечение квадратного корня из шестизначного числа.

Поясняю парадокс. Автор за 75 лет своей жизни работал и в геологии, и в археологии, и в географии, но во всех этих науках встречал только феномен (явление), который можно описать словами, а измерить – либо простыми цифрами, либо понятиями «больше – меньше», «дальше – ближе», «древнее – новее». К этому естественнонаучному подходу автор привык настолько, что даже историю, казалось бы, вполне гуманитарную науку, он стал изучать, руководствуясь натуралистскими принципами. За это он имел много неприятностей и обид, но теория этногенеза была создана и даже приписана академику Ю.В. Бромлею, цитировавшему положения автора без отсылочных ссылок [130].

Поскольку нет и не может быть научной идеи без персоны автора, ибо для мысли нужна голова, а она у человека всегда одна, то очевидно, что у каждого ученого, как человека, есть личная жизнь: школьные годы, тяжелые экспедиции, семейные осложнения, служебные неприятности, да и болезни. Но вместе с этим у него есть бескорыстный интерес к предмету исследования, частным сюжетам и эмпирическим обобщениям. Желание понять три вещи: «как?», «что?» и «что к чему?» представляется ему самоцелью. Если же оный товарищ занимается научной работой не для радости познания, то ему незачем тратить силы на изучение своего предмета. Пусть становится директором института. Это пойдет на пользу и ему, и науке.

Но коль скоро так, то личная биография автора никак не отражает его интеллектуальной жизни. Первую биографию мы все пишем для отдела кадров, а последнюю, некролог, обычно пишут знакомые или просто сослуживцы. Как правило, они выполняют эту работу халтурно, а жаль, ибо она куда ценнее жизнеописания, в котором львиная доля уделена житейским дразгам, а не глубинным творческим процессам.

Но можно ли судить за это биографов: они и рады были бы проникнуть в «тайны мастерства», да не умеют. Тайну может раскрыть только сам автор, но тогда это будет уже не автобиография, а автонекролог, очерк создания и развития научной идеи, той нити Ариадны, с помощью которой иногда удается выбраться из лабиринта несообразностей и создать непротиворечивую версию, называемую научной теорией.

ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ

Детские годы всегда заняты освоением многоцветного, разнообразного мира, в котором важно и интересно все: природа, люди и, главное, язык, изучение коего – «условие, без которого нельзя». Только с шести-семи лет человек может начать выбирать интересное и отталкивать скучное. Интересным для автора оказались история и география, но не математика и изучение языков. Почему это было так – сказать трудно, да и не нужно, ибо это относится к психофизиологии и генетической памяти, а речь идет не о них.

Школьные годы – это жестокое испытание. В школе учат разным предметам. Многие из них не вызывают никакого интереса, но тем не менее необходимы, ибо без широкого восприятия мира развитие ума и чувства невозможно. Если дети не выучили физику, то потом они не поймут, что такое энергия и энтропия; без зоологии и ботаники они пойдут завоевывать природу, а это самый мучительный способ видового самоубийства. Без знания языков и литературы теряются связи с окружающим миром людей, а без истории – с наследием прошлого. Но в двадцатых годах история была изъята из школьных программ, а география сведена до минимума. То и другое на пользу делу не пошло.

К счастью, тогда в маленьком городе Бежецке была библиотека, полная сочинений Майн Рида, Купера, Жюль Верна, Уэллса, Джека Лондона и многих других увлекательных авторов, дающих обильную информацию, усваиваемую без труда, но с удовольствием. Там были хроники Шекспира, исторические романы Дюма, Конан Дойла, Вальтера Скотта, Стивенсона. Чтение накапливало первичный фактический материал и будило мысль.

А мысль начала предъявлять жестокие требования. Зачем Александр Македонский пошел на Индию? Почему Пунические войны сделали Рим «вечным городом», а коль скоро так, то из-за чего готы и вандалы легко его разрушили? В школе тогда ничего не говорили ни о крестовых походах, ни о Столетней войне между Францией и Англией, ни о Реформации и Тридцатилетней войне, опустошившей Германию, а об открытии Америки и колониальных захватах можно было узнать только из беллетристики, так как не все учителя сами об этом имели представление.

Проще всего было не заниматься такими вопросами. Так и поступало большинство моих сверстников. Можно было кататься на лыжах, плавать в уютной реке Мологе и ходить в кино. Это поощрялось, а излишний интерес к истории вызывал насмешки. Но было нечто более сильное, чем провинциальная очарованность. Это нечто находилось в старых учебниках, где события были изложены систематически, что позволяло их запоминать и сопоставлять. Тогда всемирная история и глобальная география превращались из калейдоскопа занятных новелл в стройную картину окружающего нас мира. Это дало уму некоторое удовлетворение.

Однако оно было неполным. В начале XX века гимназическая история ограничивалась Древним Востоком, античной и средневековой Европой и Россией, причем изложение сводилось к перечислению событий в хронологической последовательности. Китай, Индия, Африка, доколумбовская Америка и, главное, великая степь Евразийского континента были тогда *Terra incognita*. Они требовали изучения.

И тут на выручку пришел дух эпохи. В тридцатые годы начались экспедиции, куда охотно нанимали молодежь. Автору открылись гольцы и тайга Хамар-Дабана над простором Байкала; ущелья по Вахшу и таджикские кишлаки, где люди говорили на языке Фирдоуси, палеолитические пещеры Крыма; степи вокруг хазарского города Саркела и, наконец, таймырская тундра. Книжные образы перестали быть теньевыми контурами. Они обрели формы и краски.

Тогда на историческом факультете университета еще требовалось знание всеобщей истории. К сожалению, после войны всеобщая история в объеме крайне сократилась, а ее место заняла узкая специализация. Но в те годы можно было представить себе стереоскопический облик планеты, углубившись по шкале времени на 5000 лет. История Средней Азии и Китая излагалась на факультативных курсах. Только по кочевому миру еще не было специалистов. Пришлось заняться этим самому.

И тут оказалось, что любимые друзья детства: сиу, семинолы, навахи, команчи и пауни – аналог наших хуннов, куманов, тюрок, уйгуров и монголов. Степные народы Евразии защищали свою страну от многочисленных безжалостных китайцев так же, как индейцы сопротивлялись вторжению скваттеров и трапперов, поддержанных правительственными войсками США. Так была поставлена первая научная проблема: каково соотношение двух разных культурных целостностей? Эта проблема получила решение в «Степной трилогии» (хунны, тюрки, монголы), опубликованной много лет спустя [64, 86, 93, 98, 111].

Не только ландшафты, но и люди привлекали внимание автора. На великих сибирских стройках ему удалось познакомиться с представителями разных народов, общаться с ними и понять многое, ранее ему недоступное.

Благодаря знанию таджикского языка автор подружился с персом, таджиками и даже с ученым эфталитом – памирцем, получившим двойное образование: он прошел обучение у исмаилитского «пира» – старца, а потом курс в Сталинабадском педагогическом институте. Эти беседы позволили автору найти путь к решению эфталитской проблемы, отличающегося от прежних гипотез радикально [61, 79].

Общение с казахами, татарами, узбеками показало, что дружить с этими народами просто. Надо лишь быть с ними искренне доброжелательными и уважать своеобразие их обычаев; ведь сами они свой стиль поведения никому не навязывали. Однако любая попытка обмануть их доверие вела бы к разрыву. Они ощущали хитрость как бы чутьем. Китайцы требовали безусловного уважения своей культуры, но за интерес к ней платили доброжелательностью. При этом они были так убеждены в своей правоте и своем интеллектуальном превосходстве, что не принимали спора даже на научную тему. Этим они были похожи на немцев и англичан. Грузинский еврей, раввин и математик, объяснил мне философский смысл Каббалы, открытый для иноверцев, а буддийский лама – кореец рассказал о гималайских старцах увлекательную легенду, из которой тоже вылупилась научная статья [87].

Описанный способ изучения этнографии отнюдь не традиционен, но подсказан жизнью, точнее биографией автора, не имевшего многих возможностей, которые есть у научных сотрудников АН. Так и пришлось автору стать не научным работником, а ученым.

Конечно, работа в научном институте имеет свои преимущества в легкости организации экспедиций и публикаций, но зато там есть некоторые ограничения, например, обязательная узкая специализация, неизбежно сужающая поле зрения исследователя. Здесь же подбор информации определялся случайностью, но восполнялся широтой наблюдений, позволявшей использовать сравнительный метод.

Кроме того, информаторы автора были люди весьма образованные, каждый в своей культуре, вследствие чего их рассказы были более содержательны и полноценны. С ними можно было свободно беседовать по-русски; специальные термины они умели истолковывать, а не просто перевести. Ведь часто при буквальном переводе теряются нюансы смысла и возникают неточности, весьма досадные. Поэтому можно смело утверждать, что подготовка автора была иной, чем тривиальная, но не хуже ее. Именно она позволила поставить вопросы, о которых пойдет речь ниже.

Неудовлетворенность

Решение одной, даже очень сложной задачи бывает иногда отрадно, но всегда бесперспективно. Полных аналогий в истории не бывает, поэтому новую задачу надо решать заново. Да и в уже проделанном исследовании достаточно сменить угол зрения (аспект), или добавить новый материал, или изменить степень приближения (взять вместо очков микроскоп), чтобы потребовались новые усилия, сулящие столь же неполные результаты. Таков лимит традиционной методики.

Кроме того, желательно обезопасить свой труд от обывательского представления, будто в любой борьбе одни – хорошие, а другие – плохие, а задача ученого – угодить читателю, объяснив ему, кто каков, или, что то же, – кто прогрессивен, а кто отстал и, следовательно, не заслуживает сочувствия.

Вот наглядный пример. В 1945 году, после взятия Берлина, я встретился и разговорился с немецким физиком моего возраста. Он считал, что славяне захватили исконно немецкую землю, на что я возразил, что здесь древняя славянская земля, а Бранденбург – это Бранный Бор лютичей, завоеванных немцами. Он вскричал: «Sie waren primitiv!» и остался при своем мнении. Будь он начитаннее, он бы упомянул, что лютичи в V веке вытеснили с берегов Эльбы германских ругов. Но разве в этом суть? Все народы когда-то откуда-то пришли, кто-то кого-то победил – таков диалектический закон отрицания отрицания, примешивать к коему личные симпатии и антипатии неправомерно. Постоянная изменчивость во времени и пространстве – закономерность природы. Следовательно, ее нужно изучать, как мы изучаем циклоническую деятельность или землетрясения, независимо от того, нравятся они нам или нет.

В естественных науках оценки неуместны, а классификация необходима. Так, зоологи зачисляют в один класс наземных, морских (киты) и воздушных (летучие мыши) животных, как млекопитающих, ибо всех их сближает один, но правильно избранный признак. Такой систематизации поддаются и народности – этносы, принадлежащие к одному виду, но похожие друг на друга более или менее. Именно эти степени несхожести оказались крайне важными для этнической диагностики. Немцы не французы, но ближе к ним, чем к казахам или монголам. Хунны перемешивались с сибирскими и волжскими уграми, но не с китайцами, причем и там и тут язык значения не имел. Разговорную речь для базара выучить легко.

Иными словами, отдельные этносы не изолированы друг от друга, но образуют как бы этнические «галактики», в которых общение, даже для отдельных особей, гораздо легче, нежели с обитателями соседней «галактики» или иной суперэтнической целостности. В этом случае люди желают «жить в мире, но порознь».

Это наблюдение имело в условиях тесного этнического контакта важное практическое значение. Оказалось, что недостаточно самому не замечать этнических различий, но надо, чтобы и партнер не замечал их, а этого, как правило, не бывает, несмотря на то, что люди одинаково одеты, питаются в тех же столовых и спят в одинаковых жилищах. А в таких условиях только добрые отношения между соседями обеспечивают необходимое для жизни благополучие. Но было ли так всегда и везде?

В 1938 – 1939 годах автор, имея много незанятого времени, стал продумывать исторические процессы разных государств и больших культурных целостностей, как, например, античность, включающую Элладу и Римскую империю; Византию вместе с окружающими христианскими народами: грузинами, армянами, болгарам, сербам, – но без Руси, представлявшей самостоятельную целостность; мусульманский мир, где общность была культурной, а не религиозной, и христианский мир – средневековый термин для романо-гер-

манской целостности Западной Европы. Китай, Япония и Индия были оставлены на потом, чтобы вернуться к ним тогда, когда характер развития, точнее становления, будет описан.

Так на месте микроскопа был установлен телескоп, а объектом наблюдения вместо молекул стали «галактики». Аналогичный подход, правда, с другими критериями, применил А. Тойнби в своем капитальном труде «Изучение истории», но тогда я о его работе еще не слышал. Так или иначе, мы пришли к близким обобщениям независимо друг от друга, хотя объяснения наблюдаемых явлений у нас диаметрально противоположны.

Оказалось, что если мерить интенсивность исторических процессов кучностью событий, то сначала наблюдается резкий взлет – около 300 лет, затем чередование подъемов и депрессий – тоже лет 300, потом ослабление жизнедеятельности, ведущее к успокоению, которое А. Тойнби назвал *breakdown*, и, наконец, медленный упадок, прерываемый новым взлетом. И сколько бы это наблюдение ни проверялось – так было везде на длинных отрезках времени. И тут встает вопрос: почему?

На что это явление похоже? На движение шарика, который, получив внезапный толчок, катится, сначала набирая скорость, а потом теряя ее от сопротивления среды; на взболтанную жидкость, где волнение постепенно стихает; на струну, после щипка колеблющуюся и останавливающуюся. И права была китайская царица из династии Чэн, плененная и выданная за тюркского хана в VI веке, когда написала мудрые и трогательные стихи (перевод мой):

Предшествуют слава и почесть беде,
Ведь мира законы – трава на воде.
Во времени блеск и величье умрут,
Сравняются, сгладившись, башня и пруд.
Пусть ныне богатство и роскошь у нас,
Недолог всегда безмятежности час.
Не век опьяняет нас чаша вина,
Звенит и смолкает на лютне струна...

Не странно ли, что китаянка VI века мыслила категориями диалектики, а европейские филологи XX века признают только линейную эволюцию, которую они называют прогрессом и считают нарастающей по ходу времени. Конечно, не следует отрицать прогресс в социальном развитии человечества, но ведь люди, принадлежащие к любой формации, остаются организмами, входящими в биосферу планеты Земля, телами, подверженными гравитации (земному притяжению), электромагнитным полям и термодинамике.

Итак, наша задача весьма упростилась. Нам надо найти ту форму движения материи, в которой наряду с социальной и независимо от нее живут люди уже больше 50 тысяч лет и которая, будучи природной, является формой существования вида *Homo sapiens*.

Этнос

Не каждое обобщение плодотворно для науки. Так, общеизвестно понятие «человечество», что, по сути дела, означает противопоставление вида *Homo sapiens* всем прочим животным. Однако при этом упускаются из вида вариации в главном – соотношении людей с окружающей средой. Есть люди хищники – охотники, есть ихтиофаги – рыболовы, есть пожиратели растений, а бывают и каннибалы. Некоторые – скотоводы – приручают животных и живут с ними в симбиозе, другие возделывают растения, третьи обрабатывают металлы. Короче, у человеческих коллективов есть жесткая связь с кормящим ландшафтом. Это и есть Родина.

Но к использованию ресурсов ландшафта надо приспособиться, а для этого требуется время, и немалое. Адаптация идет поколениями; не внуки, а правнуки первых пришельцев в новую страну, с непривычными для прадедов природными условиями, усваивают набор традиций, необходимых для благополучного существования. Тогда Родина превращается в Отечество. Так было даже в палеолите.

Но это еще не все. Не только подражание предкам формирует склад человеческого коллектива. В нем всегда есть люди творческие, генерирующие мифы или научные идеи, рапсодии и музыкальные напевы, фрески, пусть даже в пещерах, узоры на женских платьях, ритуальные пляски и портреты. Изобретатели и художники никогда не бывают «героями», ведущими «толпу». Они обычно так поглощены своим делом, что у них не остается сил на общественную деятельность, которая тоже является достоянием профессионалов. Более того, мыслители и поэты воспринимаются современниками как «чудаки», однако их вклад в жизнь коллектива не пропадает бесследно, а придает ему специфический облик, отличающий его от соседних племен, где есть свои «чудаки». Сочетание этих трех координат образует «этнос», характеризующийся оригинальным стереотипом поведения и неповторимой внутренней структурой.

Именно способность к неоднократной адаптации в самых разнообразных ландшафтах и климатах, повышенная пластичность позволили человечеству как виду распространиться по всей поверхности Земли, за исключением Антарктиды, где жить можно только за счет подвоза пищи. Не только в палеолите, но и в историческом периоде этнос – форма вида *Homo sapiens*. Поэтому обобщение всех особей этого вида в понятие «антропосфера», хотя логически возможно, но не плодотворно. Антропосфера мозаична, и правильнее называть ее «этносферой».

Очень может быть, что другие крупные млекопитающие тоже делятся на стаи или стада, но мы обычно пренебрегаем такими психологическими нюансами, как не имеющими практического значения. Однако в отношении людей это недопустимо; ошибка вывода будет за пределами законного допуска. Дело в том, что отличительной чертой этноса является деление мира надвое: «мы» и «не мы», или все остальные. Эллины и «варвары», иудеи и необрезанные, «люди Срединного государства» (китайцы) и «дикари» – на севере «ху», на юге «мань». Когда в историческое время возникали новые этносы, то те, кого мы называем «византийцы» (условный этноним), сами себя называли «христианами», противопоставляя себя «язычникам», а когда Мухаммед в 623 году создал свою общину, то ее члены стали называть себя «мусульмане» и распространили это название на всех к ним примкнувших (ансары). Слова же «арабы» в VII веке никто не знал – оно появилось позднее, для обозначения определенной части мусульман. До Мухаммеда жители Аравийского полуострова носили свои племенные названия и противопоставляли себя друг другу.

Такое словоупотребление было практически необходимо. Этносы иногда дружат, иногда враждуют; этноним помогал отличать друзей от врагов.

Но самое интересное, что ни один этнос не вечен. Древние шумеры, хетты, филистимляне, дарданы, этруски и венеты уступили свое место парфянам, эллинам, латинам и римлянам, которые выделились из латинов и других италиков. Но и этих сменили итальянцы, испанцы, французы, греки (этнос славяно-албанского происхождения), турки, таджики, узбеки и казахи.

Полного вымирания заведомо не было. Антропологи находят шумерийский тип на Ближнем Востоке, хотя его носители даже не слышали слова «шумер». Филистимляне были уничтожены евреями, но оставили название страны – Палестина. Потомков древних эллинов и римлян нет, но их искусство, литература и наука оплодотворяют умы людей поныне. Генетическая память пронзает столетия, всплывает в сознании в виде образов, порождающих эмоции, пример чему – стихи Н.С. Гумилева:

...И тут я проснулся и вскрикнул: «Что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я? и умер не здесь ли?
В зеленой и солнечной этой стране?»
И понял, что я заблудился навеки
В пустых переходах пространств и времен,
А где-то струятся родимые реки,
К которым мне путь навсегда запрещен.

Новая наука

Смутные воспоминания о непережитых событиях возникают у людей с тонкой нервной организацией довольно часто. Бывало такое и в древности. Для объяснения этого феномена была изобретена теория переселения душ, распространенная в Китае, Индии и у древних кельтов. Практичные римляне не придавали сумеречным эмоциям значения; они попросту игнорировали их. У них была концепция мрачного Орка – обители мертвых.

Поскольку западноевропейская наука унаследовала строй римской мысли, то теория линейной эволюции стала ее основой. Византийская диалектика была отброшена как суеверие, мешающее прогрессу. Во главу угла было поставлено сознание, а ведь генетическая память лежит в сфере ощущений и, следовательно, выпадает из науки.

Но диалектика победила. Генетическая память, иногда выплывающая из глубин подсознания и вызывающая неясные образы, получила научное обоснование. Н.В. Тимофеев-Ресовский называл это явление «аварийным геном».

Пусть этот ген выскакивает наружу крайне редко и не по заказу, но он переносит фрагменты информации, объединяющие человечество, которое в каждую отдельную эпоху, и даже за 50 тысяч лет известной нам истории, представляется как мозаика этносов. Именно наличие генетической памяти объединяет антропосферу. В противном случае человечество распалось бы на несколько видов, и восторжествовала бы расовая теория. Как найти выход?

Исчезновение этносов – факт столь же достоверный, как и факт их возникновения, но вымирание (депопуляция) – случай крайне редкий. Обычно происходит рекомбинация элементов, как в колоде карт при перемешивании. Можно разложить карты по мастям, или по значениям – от туза до шестерки, или еще как-нибудь, но определяющим будет характер их сочетания, ибо именно сочетание создает системную целостность, столь же реальную, как и сами элементы – люди, семьи, роды, постоянно взаимодействующие друг с другом.

Однако люди обитают на планете с крайне разнообразными географическими и климатическими условиями – ландшафтами. Очевидно, ландшафты тоже входят в повседневную жизнь этносов как элементы. Леса, степи, горы, речные долины кормят не только животных, приспособившихся к ним, но и людей, какое бы хозяйство они ни вели. Тут физическая география смыкается с историей, ибо изменения ландшафтов столь же закономерны, сколь и старение этносов. В эпоху ледникового периода – 12 – 20 тысяч лет назад – Сибирь, примыкавшая к закраине ледника, была цветущей степью, над которой сияло вечно голубое небо, никогда не закрывавшееся тучами. Было так потому, что над ледником всегда стоит антициклон и ветры, несущие влагу с океанов, обтекают его с южной стороны. Приледниковая степь не была пустыней, ибо ее орошали пресные воды – ручьи, стекавшие с ледника и образывавшие озера, окаймленные зарослями и полные рыбы, а следовательно, и водоплавающей птицы.

В степи осадков было мало, но снег выпадал, а растения сухих степей, пропитанные солнцем, калорийнее влаголюбивых, и стада мамонтов, быков, лошадей и газелей (сайги) паслись, давая, в свою очередь, пищу хищникам, среди которых первое место занимал человек.

Но ледник стоял. Циклоны понесли массы влаги через Сибирь, северную Россию и Скандинавию. На месте степи выросла тайга, а травоядные животные отошли на юг, где еще сохранялись сухие степи. За ними ушли хищники и большая часть людей, а оставшиеся ютились по берегам великих рек, питаясь рыбой и водоплавающей птицей. Лишь много веков спустя предки эвенков вернулись на север, так как сумели приручить северного оленя, приспособившегося к суровым условиям тайги. Их жизнь – это симбиоз человека и оленя.

Подобные изменения природной среды, хотя меньшего масштаба, происходят и в наше время; увлажненность отдельных зон меняется раза два – три в тысячелетие. Так можно ли выпускать это из поля зрения? Если же принять ее во внимание, то наука, решающая описанную проблему, будет не просто историей, этнографией или археологией, а синтезом этих наук с географией. В отличие от географического детерминизма Ш.Л. Монтескье и географического нигилизма А. Тойнби здесь решающим моментом является динамика ландшафтов; как писали К. Маркс и Ф. Энгельс, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга [175].

Отмеченное сочетание истории (науки о событиях в их связи и последовательности) и археологии (науки о памятниках) с палеогеографией (наукой об изменениях поверхности Земли) требует новых подходов и способов исследования. По сути дела, это уже не этнография – описание особенностей быта и культуры, а естественная наука о происхождении и сменах этнических целостностей, комбинациях элементов в разнообразном пространстве и необратимом времени. Для новой науки требуется и новое название, и самым удачным будет термин «этнология», хотя и употреблявшийся неоднократно, но без точного определения и смыслового наполнения, так как в прошлые века для постановки и решения этой проблемы не было подходящего инструмента. Но в середине XX века был открыт «системный подход», оцененный советскими философами и теоретиками науки как достижение настолько перспективное, что оно достойно названия великого. Принцип его прост, и студенты осваивают его легко.

Системный подход

Категория «этнос» была известна всегда, но понять ее удалось только в XX веке. Раньше предполагалось, что этнос объединен сходством его членов – например, общим языком, общей религией, единой властью, – однако действительность опровергла эти домыслы.

Французы – этнос, но говорят на четырех языках: французском, провансальском, бретонском и гасконском, а спасительница Франции Жанна д'Арк произносила свою фамилию с немецким акцентом «Тарк». Есть французы католики, гугеноты, атеисты, но теперь это им не мешает. А те французы, которые уехали в Канаду в XVII веке, этнической принадлежности не потеряли и англичанами не стали.

Применение понятия «сходство» ведет к абсурду. Не сходны мужчины и женщины, старики и дети, ремесленники и крестьяне, гении и тупицы, но этнической стройности это не нарушает. Очевидно, дело в чем-то другом.

В 1937 году биолог Л. фон Бергаланфи на философском семинаре в Чикаго, пытаясь сформулировать понятие «вид», предложил рассматривать его как «комплекс элементов, находящихся во взаимодействии», и назвал «системой открытого типа». Его тогда никто не понял и не поддержал. Бедный ученый сложил бумаги в ящик стола, отправился на войну, к счастью, уцелел и, возвратившись, застал совсем иной интеллектуальный климат: интерес к моделированию и кибернетике. Системный подход стал известен советским ученым с 1969 года благодаря философам Э.Г. Юдину и В.Н. Садовскому и биологу А.А. Малиновскому и ныне применяется во многих областях науки. Системный подход позволяет дать строгое определение понятию этноса. Попробуем объяснить наглядно. Но для этого надо учесть еще один фактор: комплиментарность, либо положительную – симпатию, либо отрицательную – антипатию.

Общеизвестный пример системы – семья, живущая в одном доме. Элементы ее: муж, жена, теща, сын, дочь, дом, сарай, колодец, кошка. Пока люди любят друг друга, система устойчива; если они ненавидят друг друга, как в романах Агаты Кристи, – система держится, пусть на отрицательной комплиментарности. Но если супруги разведутся, дети уедут учиться, теща разругается с зятем, сарай без ремонта развалится, колодец зацветет, кошка заведет котят на чердаке, – то это будет уже не система, а просто заселенный участок. И наоборот, пусть умрет теща, сбежит кошка, но будет писать любящий сын и приезжать на именины дочка, – система сохранится, несмотря на перестройку элементов. Это значит, что реально существующим фактором системы являются не предметы, а связи между ними, хотя они не имеют ни массы, ни веса, ни температуры.

Это простой случай; при усложнении системы расширяются и образуют субэтносы – группы людей, связанных положительной комплиментарностью внутри себя и отрицательной относительно соседей. Группа объединенных субэтносов образует этнос, интеграция этносов – суперэтнос, то есть группу этносов, возникших в одном регионе и противопоставляющих себя другим суперэтносам. Так, романо-германская католическая Европа – Chretiente – объявила в XIII веке своим противником православные страны – Византию, Болгарию и Россию – и начала против православия крестовый поход. И тут и там вера была одна, но суперэтносы разные. Чтобы оправдать свое поведение, крестоносцы четвертого похода (1204 г.) говорили, что православные такие еретики, что от них самого Бога тошнит. Значит, они воевали не за веру, а вследствие отрицательной комплиментарности двух суперэтнических систем. Это уже не только социальное, то есть разумное, действие, но взрыв неуправляемых эмоций, то есть явление природы.

Любопытно, что автор наметил основы такого подхода еще в студенческие годы, но не мог ни точно сформулировать их, ни тем более обосновать. Часто научная идея, даже

правильная, гнездится где-то в подсознании, и лучше там ее задержать до тех пор, пока она не выкристаллизуется в стройную логическую версию, не противоречащую ни одному из известных фактов.

При обобщении процессов глобальной истории правомерность системного подхода очевидна. Мусульмане ведут джихад – священную войну против христиан, но при этом режут друг друга. Однако характеры столкновений на суперэтническом и субэтническом уровнях несоизмеримы. Англичане воевали с французами, но в Африке, столкнувшись с зулу или ашанти, ощущали свое единство и спасали друг друга. Даже древние греки вели себя так же: воюя с персами, афиняне и спартанцы отпускали пленных персов за выкуп, но «за измену общеэллинскому делу» казнили фиванцев, служивших Ксерксу и Мардонию. А ведь социальные структуры у спартанцев и афинян были противоположны, экономические интересы взаимоисключали общую выгоду. Что же их объединяло в борьбе с персами? Только принадлежность к единой этнической системе, которая, как ныне доказано, – объективная реальность, существующая вне нас и помимо нас.

«Но ведь это биологизм!» Так кричат те, кто не задумывается над сущностью явлений природы. Нет, это монизм; это сопричастность людей к биосфере – праматери жизни на планете Земля. Это – дополнение к социальной эволюции, а не замещение ее, ибо прогресс – процесс развития социума, а этнос может быть сопоставлен с мелкими таксономическими единицами внутри вида *Homo sapiens*, рода *Hominides*, отряда *Primates*, семейства *Mammalia* (млекопитающих) и класса *Animalia* (животных). Мы порождение земной биосферы в той же степени, в какой и носители социального прогресса.

Естественники приняли системный подход с радостью, а гуманитарии его игнорировали. И это не случайно: филологи и историки черпают первичное знание из письменных источников, а в оных о системных связях нет ни слова. С их точки зрения, системы – выдумка, к тому же бесполезная.

А как же быть с этносами? Очень просто: надо различать их по названиям; узнать же эти названия следует у них самих, как в паспортном столе милиции. Нет, это не шутка, а, увы, научная установка, бытующая поныне. На одной кандидатской защите оппонент назвал единым этносом эквадорцев, хотя в Эквадоре живут белые креолы, метисы, индейцы кечуа и индейцы Амазонии. По его мнению, народы, живущие в одном государстве, – один этнос. Я спросил его: «А как назывался этнос Австро-Венгрии, где большинство составляли славяне? Австро-венгры?» Он обиделся и не ответил. Такому доктору географических наук системный подход, конечно, не нужен.

Равным образом не нужен системный подход тем историкам, которые ищут предка изучаемого этноса. Эти историки считают французов потомками кельтов (галлов), а русских – потомками скелотов (скифов). При этом они забывают, что и те и другие смешивались с соседями, меняли культуры и языки и, наконец, что монолитный этнос равноценен расе, особенно если у него был один предок, а не сочетание древних этнических субстратов. Такая патологическая склонность к партеногенезу весьма распространилась в XIX веке среди полубразованных людей и породила шовинизм как карикатуру на патриотизм.

Итак, системный подход имеет не только теоретическое, но и практическое значение, ибо благодаря ему можно избегать ошибок как в личной жизни, так и в межэтнических взаимоотношениях.

Начала и концы

Уже упоминалось, что этнические системы не вечны. Они развиваются согласно законам необратимой энтропии и теряют первоначальный импульс, породивший их, так же, как затухает любое движение от сопротивления окружающей среды. Так, это понятно. Но откуда взялся первоначальный толчок и какова природа той энергии, которая инициирует деяния людей, побуждает их идти на гибель или добиваться победы, воспользоваться плодами которой они не успевают? Ведь это не электричество, не теплота, не гравитация. А что же?

Великий ученый XX века В.И. Вернадский, читая в 1908 году заметку во французской газете о перелете саранчи из Африки в Аравию, обратил внимание на то, что масса скопища насекомых была больше, чем запасы всех месторождений меди, цинка и олова на всей Земле. Он был гений и потому задумался о том, какова энергия, которая подняла этих насекомых и бросила их из цветущих долин Эфиопии в Аравийскую пустыню, на верную смерть.

Дальнейший ход его исследования можно опустить; важен вывод. Во всех живых организмах находится биохимическая энергия живого вещества биосферы, совсем не мистическая энергия, а обыкновенная, аналогичная электромагнитной, тепловой, гравитационной и механической; в последней форме она и проявилась. Большей частью биохимическая энергия живого вещества находится в гомеостазе – неустойчивом равновесии, но иногда наблюдаются ее флуктуации – резкие подъемы и спады. Тогда саранча летит навстречу гибели, муравьи ползут, уничтожая все на своем пути, и тоже гибнут; крысы-пасюки из глубин Азии достигают берегов Атлантического океана и несут с собой легионы чумных бактерий; лемминги толпами бросаются в волны Полярного моря, газели – в пустыню Калахари; а люди... Но об этом-то и пойдет речь.

Чем сложнее организм, тем больше факторов определяет усложнение его системных целостностей и тем многообразнее их проявления в видимой истории. О людях мы знаем больше, чем о насекомых и грызунах. Там можно наблюдать только кульминации вспышек, но начала их, а также концы, когда импульс затухает и движение переходит в гомеостаз, причем популяция вымирает, описать очень трудно. Зато людям известна не только относительная хронология, показывающая, что было раньше, а что позже, но и абсолютная – в каком году то или иное произошло. Поэтому обнаружить и уточнить закономерности биосферы целесообразно путем их сопоставления с этнической историей человечества, где тоже есть «начала» – вспышки этногенеза и «концы» – распады этнических систем.

Любопытно, что наличие «начал» отмечали еще эллины и римляне, хотя прекрасно знали, что у них были предки: ахейцы, ходившие разрушать Трою, и латины, прибывшие из поверженной Трои в Италию под предводительством Энея. Тем не менее греки считали «началом» первую олимпиаду в 776 году до н.э., а римляне – основание Рима в 753 году до н.э. Пусть эти даты не точны, но в середине VIII века до н.э. действительно сложились два этноса-ровесника: эллины и римляне. А конец римского этноса наступил в V веке н.э., фактически с упразднением культа Весты, а официально – с отречением последнего императора Ромула Августула в 476 году. Социальный институт пережил создавший его этнос.

Византийский этнос называл себя «ромеи», то есть римляне, хотя на самом деле он был могильщиком Рима, так как происходил от полиэтнических христианских общин Сирии, Египта и Малой Азии. Первая достоверная дата его – 155 год, диспут Юстина Философа с языческими философами. Конец – падение Константинополя в 1453 году. Но следует отметить, что начальным датам всегда предшествует инкубационный период продолжительностью около 150 – 160 лет, то есть шесть – семь поколений. Это наводит на размышления.

Мусульмане начинают свою историю с бегства Мухаммеда из Мекки в Медину – 622 год (хиджра), но этому предшествовала эпоха энергетического взлета, выразившегося в оже-

сточении племенных войн и появлении плеяды поэтов. Это показывает, что фактический взрыв энергии был на рубеже V – VI веков. Уточнить дату трудно да и не нужно.

Создание современной западноевропейской этнокультурной целостности высчитано в сороковых годах прошлого века Огюстеном Тьерри – это 841 год. Тьерри доказал, что именно тогда проявили себя французы, которых до этого не было, а была механическая смесь салических франков и галлоримлян. Тогда же слились в этнос немцев племена саксов, рипуарских франков, тюрингов, швабов, фриз. В те же годы потомки вестготов, аланов, лузитанов и свевов объявили себя испанцами и начали Реконкисту – отвоевание Пиренейского полуострова у арабов. А ладьи викингов бороздили волны морей уже полвека, отмечая инкубационный период этногенеза. Остров Британия и полуостров Италия несколько отстали в этническом преображении, но были втянуты в него путем завоевания англосаксами, норманнами и швабами.

Позднее эта система, набухшая энергией, распространилась на Америку, являющуюся заокеанским продолжением Западной Европы, Австралию и Южную Африку, подчинила Индию и другие тропические страны, насадила свой стереотип поведения даже в Японии, но Россия, Турция и Китай устояли.

Очевидно, все этносы прошли фазы подъема, перегрева, надлома и инерции, только каждый этнос по-своему. Те же этносы, которые европейцы считают «примитивными» и «отсталыми», потому что ныне они пребывают в гомеостазе, некогда имели своих героев и гениев, но неумолимый Хронос состарил их. От былых живых культур у них сохранились обрывки преданий и трудовые навыки; это «старички», а не «дети».

Описанная закономерность противоречит принятой на Западе теории неуклонного прогресса, но вполне отвечает принципу диалектического материализма. Еще Энгельс использовал для наглядности пример зерна, дающего колос с обилием зерен, а русский поэт XX века В. Ходасевич интерпретировал этот пример в отношении исторических закономерностей во времени:

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

К явлениям этногенеза применимы и другие законы диалектики. Переход количества в качество наблюдается при взрывах и становлении этносов (негэнтропии); в последующей этнической истории (энтропии) он только меняет знак. Если непосредственно после толчка или взрыва энергия расширяет свой ареал, усложняет систему, создавая дополнительные звенья и блоки, – сословия, секты, торговые компании и т.п., то с определенного момента процесс идет в обратном направлении: количество подсистем уменьшается, энергетический баланс системы снижается, и система упрощается настолько, что у нее остается либо один элемент-реликт, либо и он рассасывается между отдельными системами. Мозаичность этносистемы объяснима через закон единства и борьбы противоположностей, а неизбежная смена одних этносов другими – через закон отрицания отрицания.

Как известно, диалектический материализм изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Применение диалектического материализма к изучению развития общества сформировало исторический материализм. Однако этнос – это феномен биосферы, и все попытки истолковать его через социальные законы развития общества приводили к абсурду. Ограничимся одним наглядным примером. Известно, что национально-освободительные движения несопоставимы однозначно с социальными конфликтами в рамках какой-либо страны. Здесь спорить не о чем.

Действительно, если бы принадлежность к этносу определялась только отметкой в документе, то не нужен был бы Институт этнографии АН СССР, а достаточно было бы паспортного стола и заполнения формы № 1. Однако вряд ли кто-либо с этим согласится. Для объяснения природных феноменов надо искать природные причины.

Сомнения и недоумения

Неоднократно доводилось слышать вопросы: «Каким образом мы, люди, можем узнать о такой форме энергии, как биохимическая энергия живого вещества биосферы? Большая часть форм энергии воспринимается органами чувств: свет (движение фотонов) – зрением; звук (колебание атмосферы) – слухом; тепло (движение молекул) – осязанием; электромагнетизм – несложными приборами. А как признать достоверным существование особой биохимической энергии, находящейся в телах людей и при этом сопоставимой с прочими формами энергии через энергетический коэффициент? Вот если бы тут была еще и душа – все было бы ясно, ибо к мистике мы привыкли». Да, действительно, все виды энергии воспринимаются не непосредственно, а через наблюдаемый эффект, но для получения эффекта необходима структура из многих элементов. Никто не видел единичного фотона, никого не обожгла одна молекула, невозможно слушать музыку ниже слухового предела, а катионы и анионы были не наблюдаемы, а вычислены. Так и биохимическая энергия была обнаружена В.И. Вернадским в огромном скоплении саранчи; изучая же отдельное насекомое, он не увидел бы ничего. Вот почему для поставленной нами цели нужна была история, как фиксация биохимических процессов в человечестве на популяционном уровне и за достаточно долгие сроки. Мимолетный взгляд дал Платону право определить человека как «двуногое без перьев». Над этим определением хохотали еще афиняне.

В наше время всем известно, что каждый человек – член этноса, этнос же входит в биосферу своего географического региона, являющегося фрагментом биосферы планеты Земля. Земля, в свою очередь, входит в состав Солнечной системы – участка Галактики и Метагалактики.

Таким образом, все мы сопричастны Вселенной, но путем иерархической совместимости макромира с микромиром, от которого людей отделяют клетки их тела, молекулы, атомы и субатомные частицы. Любая научная задача может быть корректно поставлена и решена только на своем уровне.

Но как же удалось увидеть эффект биохимической энергии живого вещества людей, которые так разнообразны и зависимы не только от природы, но и от культурного и социального развития? Это открытие пришло к автору весьма неожиданно – при изучении свойств исторического времени.

Линейная и циклическая системы отсчета времени употребляются ныне для календарей. Такое время не зависит от природных явлений и тем более от деятельности человека. Но время, в которое мы живем и которое ощущаем, измеряется числом событий. В отличие от календарного оно неоднородно. В нем есть свои горы и пропасти, трясины и равнины; по равнинам так приятно идти!

И это время как раз показывает неравномерность распространения энергии живого вещества на Земле. Ведь если бы этой неравномерности не было, то люди бы довольствовались простым насыщением и размножением, то есть самосохранением индивидуально и в потомстве. Так подсказывает инстинкт.

Но не все люди шкурники! Некоторые обретают стремление с обратным знаком, стремление к «идеалу», под которым понимается далекий прогноз. Они стремятся либо к победе над врагом, либо к открытию новых стран, либо к почестям от своих сограждан, либо к накоплению... безразлично чего: денег, знаний, воспоминаний, либо к власти, обладание коей всегда влечет за собой беспокойство и огорчения.

Эти люди могут быть добрыми и злыми, умными и глупыми, нежными или грубыми. Это не важно; главное, что они готовы жертвовать собой и другими людьми ради своих

целей, которые часто бывают иллюзорны. Это качество, по сути, – антиинстинкт; я назвал его новым термином – пассионарность (от латинского *passio* – страсть).

Пассионарность

Это слово вместе с его внутренним смыслом и многообещающим содержанием в марте 1939 года проникло в мозг автора как удар молнии. Откуда оно взялось – неизвестно, но для чего оно, как им пользоваться и что оно может дать для исторических работ, было вполне понятно: история любого этноса укладывалась в колыбель описанной схемы (толчок – подъем – перегрев – упадок – затухание), а отдельные зигзаги учитывались пропорционально их значению. Оказалось, что любая живая система, будь то этнос или организм, развивается единообразно. Внезапно в ней появляется некоторое количество людей, наделенных пассионарностью, – пассионариев.

Историческое время от вспышки до затухания совпадало с фазами этногенеза и отвечало им полностью. Это были как бы «возрасты этноса», определяемые процентом пассионариев в этнической популяции. Растет их число до определенного предела – система усиливается; выше этого предела – пассионарность уничтожает сама себя и снижается, так как пассионарии истребляют друг друга; ниже идет спад пассионарности с выбросом свободной энергии, порождающей искусство, роскошь, интриги и социальные идеи. После энергетического надлома наступает длинный период инерции, когда упорядочивается хозяйство, расширяется образованность и царит законность. Но неубывающая энтропия ведет этнос к распаду.

Непонятно было лишь, как возникают сами пассионарии и чем они отличаются от своих соплеменников. Друг биолог, тоже студент, подсказал слово: «мутация». А ведь и верно! Только это микромутация, меняющая что-то в гормональной системе организма и тем самым создающая новый поведенческий признак. Человек остается самим собой, но ведет себя по-другому.

Мутация никогда не захватывает всей популяции. Мутируют отдельные особи, и по-разному. Явные уроды быстро устраняются естественным отбором, а для устранения мутантов-пассионариев необходимо около 1200 лет, причем они ухитряются оставить после себя следы своих деяний: здания, поэмы, картины, рассказы о своих подвигах, технические изобретения и моральные нормы. Впрочем, моральные нормы забываются в первую очередь.

Если бы автор не осознал все это еще в 1939 году, ему в голову не пришло бы искать объяснения исторических событий в концепциях Бергаланфи и Вернадского, казалось бы, не касающихся истории.

Благодаря соединению геобиохимии и системологии с исторической географией становится понятной причинная связь между биохимической энергией живого вещества биосферы и отдельными системами – от микроорганизма до суперэтноса. Системы работают на биохимической энергии, абсорбируя (поглощая) ее из окружающей среды и выдавая излишек в виде работы (в физическом смысле). Оптимальное состояние, или гармоничность, системы, будь то один человек или многолюдный этнос, – это когда количества энергии, идущей на нужды самого организма и на пассионарность, равны. Тогда они уравнивают друг друга, и система крепка.

Если мутант абсорбирует больше энергии, он должен ее истратить, а путь к этому только один – деяния. Тогда испанские идадьо едут в Америку или на Филиппины, завоевывают целые страны, обретают богатства, на 80 процентов гибнут, а уцелевшие возвращаются измотанными до предела или больными. Но ведь едут только Дон Кихоты, а Санчо Пансы сидят с женой дома. Так, Испания, в XVI веке претендовавшая на роль мирового гегемона, к 1700 году стала предметом раздела между европейскими державами, и началась война за испанское наследство.

Однако этносы способны к регенерации. Тот же испанский этнос отразил армию Наполеона. Это был подвиг, равный освоению Америки. Как он мог совершиться? Только потому, что пассионарность – наследственный признак, видимо, рецессивный, так как он передается, минуя детей и внуков, к правнукам и праправнукам. Поэтому этнические системы существуют долго.

Пример Испании не исключение. Куда не взглянешь – тот же самый процесс. Ехидные студенты решили проверить теорию на совсем новом для автора материале: Японии и Эфиопии. И получилось то же самое: взлет, то есть мутация, подъем, то есть усложнение, спад, связанный с развитием культуры, инерция – установление цивилизации, упадок, смешение с соседями и очередной взлет. Что это закон природы – сомнений уже нет!

Но обязателен ли упадок? Да! Потому что наряду с пассионариями при мутации появляются субпассионарии – особи, поглощающие меньше энергии, чем требуется для уравновешивания потребностей инстинкта. Им все трудно, а желания их примитивны: поесть, выпить, поразвлечься с такой же женщиной. Таковы неаполитанские лаццарони, бродяги, описанные М. Горьким, подонки капиталистических городов, вымирающие племена Андаманских островов, которым лень наловить рыбы, нарвать в лесу плодов для любимых детей. Они лежат на берегу океана в ожидании парохода, а потом просят у приезжих туристов табак, курят... и счастливы.

Субпассионарии существуют повсеместно, но очень различны. Близкие к оптимуму составляют кадры преступников и проституток. Те, кто слабее, становятся алкоголиками и наркоманами, а еще ниже стоят дебилы и кретины, у которых не хватает энергии даже на то, чтобы мечтать. Эти особи за пределами нормы.

Субпассионарии отнюдь не так безобидны, как может показаться. Для них характерна безответственность и импульсивность. Им нельзя ничего доверить, ибо ради минутного наслаждения они способны погубить любое дело, даже государственное или общественное. Ради сегодняшней выгоды они уничтожают кормящие ландшафты, обрекая на голод своих потомков. Будущее их не пугает, потому что они просто не в состоянии его вообразить. А тех, кто пытается их вразумить, они убивают. Этот процесс особенно отчетливо виден в истории Римской империи III – IV веков. Не рабы, и не варвары, и не христиане погубили Рим, а любители цирковых зрелищ, бездельники, которых кормили даром. Ведь именно ради них истребляли население провинций и природу собственной страны – Италии, где дубравы не восстановились доселе, а склоны Апеннин заросли колючим кустарником.

Практическое значение теории

Нарисованная здесь картина выглядит мрачновато, но задача науки не в том, чтобы утешать людей и тем вводить их в заблуждение. Так, правда, случалось неоднократно, но то были своего рода «академические приписки». Ученый обязан отобразить картину реального мира, сколь бы сложной и даже горестной она ни была. Преодолеть трудности можно только тогда, когда о них знаешь.

Но, можно возразить автору, зачем знать то, чего нельзя ни изменить, ни исправить? Что же, автор не верит во всемогущество человечества? Да, изменение законов Природы вне людских возможностей хотя бы потому, что сами люди – часть Природы. Но знание законов Природы очень полезно, ибо позволяет избежать многих бед.

Люди не любят землетрясений, предотвратить их не могут, особенно когда вулкан образуется под водами Тихого океана. Зато сейсмография предупреждает о начале бедствия, и это позволяет своевременно эвакуировать обитателей морских берегов в горы и предохранить от губительного цунами. Метеорология также предупреждает о засухах и наводнениях, а ведь они, как и этногенез, возбуждаемый мутациями, за пределами активности людей.

То же самое относится к этногенезу. Даже если люди не могут ничего поделать с этим статистическим потоком вероятностей, то они могут не делать чего-то очень важного – не поворачивать северные реки, не поощрять курение подростков, не выставлять студентам в институтах пятерки за двоичный ответ. А для того чтобы избежать ошибок, знание истории и этнологии необходимо.

Теперь закономерно спросить автора: почему он, владея такими нужными людям понятиями, как «этногенез» и «пассионарность», тридцать лет не публиковал своих открытий? Использовал ли он свои знания или молчал, чтобы избежать столкновений с коллегами?

Автор свои мысли использовал эгоистично: он написал кандидатскую и докторскую диссертации по историческим наукам (истории древних тюрок), решив «алгебраически» очень трудные задачи, а потом перевел их на тривиальный «арифметический» язык, чтобы не шокировать членов ученого совета истфака. Если бы они знали, что есть способ писать научные работы легко и убедительно, то не голосовали бы за автора единодушно.

Публиковать новую методику следует только тогда, когда каждый тезис может быть убедительно аргументирован. Интуиция автора никого не убеждает, если же ему удастся решить частную задачу, то это будет отнесено на долю случая. А ведь мы работаем для людей и должны считаться с возможностями и привычками своих коллег.

Пассионарная теория этногенеза была весьма благожелательно встречена географами, геологами, зоологами, ботаниками и философами, но не вызвала интереса у историков-источниковедов, филологов и востоковедов. А жаль. Она и у них нашла бы применение.

И, наконец, замечание, относящееся не к теории, а к некрологу. Если ученый изучает предмет бескорыстно, не ставя предвзятой цели, то его открытия могут быть использованы в практической деятельности. Если же он хочет добиться какой-нибудь выгоды для себя, шансы на успех ничтожны. Такова диалектика творчества – один из разделов диалектики природы.

Перед лицом науки

В Александрийский век античной культуры (I – III века) говорили: «Эллины ищут знания, а иудеи – чуда». В наше время все поиски истины присвоили себе люди, служащие в научных институтах. Однако способы работы и цели научных сотрудников и ученых различны и вызывают к себе различное отношение современников.

Первый и основной способ можно назвать «седалищным». Это составление справочников, словарей, пособий. В гуманитарных науках это подготовка текстов к печати и библиография; в археологии – описание коллекций и в лучшем случае выполнение картосхем, каталогов и статистическая обработка собранных материалов. Работа эта пользуется заслуженным уважением, обеспечивает приличную зарплату и не приносит авторам ни беспокойства, ни известности.

Второй способ можно назвать «мотыльковым». Научный сотрудник много читает, а затем излагает чужие мысли своими словами. У него много читателей, неплохие гонорары и красивая жизнь. По сути, это разновидность литературы, причем изящной, и поскольку популяризация науки нужна, то такие авторы обретают симпатии читателей и коллег. Но жизнь их сочинений мимолетна.

Третий способ – накопление знаний, создание монографий. Но если авторы ограничиваются публикацией накопленных сведений, их труды не находят читателей. Удержать интерес к своей работе можно, только открыв себе вену и переливая горячую кровь в строки; чем больше ее перетечет, тем легче читается книга и тем больше она приковывает к себе внимания. Зато результаты будут плачевны, ибо коллеги не простят автора. «Ишь ты, его читают, а меня нет!» Большие неприятности по службе обеспечены.

Однако такие книги живут долго. Часто они переживают авторов, а те, исполнив роль доноров, умирают спокойно, с сознанием исполненного долга. Их вспоминают с уважением.

Все три способа были испробованы автором, и лишь после этого он прибег к четвертому. Хуже всего тем, у кого научное озарение охватывает сердце и мозг пламенем постижения истины. То, что было погружено во тьму, вдруг прояснилось; то, что было перемешано и перепутано, – становится на свои места. Собственные ошибки, бывшие привычными, устоявшимися мнениями, отваливаются как шелуха, но... рассказать об этом никому нельзя, потому что даже друзья предпочитают воспринятые с детства представления необходимости передумать заново, пусть не все, но многое. Да и сам первооткрыватель начинает не верить себе. Огонь в сердце, обжигающий мозг, его пугает. Он проверяет себя и свою мысль, и ему становится легче, потому что горение превращается в тление, но душа продолжает преобразоваться неуклонно. Наконец наступает момент, когда он не может молчать. Он рассказывает, но не находит тех огненных слов, которые бы донесли смысл его открытия до собеседников. Он знает: надо заставить их думать, и когда это удастся, когда пламя мысли передано другим, он обретает счастье.

Но зачем оно ему? У него в душе уже все сгорело. Единственное, что ему осталось, – это повторять уже известное. Поистине подлинное научное открытие, доведенное до людей, ради которых ученые живут и трудятся, – это способ самопогашения души и сердца. И хорошо, если первооткрыватель после свершения покинет мир. Он останется в памяти близких, в истории Науки. Вот почему это изложение открытия так названо: автонекролог.

Часть первая

Этногенез и этносфера

О термине «этнос»²

Доложено на заседании Отделения этнографии 17 февраля 1966 г.

1. Человечество, как биологическая форма, – это единый вид с огромным количеством вариаций, распространившийся в послеледниковую эпоху по всей поверхности земного шара. Густота распространения вида различна, но, за исключением полярных льдов, вся земля – обиталище человека.

Корабли бороздят просторы океанов с глубокой древности; в тропических лесах живут племена пигмеев, приспособившихся к пессимальным условиям существования, в пустынях археологи находят следы древних поселений или охотничьих стоянок, а пространства льдов ныне осваиваются научными экспедициями.

Иными словами, за период своего существования вид *Homo sapiens* неоднократно и постоянно модифицировал свое распространение на поверхности земли, но, подобно любому другому виду, стремился освоить возможно большее пространство с возможно большей плотностью населения [46, стр. 24 – 31]. Однако что-то ему мешало и ограничивало его возможности.

В отличие от большинства млекопитающих *Homo sapiens* нельзя назвать ни стадным, ни индивидуальным животным. Человек существует в коллективе, который, в зависимости от угла зрения, рассматривается то как общество, то как народность. Вернее сказать, каждый человек является одновременно и членом общества и представителем народности, но оба эти понятия несоизмеримы и лежат в разных плоскостях, как, например, длина и вес или степень нагрева и энергетический заряд.

Общественное развитие человечества хорошо изучено, и закономерности его сформулированы историческим материализмом. Спонтанное развитие общественных форм по спирали, через общественно-экономические формации, присуще только человеку, находящемуся в коллективе, и никак не связано с его биологической структурой. Этот вопрос настолько ясен, что нет смысла на нем останавливаться.

Зато вопрос о народностях, которые мы будем именовать, во избежание терминологической путаницы, этносами, полон нелепостей и крайне запутан. Несомненно одно: вне этноса нет ни одного человека на земле. Каждый человек на вопрос: «Кто ты?» – ответит: «русский», «француз», «перс», «масай» и т.д., не задумавшись ни на минуту. Следовательно, этническая принадлежность в сознании – явление всеобщее. Но это еще не все.

2. Этническая принадлежность – не ярлык, а релятивное понятие. Называя себя тем или другим этническим именем, индивидуум учитывает место, время и собеседника, отнюдь не давая себе в этом отчета. Так, карел из Калининской области в своей деревне называет себя карелом, а прибыв в Ленинград – русским, и это без тени лжи. Просто в деревне противопоставление русских карелам имеет значение, а в городе не имеет, так как различия в быте и культуре столь ничтожны, что скрадываются. Сложнее с татарами. Религиозное различие углубило этнографическое несходство их с русскими, и для того, чтобы казанский тата-

² Доклады Географического общества СССР. 1967, вып. 3, стр. 3 – 17.

рин объявил себя русским, ему нужно попасть в Западную Европу или Китай. Там, на фоне совершенно иной культуры, он назовет себя русским, прибавив, что, собственно говоря, он татарин. А в Новой Гвинее он же назовет себя европейцем, что будет правильно относительно папуасов, и пояснит, что он не из племени голландцев или англичан, а из другого, и этим вполне удовлетворит своего собеседника.

Поясним на реальных примерах. Во Франции живут кельты-бретонцы и иберы-гасконцы. В лесах Вандеи и на склонах Пиренеев они одеваются в свои костюмы, говорят на своем языке и на своей родине четко отличают себя от французов. Но можно ли сказать про маршалов Франции Мюрата или Ланна, что они баски, а не французы? Или про д'Артаньяна как исторического персонажа, так и героя романа? Можно ли не считать французами бретонского дворянина Шатобриана и Жиля де Ретца, соратника Жанны д'Арк? Разве ирландец Оскар Уайльд не английский писатель? Знаменитый ориенталист Чокан Валиханов сам говорил о себе, что он считает себя в равной мере русским и казахом. Таким примерам несть числа, но все они указывают, что этническая принадлежность, обнаруживаемая в сознании людей, не есть продукт самого сознания. Очевидно, она отражает какую-то сторону природы человека, гораздо более глубокую, биологическую, лежащую на грани физиологии, внешнюю по отношению к сознанию и психологии, под которой мы понимаем форму высшей нервной деятельности. Этот первичный гипотетический вывод требует пояснений и проверки на материале.

3. Условимся о термине. Это тем более необходимо, что понятие «этнос», с одной стороны, до сих пор не дефинировано, с другой, дефиниция этого понятия является не только исходным пунктом, но и целью исследования. В самом деле, определить понятие – значит установить все его сходства и различия со всеми прочими понятиями. А для исследования сходства и разницы мы должны иметь перед глазами предмет исследования. Получается как бы порочный круг, но это на самом деле диалектический путь науки: сначала условимся о значении употребляемого нами слова-термина, а затем путем анализа раскроем его содержание. Противоречия здесь нет.

В специальной работе [72, стр. 74 – 77] мы предложили предварительное значение термина: этнос – коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно – признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие – другие». Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной. Раскрыть эту величину можно только путем анализа возникновения и исчезновения этносов и установления принципиальных различий этносов между собою, а также характера этнической преемственности. Совокупность этих трех проблем мы называем этногенезом.

4. Что нам точно известно об этносах? Очень много и очень мало. Мы не имеем оснований утверждать, что этнос, как явление, имел место в нижнем палеолите. За высокими надбровными дугами, внутри огромной черепной коробки неандертальца, видимо, гнездились мысли и чувства. Но о том, каковы они были, мы пока не имеем права даже догадываться, если хотим остаться на платформе научной достоверности.

О людях эпохи верхнего палеолита мы знаем больше. Они великолепно умели охотиться, делали копья и дротики, одевались в одежду из звериных шкур и рисовали не хуже парижских импрессионистов. По-видимому, форма их коллективного бытия походила на те, которые известны нам, но это только предположение, на котором нельзя строить даже

научной гипотезы. Не исключено, что в древние эпохи были какие-нибудь особенности, до нашего времени не дожившие.

Зато народы позднего неолита и бронзы (III – II тыс. до н.э.) мы можем считать подобными историческим с большой долей вероятности. К сожалению, наши знания об этнических различиях в это время отрывочны и скудны настолько, что, базируясь на них, мы рискуем не отличить закономерности, которая нас в данный момент интересует, от локальных особенностей и, приняв частное за общее или наоборот, впасть в ошибку.

Достоверный материал для анализа дает нам так называемая историческая эпоха, когда письменные источники освещают историю этносов и их взаимоотношений.

Поскольку мы стоим на философской платформе монизма, понимая под этим, что законы природы едины и вечны, мы вправе, изучив этот раздел темы, применить полученные наблюдения к более ранним эпохам и восполнить пробелы наших знаний, возникающие на первой стадии изучения. Таким образом, мы избежим aberrации дальности, одной из наиболее частых ошибок исторической критики.

Целесообразно ограничить поле нашего исследования XIX веком, потому что для установления закономерности нам нужны только законченные процессы. Говорить о незаконченных процессах можно лишь в порядке прогнозирования, а для последнего нужно иметь в руках формулу закономерности, ту самую, которую мы ищем. Кроме того, при исследовании явлений XX в. возможна aberrация близости, при которой явления теряют масштабность, как и при aberrации дальности. Нет необходимости ставить под угрозу исследование, привлекая материал не откристаллизовавшийся и не получивший твердого научного истолкования. Поэтому мы ограничимся для постановки проблемы эпохой в 3000 лет, с XII в. до н.э. по XIX в. н.э., как наиболее полно изученной.

5. Мы исследуем наш обильный материал путем синхронистической методики, основываясь на сопоставлении сведений, достоверность которых не вызывает сомнений. Новое, что мы собираемся внести, будет сочетание фактов в предлагаемом нами аспекте. Это необходимо, потому что калейдоскоп дат в хронологических таблицах, приложенных к «Всемирной истории», не дает читателю никакого представления о том, что происходило с народами на протяжении их исторической жизни.

Предлагаемая методика характерна не столько для гуманитарных, сколько для естественных наук, где установление связей между фактами, на основании статистической вероятности и внутренней логики явлений, является единственным путем для построения эмпирического обобщения, которое считается столь же достоверным, как и наблюдаемый факт [46, стр. 19].

Эмпирическое обобщение не является ни гипотезой, ни популяризацией, хотя оно строится не на первичном материале (опыте, наблюдении, чтении первоисточника), а на уже собранных и проверенных фактах. Сведение материала в систему и построение концепций есть средняя стадия осмысления проблемы, предшествующая философскому обобщению. Для наших целей нужна именно эта средняя ступень.

6. Подобно тому как движение Земли является составляющей из многих закономерных движений (вращение вокруг оси, вращение вокруг Солнца, смещение полюса, перемещение со всей планетной системой по Галактике и многие другие), так и человечество, антропосфера, развиваясь, испытывает не одно, а ряд воздействий, изучаемых отдельными науками. Спонтанное движение, отраженное в общественном развитии, изучается историческим материализмом; физиология человека – область биологии; соотношение человека с ландшафтом – историческая география – находится в сфере географических наук; изучение войн, законов и учреждений – история политическая, а мнений и мыслей – история культуры; изучение языков – лингвистика, а творчества – филология и т.д. Где же помещается наша проблема?

Начнем с того, что этнос, как, например, язык, явление не социальное, потому что оно характерно для всех формаций. Влияние спонтанного общественного развития на становление этносов – экзогенно. Для того, чтобы оказать воздействие на формирование или разложение этносов, линия общественного развития трансформируется через призму истории, как политической, так и культурной. Поэтому можно сказать, что проблема этногенеза лежит на грани исторической науки там, где она из гуманитарной плавно переходит в естественную.

Поскольку все явления этногенеза происходят на поверхности земли в тех или иных географических условиях, то неизбежно возникает вопрос о роли ландшафта, как фактора, определяющего экономические возможности человеческих коллективов – этносов [68, стр. 70 – 88; 140, стр. 412 – 416]. Но сочетания истории с географией для нашей проблемы недостаточно, потому что речь идет о живых организмах, которые, как известно, всегда находятся в состоянии либо эволюции, либо инволюции и взаимодействуют с другими живыми организмами, образуя сообщества – биоценозы.

Таким образом, следует поместить нашу проблему на стыке трех наук: истории, географии – ландшафтоведения и биологии – экологии и генетики. А коль скоро так, то можно дать второе приближение определения термина этнос: этнос – специфическая форма существования вида *Homo sapiens*, а этногенез – локальный вариант внутривидовой эволюции, определяющийся сочетанием исторического и геоэкономического (ландшафтного) факторов.

Может показаться экстравагантным аспект, в котором человечество предстает как антропофауна, но начало этому типу исследований положили Дарвин и Энгельс. Последний даже определил, что стимулом развития цивилизации были не столько идеи или глубокие политические соображения, сколько алчность [176, стр. 176] – эмоция, коренящаяся в сфере подсознания, функция высшей нервной деятельности, лежащей на грани психологии и физиологии. Следуя научной традиции, мы обращаем внимание на ту сторону человеческой деятельности, которая выпадала из поля зрения большинства наших предшественников.

7. При изучении общих закономерностей этнологии прежде всего надлежит усвоить, что реальный этнос и этноним, т.е. этническое наименование, не одно и то же. Часто мы встречаем несколько разных этносов, носящих одно и то же имя, или, наоборот, один этнос может называться по-разному. Так, слово «римляне» (*Romani*) – первоначально означало граждан полиса Рима, но отнюдь не соседей италиков или даже не латинян, обитавших в других городах Лациума. В эпоху Римской империи I – II вв. количество римлян возросло за счет включения в их число почти всех италиков и многих жителей провинции, отнюдь не латинского происхождения. После эдикта Каракаллы 212 г. римлянами были названы все свободные жители муниципий на территории Римской империи, в том числе: греки, каппадокийцы, евреи, берберы, галлы, иллирийцы, германцы и др. Понятие «римлянин» как бы потеряло этническое значение, но этого на самом деле не было: оно просто его изменило. Общим моментом вместо единства происхождения и языка стало единство даже не культуры, а исторической судьбы. В таком виде данный этнос просуществовал три века – срок изрядный – и не распался. Наоборот, он трансформировался в IV – V вв. вследствие принятия христианства как государственной религии, которая стала после первых четырех соборов определяющим принципом. Те, кто признавал оные соборы, санкционированные государственной властью, были своими, римлянами, а кто не признавал – становился врагом. На этом принципе сформировался новый этнос, который мы условно называем «византийцами», но они-то сами называли себя «ромеями» (*Romaioi*), т.е. «римлянами», хотя говорили они по-гречески. Постепенно в число ромеев влилось множество славян, армян, сирийцев, но название «римлян» они удержали до 1453 г., до падения Константинополя. Ромеи считали «римлянами» именно себя, а не население Италии, где феодалами стали лангобарды, горожанами – сирийские семиты, а крестьянами – бывшие колонны из военнопленных всех народов, когда-либо побежденных римлянами империи. Зато флорентинцы, генуэзцы, вене-

цианцы и другие жители Италии считали «римлянами» себя, а не греков и на этом основании утверждали приоритет Рима, в котором от античного города оставались только руины.

Третья ветвь этнонима «римляне» возникла на Дунае, где после римского завоевания Дакии было место ссылки. Здесь отбывали наказание за восстания против римского господства фригийцы, каппадокийцы, фракийцы, галаты, сирийцы, греки, иллирийцы, короче говоря, все восточные подданные Римской империи. Чтобы понимать друг друга, они объяснялись на общеизвестном латинском языке. Когда римские легионы ушли из Дакии, потомки ссыльнопоселенцев остались и образовали этнос, который в XIX в. принял название «румыны», т.е. «римляне».

Если можно еще усматривать историческую преемственность между «римлянами» эпохи Республики и «римскими гражданами» эпохи поздней Империи, хотя бы как постепенное расширение понятия, функционально связанного с распространением культуры, то у византийцев и римлян нет даже такой связи. Отсюда вытекает, что слово меняет смысл и содержание и не может служить опознавательным признаком этноса. Очевидно, надо учитывать еще и контекст, в котором это слово несет смысловую нагрузку, а тем самым эпоху, потому что с течением времени значение слов меняется. Это еще более показательно при разборе этнонимов «тюрк», «татар» и «монгол» – пример, мимо которого нельзя пройти.

В VI в. тюрками называли небольшой народ, обитавший на восточных склонах Алтая и Хангая. Путем нескольких удачных войн тюркам удалось подчинить себе все степи от Хингана до Азовского моря, и подданные Великого каганата, сохранив для внутреннего употребления собственные этнонимы, стали называться также тюрками, поскольку они подчинялись тюркскому хану. Когда арабы покорили Согдиану и столкнулись с кочевниками, то они всех их стали называть тюрками, в том числе угров – мадьяр. Европейские ученые в XVIII в. называли всех кочевников «les tartars», а в XIX в., когда вошла в моду лингвистическая классификация, присвоили название тюрков определенной группе языков. Таким образом, в разряд тюрков попали многие народы, которые в древности в их состав не входили, например якуты, чуваша и гибридный народ – турки-османы.

Последние образовались на глазах историков путем смешения небольшой орды туркмен, пришедших в Малую Азию с Эртогрулом, газиев – добровольных борцов за ислам (аналог крестоносцев), славянских юношей, забираемых в янычары, греков, итальянцев, арабов, киприотов и т.п., поступавших на флот, ренегатов-французов и немцев, искавших карьеру и фортуна, и огромного количества грузинок, украинок и полек, продаваемых татарами на невольничьих базарах. Тюркским был только язык, ставший государственным, потому что он был принят в армии. И эта мешанина слилась в монолитный народ, присвоивший себе название «турк» в память тех степных богатырей, которые 1000 лет назад стяжали себе славу на равнинах Центральной Азии. Опять этноним отражает не истинное положение дел, а традиции и претензии.

Модификация же этнонима «татар» является примером прямого камуфляжа. До XII в. это было этническое название группы из 30 крупных родов, обитавших на берегах Керулена. В XII в. эта народность усилилась, и китайские географы стали употреблять его как название всех центральноазиатских кочевников: тюркоязычных, монголоязычных и тунгусоязычных, в том числе монголов. Когда же Чингисхан в 1206 г. объявил официальным названием своих подданных имя «монгол», то соседи по привычке некоторое время продолжали называть монголов татарами. В таком виде слово «татар», как синоним слова «монгол», попало в Восточную Европу и прижилось в Поволжье, где местное население в знак лояльности хану Золотой Орды стало называть себя татарами. Зато потомки первоначальных носителей этого имени стали именовать себя монголами. С этого времени возникла современная научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть «монголоидным», а

язык поволжских тюрок-кипчаков – татарским языком. Иными словами говоря, мы даже в науке употребляем заведомо закамouflированную терминологию.

Приведенных примеров достаточно, чтобы констатировать, что этническое название или даже самоназвание и явление этноса как устойчивого коллектива особой вида *Homo sapiens* отнюдь не покрывают друг друга. Поэтому филологическая методика, исследующая слова, для этнологии неприменима, и нам надлежит обратиться к истории, дабы проверить, насколько эта дисциплина может помочь при постановке и решении нашей проблемы.

8. История – наука о событиях в их связи и последовательности. Эталон, которым пользуется историческая наука, является общественный институт, коим может быть государство, племенной союз, религиозная секта, торговая компания (например, Ост-Индская), политическая партия и т.д., словом любое учреждение в любых веках и у любых народов. Иногда институт государства и этнос совпадают, и тогда мы наблюдаем в ряде случаев нации современного типа. Но это частный случай, характерный для XIX – XX вв., а в древности такие совпадения были редкими. Случается, что религиозная секта объединяет единомышленников, которые, как, например, сикхи в Индии, сливаются в этнос, и тогда происхождение особой, инкорпорированной общиной, не принимается во внимание. Но часто такие общины, обладающие всеми качествами этноса, неустойчивы и дробятся, как это было с мусульманской общиной эпохи халифата (VII – X вв.).

Конечно, общность исторической судьбы способствует образованию и сохранению этноса, но и историческая судьба может быть одной у двух-трех народностей и разной для двух половин одной народности. Например, англосаксы и уэльсские кельты объединены с XIII в., однако они не слились в один этнос, что, впрочем, не мешает им жить в мире, а у армян восточных, подчиненных еще в III в. Ирану, и западных, связанных с этого же времени с Византией, судьбы были различны, но этническое единство не нарушилось. В XVI – XVII вв. французские гугеноты и католики весьма различались по своим историческим судьбам, да и по характеру культуры как до издания Нантского эдикта, так и после отмены его. Однако этническая целостность Франции оставалась неизменной, несмотря на кровопролитные войны и драгонады.

Следовательно, этническое становление лежит глубже, чем явления исторического процесса. История может помочь этнологии, но не заменяет ее.

9. Многие этносы делятся на племена и роды. Можно ли считать это деление обязательной принадлежностью этноса, или хотя бы первичной стадией его образования, или, наконец, формой коллектива, предшествовавшей появлению самого этноса? Имеющийся в нашем распоряжении достоверный материал позволяет ответить – нет!

Прежде всего, далеко не все современные народы имеют или имели когда-либо за все время своего существования родовое или племенное деление. Такового нет и не было у испанцев, французов, итальянцев, румын, англичан, турок-османов, великороссов, украинцев, сикхов, греков (не эллинов) и многих других. Зато клановая или родовая система существует у кельтов, казахов, монголов, тунгусов, арабов, курдов и ряда других народов. Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как византийцы или сасанидские персы, народы, образовавшиеся на 1000 лет раньше, чем монголы, и на 1200 лет раньше, чем казахи, великолепно обходились без родов и фратрий. Конечно, можно предположить, что в древности система родов была повсеместной, но даже если это так, то к историческому периоду, когда народы (этносы) возникали на глазах историка, такое допущение не имеет отношения.

То, что господствующими во всем человечестве формами за все время существования вида *Homo* были разные формы семьи: групповой брак, семья пуналуа, парный брак, моногамная семья [176, стр. 77], – и общественные системы – формации, достаточно обосновано и доказано, но к нашей проблеме не имеет непосредственного отношения, так как этниче-

ская целостность не совпадает ни с семейной ячейкой, ни с уровнем производства и культуры. Поэтому в нашем исследовании мы должны искать другие критерии и другие опознавательные признаки.

Вместе с тем необходимо отметить, что у народов с родо-племенным устройством деление на кланы (у кельтов), фратрии, кости («сеок» у алтайцев) и племенные объединения (джус у казахов) и т.п., эти внутриэтнические единицы необходимы для поддержания самого этнического единства. Путем разделения на группы регулируются отношения как отдельных особей к этносу в целом, так и родовых или семейных коллективов между собою. Между прочим, только этим способом вводится и сохраняется экзогамия, предотвращающая кровосмесительные браки. Представители родов выражают волю своих соплеменников на народных собраниях и создают устойчивые союзы родов для ведения внешних войн, как оборонительных, так и наступательных. В Шотландии, например, клановая система выдержала набеги викингов в X в., нападения феодалов в XII – XV вв., войну с английской буржуазией в XVII – XVIII вв., и только капиталистические отношения смогли ее разрушить. А там, где клановая система была менее выражена, например у полабских славян, немецкие и датские рыцари расправились с ними за два века (XI – XII вв.), несмотря на бесспорную воинственность и завидное мужество бодричей, лютичей и жителей острова Руги. Деление этноса на племена несет функцию скелета, на который можно наращивать мышцы и тем самым набирать силу для борьбы с окружающей средой.

10. Но как же восполняется отсутствие родо-племенных групп у народов вполне развитых, находящихся на стадии классового общества? Классовая структура общества и классовая борьба – факт, установленный и не подлежащий пересмотру. Следовательно, деление на классы не может быть функционально аналогично делению на племена. И действительно, параллельно делению общества на классы мы обнаруживаем деление этносов на группы, отнюдь не совпадающие с классовыми. Условно их можно назвать консорциями, но это слово соответствует понятию лишь в первом приближении.

Например, в феодальной Европе внутри одного этноса, скажем французского, господствующий класс состоял из разных консорций: 1) феодалов в прямом смысле слова, то есть держателей ленов, связанных с короной вассальной присягой; 2) рыцарей, объединенных в ордена; 3) нотаблей, составляющих аппарат королевской власти (*nobless de robe*); 4) высшего духовенства; 5) ученых, например, профессоров Сорбонны; 6) городского патрициата, который сам делился по территориальному признаку, и т.д. Можно по принятой степени приближения выделить больше или меньше групп, но при этом надо обязательно учитывать еще их принадлежность к партиям, например, арманьякской и бургундской в начале XV в. А по отношению к народным массам такое разделение применимо в еще большей степени, так как каждая феодальная провинция носила тогда ярко выраженный индивидуальный характер.

В буржуазном обществе мы наблюдаем уже не те консорции, но принцип остается неизменным. Внутри этносов и помимо классов есть для каждой особи люди «своего» и не своего круга.

То, что «консорций», как мы их условно называли, неизмеримо менее стойки и длительны, чем родо-племенные группировки, бесспорно, но ведь и последние не вечны. Значит, разница между теми и другими не принципиальна. Сходство же их в том, что они несут одинаковую функциональную нагрузку, поддерживая единство этноса путем внутреннего разделения.

И самое важное и любопытное – это то, что при возникновении «консорции» отличаются друг от друга лишь нюансами психологии, но со временем различия углубляются и кристаллизуются, переходя в обычаи и обряды, т.е. в явления, изучаемые этнографами. Например, старославянский поцелуйный обряд трансформировался в России в целование

руки замужним дамам и сохранился у поместного дворянства, но исчез из быта других слоев населения.

А.М. Горький, наблюдавший в крупных городах Поволжья быт мещан и интеллигентов-разночинцев, констатирует такие глубокие различия, что предлагает рассматривать эти недавно сложившиеся группы населения как «разные племена» [53, стр. 81]. В том смысле слова, в котором он его употребляет, т.е. как различия в быте, нравах, представлениях, он прав, и наблюдение его плодотворно. В наше время эти различия почти стерлись. Они были характерны для короткого периода около 80 лет, но мы уже говорили, что продолжительность явления не влияет на принципиальную сторону дела.

Еще характернее другой пример – старообрядцы. Как известно, это небольшая часть великороссов, не принявших в шестидесятых годах XVII в. некоторых реформ церковного обряда. Тогда они еще ничем не выделялись среди прочего населения. Во втором поколении, при Петре I, они составляли определенную изолированную группу населения. К концу XVIII в. у них появились, а отчасти сохранились, обычаи, обряды, одежды, резко отличные от тех, которые стали общепринятыми. Екатерина II прекратила гонения на старообрядцев, но это не повело к обратному слиянию их с основной массой этноса. В новообразовавшуюся внутриэтническую целостность входили и купцы-миллионеры, и казаки, и полунищие крестьяне из Заволжья. Эта единица, сначала объединенная общностью судьбы – *consortia*, постепенно превратилась в единицу, объединенную общностью быта – *соп#ixia*, и лишь в XX в. постепенно стала рассасываться, так как повод для ее возникновения давно перестал существовать, а оставалась только инерция.

Примеры, приведенные нами, ярки, но редки. Чаше функции внутриэтнических группировок принимают на себя естественно образующиеся территориальные объединения – землячества. Наличие таких делений, как и при родовом строе – существование фратрий, не подрывает этнического единства.

Теперь мы можем сделать вывод: внутриэтническое дробление есть условие, поддерживающее целостность этноса и придающее ему устойчивость; оно характерно для любых эпох и стадий развития.

11. Итак, ни одна из гуманитарных наук не дает ответа на существо проблемы этнологии и этногенеза и даже не позволяет создать терминологию, которая была бы точна и общепонятна. Поэтому попробуем обратиться к естественным наукам – географии и примыкающим к ней разделам биологии.

Мы уже говорили, что целесообразно рассматривать человечество как вид *Homo sapiens*. Но тогда все закономерности развития любого вида млекопитающих применимы к людям, разумеется, за исключением специфических особенностей, что в высшем аспекте не существенно. Всем видам животных свойственны инстинкт продолжения вида (размножение), стремление распространить свое потомство на наибольшую возможную площадь, пригодную для жизни (ареал), и способность приспособления к среде (адаптация). В отношении этих общих черт люди не являются исключением.

Однако распространение любого животного вида ограничено тем, что каждый вид входит в биоценоз – закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью условий существования [140, стр. 359]. Каждый биоценоз связан с участком земной поверхности, который он занимает и к которому он приспособлен. Такой участок называется био-хор. Поскольку биоценоз – связанная система и изменение в ней какого-нибудь одного звена ведет к изменению и остальных звеньев, то в этом отношении налицо полная аналогия с географическим ландшафтом [140, стр. 359]. А так как каждый биохор связан с определенным ландшафтом, то целесообразно принять термин, предложенный академиком В.Н. Сукачевым, – геобиоценоз, совмещающий биологические и географические особенности данного биохора. Геобиоценозы динамичны. Они

меняются вследствие сложного переплетения экзогенных импульсов. Смена геобиоценозов носит название сукцессии [140, стр. 362].

При возникновении биоценоз складывается из животных и растительных форм, примеряющихся к условиям заселяемого ими ландшафта. В результате приспособления возникает новый адаптивный тип сообществ, приобретающий новые особенности структуры поведения.

Таким образом, любой животный вид модифицируется под воздействием адаптации. Степень модификации определяется разнообразием географических условий заселяемого видом ареала. Но чаще всего возможности изменения ограничены, так как вид, успевший накопить ряд определенных признаков, не может произвольно избавиться от них, согласно закону о необратимости эволюции. Поэтому большинство видов животных имеет ограниченные ареалы. Человек же, как мы уже отметили, распространился по всей земной поверхности. В этом одно из важнейших отличий вида *Homo sapiens* от прочих видов млекопитающих.

Но потребность в адаптации у людей осталась и проявляется особенно сильно именно вследствие широкого распространения вида как целого. Замечено, что отдельные этносы при своем возникновении связаны с определенными ландшафтными условиями – биоохрами. Следовательно, исходя из сказанного, мы можем охарактеризовать этнос как биологическую единицу, таксономически стоящую ниже вида, как *populatio*, а само этническое деление человечества как один из способов адаптации в ландшафтах не столько в структуре, сколько в поведении. Путем применения естественных наук отыскана дефиниция, которую мы бесплодно искали в науках гуманитарных. Эта важная проблема будет освещена специально в особом докладе.

Но тут сразу же возникает сомнение: а как же люди столько веков без высокоразвитых наук оперировали таким сложным понятием, как «этнос», и не путались в практическом применении его? И почему путаница возникла, как только в XIX в. появилась наука этнография? И не значит ли это, что научное осмысление этнических явлений не нужно или вредно?

Мы наблюдаем в природе множество явлений, которые либо не поддаются определениям, либо определения бывают тавтологиями. Например, как определить такое явление, как «время»? А считать его мы умеем достаточно точно. Понятие «сила» определяется в физике как «причина, вызывающая ускорение», но ведь это тавтология. В физиологии наблюдается явление «клинической смерти», которая по существу еще жизнь, и т.д. Очевидно, мы, люди, знаем гораздо больше, чем можем назвать словами, и только в спекулятивной философии «знание» и «название» совпадают, но ведь спекулятивная философия не ставит своей целью изучение реального мира.

Этнические различия реальны и воспринимаются людьми безотчетно. При простых этнических сочетаниях не возникает нужды в осмыслении явления, которое и без того всем понятно. Но по мере накопления материала и усиления связей между народами всего земного шара потребность в осмыслении усилилась и возникла необходимость в систематизации знаний. Наука XIX в., стоявшая на позициях спекулятивной философии идеализма и его варианта – вульгарного материализма, не справилась с поставленной задачей. Главным препятствием тому было резкое отграничение всего, что относится к человечеству, от того, что касается остальной природы, как живой, так и мертвой. Исключение было сделано только для медицины, и то потому, что сами философы предпочитали быть вылеченными от болезней.

Как мы показали выше, граница между специфически человеческой и натурально-фаунистической сферами существует, но проходит она не там, где ее помещали философы и социологи XIX в. В частности, этнические явления лежат в сфере природы и поэтому осмысление их возможно лишь путем применения той самой методики, которая дала такие бле-

стоящие результаты в физической географии, зоологии и учении о наследственности. Сочетание этих наук с историей полагает начало новой науке – этнологии, практическое значение которой очевидно и неоспоримо.

12. Однако, проводя границу между этнологией и гуманитарными науками, мы обязаны указать ее отличие от чисто биологической дисциплины – антропологии, науки о человеческих расах. Расы тоже рассматриваются как таксономические единицы ниже вида (*subspecies*), но здесь классификация идет по соматическим признакам, а в этнологии по характеру поведения. Расы и этносы – понятия не только не совпадающие, но исключающие друг друга, потому что каждый этнос состоит из смешения двух и более рас первого или второго порядка, а каждая раса входит в состав многих этносов. Сочетания рас первого порядка, например европеоидов и негроидов, имели место в Индии, европеоидов и монголоидов – в Средней Азии и Латинской Америке, монголоидов и негроидов – в восточной Индонезии, и это не мешало сложению этнических коллективов. В Европе, Южной Африке, Америке и Полинезии происходило смешение рас второго порядка, например во Франции смешались северная, альпийская и средиземноморская европеоидные расы, в Германии – северная и альпийская, на Балканах – динарская и средиземноморская, а в Европейской России насчитывается пять расовых компонентов второго порядка, не говоря о пришлых монголоидных элементах.

Зато чистой в расовом отношении народности нет нигде. Даже скандинавы не избежали смешения, хотя оно произошло в II тыс. до н.э., когда арийские племена проникли в Европу и смешались с неолитическими племенами Прибалтики. В образовании племен Новой Гвинеи участвовали папуасы и меланезийцы, резко отличные друг от друга, и даже на острове Пасхи обнаружены два расовых компонента: короткоухие и длинноухие, по соматическим и психическим признакам не идентичные. Расовая теория к этнологии неприменима.

Следовательно, этносы отличаются друг от друга чем-то другим, хотя и не менее значительным.

Вспомним, что каждый этнос с момента возникновения делится на составные части: либо роды и фратрии, либо племена, либо «консорции», сочетание которых практически неповторимо. Это значит, что каждый этнос имеет оригинальную структуру, которая воспринимается людьми как этническая целостность. В тех же случаях, когда структура стирается и этнос находится на грани ассимиляции другими этносами, остается инерция, т.е. традиция. До тех пор пока инерция не иссякнет, люди, принадлежавшие к данному этносу, будут относить себя к нему. И тут не имеет значения, говорят ли эти люди на языке своих предков, соблюдают ли они их обряды, чтят ли свои древние памятники, живут ли на земле, породившей их структуру. В чем кроется механизм сложения, устойчивости, изменчивости и исчезновения этнических коллективов – это основная проблема этнологии, о которой следует говорить особо. Пока же отметим, что этническая структура всегда возникает в определенных и неповторимых географических условиях, в том или ином ландшафте. Поэтому, определив расу как подвид в аспекте биологии, мы вправе отнести понятие «этнос» к ряду географических наук, в ту область, где они смыкаются с историческими.

Этнос как явление³

Доложено на заседании Отделения этнографии 19 мая 1966 г.

1. Тезис: человек – млекопитающее животное; человечество – один из видов отряда приматов (гоминид); закономерности развития человечества не отличаются принципиально от закономерностей развития любого другого вида – в середине XIX в. был лозунгом того материализма, который мы теперь называем механическим или вульгарным.

Не то чтобы этот тезис был полностью неверным. Человек, действительно, несет в себе зоологическую природу, и многое в его жизни и поведении объясняется натуральными инстинктами и физиологическими потребностями, не меняющимися за все время существования вида *Homo sapiens* [237]. Но нельзя переносить биологические законы в сферу социальной жизни непосредственно. Поэтому Маркс и Энгельс признали, что теория биологической эволюции имеет величайшее значение не только в области чисто биологических вопросов, но и как основание и дополнение к теории исторического материализма и лежащей в его основе философии. В то же время они понимали, насколько важно избежать ошибки Геккеля, Герберта Спенсера и др., отождествлявших процессы и законы биологической и социальной эволюции, так как последние являются эпифеноменами по отношению к первым и протекают по собственным законам, зависящим от специфических особенностей, приобретенных самим человеком. Таким образом, хотя понимание биологической эволюции и необходимо для правильного направления человеческой деятельности, оно само по себе еще не дает нам разрешения социальных проблем, но служит известным основанием для их рассмотрения [180, стр. VIII].

Можно считать установленным, что человечество, со всеми его взаимосвязями, явление не простое, а сложное. Люди, и каждый человек в отдельности, являются и физическими телами, подвластными силе тяжести; и организмами, вмещающими в себе бактерии и других микробов; и млекопитающими животными с определенной продолжительностью жизни; и членами обществ, развивающихся в силу собственной закономерности; и, наконец, представителями этнических сообществ: племен, народностей, наций и т.п. Наблюдаемые простым глазом явления, касающиеся человечества в целом, не что иное, как составляющая, где участвуют факторы не только все перечисленные, но и многие другие.

Для того чтобы от обывательского восприятия перейти к научному анализу, надлежит расчленить все факторы и рассмотреть каждый в отдельности. Совершенно правильно отметил С.В. Калесник: «Для того, чтобы изучать взаимодействие, нет необходимости путать разные вещи» [142, стр. 249]. Их скорее необходимо разделять. И вот, отграничив этногенез от социального развития, мы должны проделать ту же работу для размежевания зоологии и этнологии.

Ю.К. Ефремов определяет антропосферу как «совокупность человеческих организмов» или «биомассу в 150 млн. тонн живого веса». При этом он учитывает ее организованность и включает в антропосферу производительные силы и производственные отношения [126, стр. 50]. Так вот посмотрим, что здесь от биологии, а что специфически присуще человеку.

Напомню, что этносом мы называем коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам и имеющий оригинальную внутреннюю структуру. Это определение предварительное, для раскрытия которого нужно дать общее описание свойств, при-

³ Доклады Географического общества СССР, 1967, вып.3, стр. 90 – 107.

сущих этносу, как таковому, а также положить основу для этнической классификации. Но что значит описать? Только одно: сравнить изучаемый предмет с другим, уже известным, и отметить их сходство и различие.

С чем сравнить этнос? Очевидно, с явлениями, изучаемыми сопредельными науками: с общественными формациями, которыми занимается социология, с популяциями вида, которые исследуются биологией, и ландшафтами, составляющими предмет физической географии, а вернее, зоогеографии.

По принятой Аристотелем зоологической систематике, этнос – мельчайшая таксономическая единица, определяемая не столько по признакам соматическому или физиологическому, сколько по поведению. Иными словами, представители одного и того же этноса в определенных критических условиях реагируют сходно, а члены иных этносов по-иному. Собственно, только в этом и проявляется «психический склад», считающийся одним из признаков нации. Разумеется, здесь должны приниматься во внимание только статистические средние из достаточно больших чисел, с отклонениями во все стороны. Однако, поскольку мы почти всегда имеем дело либо с народами многочисленными, пусть недостаточно обособленными, либо с народностями, четко отграниченными от соседей, пусть даже численно малыми, то отмеченная неопределенность является величиной, которой должно пренебречь. Этнос, как и вид, по определению Аристотеля, «это не сводимая ни на что другое особенность, делающая предмет тем, что он есть» [29, стр. 268]. Именно поэтому этнос не является ни спекулятивной категорией, ни философским обобщением тех или иных черт. Он ощущается нами непосредственно, как свет, тепло, электрический разряд, и, следовательно, должен изучаться как одно из явлений природы, биосферы, а не как гуманитарная концепция, возникающая в мозгу наблюдателя.

В отличие от социальных таксономических единиц, как принятых в историческом материализме – формации, так и в буржуазной западноевропейской социологии – цивилизации, этносы при возникновении связаны с определенными ландшафтными районами. Для общественного развития наличие этносов является только фоном, правда необходимым, потому что если нет людей, то нет и закономерностей общественного развития, а люди до сих пор не существовали вне этносов.

Это последнее положение может вызвать возражения, потому что рабы в древнем мире или интернациональные авантюристы, космополиты, сами затруднялись определить, к какому народу их следует причислить.

Для прояснения проблемы следует отметить, что очень редкие этносы, реликтовые племена, существуют изолированно, но там проблема внеэтнического существования отдельных особей не возникает. Их там просто не бывает и быть не может, потому что изгнанник, лишенный поддержки коллектива, обречен на гибель.

Сложнее с особями, не помнящими родства, например, с рабами, зачатыми в лупанариях. По происхождению и правовому положению они не были римлянами. Это значит, что они не входили в официальное римское общество, но поскольку последнее без них не могло существовать, то мы имеем право причислить рабов к римскому этносу, в смысле современном, а не древнеримском, где рабов называли говорящими орудиями.

Затем, при образовании этносов всегда возникает несколько новых коллективов, образующих более или менее крепкую конструкцию. А в промежутках между отдельными этносами часто обретаются промежуточные особи, но они не выходят за пределы своей системы. Так, в XVI в. кондотьер мог служить Валуа, Габсбургу, Тюдору или Медичи, не становясь ни французом, ни испанцем, ни англичанином, ни тосканцем и даже не задаваясь вопросом, кто же он по этносу. Но, поступая на службу к турецкому султану, он становился турком, т.е. менял этнос. Это было настолько распространено, что даже существовал специальный термин – ренегат.

Что же менялось в ренегате? Ясно, что не физиология, не анатомия, не генофонд. Менялся стереотип поведения, без него ренегат не мог быть инкорпорирован новым коллективом. В единой системе этносов, например в романо-германской Европе, называвшейся в XVI в. «христианским миром» (хотя в него не включались православные народы), стереотип поведения разнился мало, и этой величиной можно было пренебречь. Но в системе, условно именовавшейся «мусульманскими народами», он был настолько иным, что переход отмечался специально и был связан с юридическим актом – сменой исповедования веры. Совсем не играло роли то, что по большей части ренегат вообще не имел религиозных мнений. Важно было отметить, что он порвал с прошлым и включился в новый коллектив, иными словами, совершил акт приспособления к новой среде. А пластичность характерна для многих видов животных и описана М.Е. Лобашевым, который сформулировал следующие выводы, применимые и к нашему материалу:

«Процессы индивидуального приспособления у всех животных осуществляются с помощью механизма условного рефлекса.

1) Приобретение в онтогенезе условных связей с реальной действительностью обеспечивает животному анализ и синтез факторов внешней среды и активный выбор оптимальных условий для своего существования по данным сигналов.

2) Своевременная информация через сигналы о приближающихся событиях обеспечивает животному возможность осуществить профилактические адаптивные реакции и подготовить адекватным образом функциональное состояние организма.

3) Функциональная преемственность наблюдается: между поколениями – родителями и потомством, членами сообщества или стада, а для человека – преемственность цивилизации» [171, стр. 4 – 5].

Отсюда «поведение как приспособление целого организма является высшей формой активной адаптации». Один и тот же вид животного может дать особи светлюбивые и темнотлюбивые, холоднолюбивые и теплолюбивые, что отвечает хрономическому принципу номогенеза [171, стр. 5; 29, стр. 180].

Условнорефлекторная (сигнальная) преемственность между поколениями осуществляется через контакт новорожденного 1) с родителями и 2) членами сообщества [171, стр. 8], что в применении к человеку называется традицией, которая не что иное, как стереотип поведения, передающийся путем сигнальной наследственности.

«Сигнальная наследственность для понимания развития человека и его цивилизации приобретает особое значение, так как ее положения полностью опровергают наличие расовых различий духовных свойств человека. Речь – „сигнал сигналов“ – создает условия для возрастания роли сигнальной или условной наследственности, обеспечивающей преемственность опыта между поколениями на основе физиологического механизма временной связи» [171, стр. 10].

Теперь переведем выводы генетика на язык этнолога. «Условные связи с действительностью, приобретаемые в онтогенезе», – это воспитание ребенка и обучение его тому, чем он будет всю жизнь кормиться и защищаться от врагов. В Полинезии учат плавать, в Сибири – ходить на лыжах, в древней Монголии – стрелять из лука и ездить верхом, в Европе – грамоте, чтобы человек читал газеты и принимал «профилактические меры» для избавления себя от неприятностей. Поведение, т.е. способность приспособить организм к новым условиям, рассматривается как результат биологического признака – способности к изменчивости. Но последняя не безгранична, и потому мы наблюдаем вымирание новых видов или, в нашем случае, этносов.

Появление же новых этносов, в данном аспекте, означает, что в силу способности к изменчивости изменился стереотип поведения, и, значит, возникла новая традиция или сигнальная наследственность, иными словами, новая культура, не частностями, а коренным

образом отличающаяся от прежней. Тем же самым определяется переход особи из одного этнического коллектива в другой, достаточно далекий, т.е. явление ренегатства или инкорпорирование «чужака» (при родовом строе).

Отсюда же вытекает, что нет людей вне этноса. Человек может не знать своего происхождения, забыть родной язык, не иметь никаких религиозных или атеистических представлений, но без поведения в коллективе он жить не может. А поскольку именно характером поведения определяется этническая принадлежность, то все люди сопричастны этносфере. Поэтому биологический подход, как и географический, позволяет рассмотреть этнос как явление глобальное, имеющее собственные закономерности становления, т.е. появления, видоизменения и исчезновения. Рассмотрению этих свойств этноса, как такового, будут посвящены следующие разделы.

2. Одним из наиболее важных свойств вида *Homo sapiens* является его приспособленность к различным природным условиям. Иначе этот вид не мог бы распространиться так широко по поверхности Земли. Однако изучение миграций показывает, что в подавляющем большинстве случаев способность к адаптации весьма ограничена.

При миграциях народы стремятся выбрать географические условия ландшафта, как можно более напоминающие родину. Так, англичане не заселили ни Индию, ни тропическую Африку, ни Малакку и Саравак, оставаясь там на положении колониальных чиновников, непосредственно не связанных с природой этих стран. Зато они наводнили страны умеренного пояса: Северную Америку, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию. Русские крестьяне расселились по лесостепной полосе Сибири, а казаки – по долинам сибирских рек, турки – по водораздельным степям, арабы осваивали оазисы среди пустынь, эллины – берега Средиземного моря и т.д. При этом этническая инерция была настолько сильна, что, даже меняя ареал, народы сохраняли свойственный им облик.

Евреи в Салониках живут эндогамной группой свыше 400 лет после своего изгнания из Испании, но до сих пор, по данным 1918 г., они скорее похожи на арабов, чем на своих соседей, греков. Точно так же немцы из Венгрии походят на своих соседей, соплеменников из Германии, а цыгане – на индусов. Отбор изменяет соотношение признаков медленно, а мутации, как известно, редки. Поэтому любая народность находится почти в состоянии равновесия.

Но не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые [29, стр. 245]. Нам надлежит разобраться в том, как происходят эти процессы и почему они дают разные результаты.

Поскольку речь идет о «поведении» особей, входящих в разные этносы, то самое простое обратить внимание на то, как они воздействуют на те или иные природные ландшафты, в которые их забрасывает историческая судьба. Иными словами, нам надлежит проследить характер и вариации антропогенного фактора ландшафтообразования с учетом уже отмеченного нами деления человечества на этнические коллективы.

С.В. Калесник отметил, что на «земном шаре к настоящему времени почти не осталось ландшафтов, не затронутых воздействием человеческого общества» [140, стр. 424 – 425]. Вместе с тем он указал на то, что существуют «различия в целях, степени и характере воздействия человека на его природное окружение» [140, стр. 410], и этим открыл перспективы для дальнейшей разработки темы.

Дело не в том, насколько велики изменения, произведенные человеком, и даже не в том, благодетельны они по своим последствиям или губительны, а в том, когда, как и почему они происходят.

3. Бесспорно, что ландшафт и рельеф промышленных районов и областей с искусственным орошением изменен больше, чем в степи, тайге, тропическом лесу и пустыне, но

если мы попытаемся найти здесь социальную закономерность, то столкнемся с непреодолимыми затруднениями. Земледельческая культура майя в Юкатане была создана в V в. до н.э. при господстве родового строя, пришла в упадок при зарождении классовых отношений и не была восстановлена при владычестве Испании, несмотря на внесение европейской техники и покровительство крещеным индейцам. Хозяйство Египта в период феодализма медленно, но неуклонно приходило в упадок, а в Европе в то же время и при тех же социальных взаимоотношениях имел место небывалый подъем земледелия и ремесла, не говоря о торговле. В плане нашего исследования это означает, что ландшафт в Египте в это время был стабильным, несмотря на напряженность политической борьбы, а в Европе преобразался радикально. Внесение же антропогенных моментов в рельеф Египта в XIX в. – прорытие Суэцкого канала – связано с проникновением туда европейских народов, французов и англичан, а не деятельностью аборигенов – феллахов.

В Англии XVIII в., по Томасу Мору, «овцы съели людей» при начинающемся капитализме, а в Монголии XIII – XIV вв. овцы съели тунгусов-охотников, живших на южных склонах Саян, Хамардабана и на севере Большого Хингана, хотя там даже феодализм был неразвитым. Монгольские овцы съедали траву и выпивали в мелких источниках воду, служившие пищей и питьем для диких копытных [57]. Число последних уменьшалось, а вместе с тем охотничьи племена лишались привычной пищи, слабели, попадали в зависимость к степнякам-скотоводам и исчезали с этнографической карты Азии. Еще примеры: Азорские острова превращены в голые утесы не испанскими феодалами, которые свирепствовали в Мексике и Нидерландах, а козами; последних же высадили там астурийцы и баски, у которых еще не исчез родовой строй. Бизонов в Америке уничтожили члены капиталистического общества, а птицу-моа в Новой Зеландии – полинезийцы, не знавшие еще классового расслоения; они же акклиматизировали на своих островах американский картофель, а в России для той же цели понадобилась вся военно-бюрократическая машина императрицы Екатерины II. Отсюда следует, что закономерность лежит в другой области.

4. Поставим вопрос по-иному: не как влияет на природу человечество, а как влияют на нее разные народы на разных стадиях своего развития? Этим мы вводим господствующее звено, которого до сих пор и не хватало. Тогда возникает новая опасность: если каждый народ, да еще в каждую эпоху своего существования, влияет на природу по-особому, то обозреть этот калейдоскоп невозможно и, отказавшись от заведомо неверных выводов, мы рискуем лишиться возможности сделать какие бы то ни было обобщения, а следовательно, и осмыслить исследуемое явление.

Но тут приходят на помощь обычные в естественных науках классификация и систематизация наблюдаемых фактов, что в гуманитарных науках не получило еще должного применения. Поэтому, говоря о народностях (этнусах) в их отношении к ландшафту, мы остаемся на фундаменте географического народоведения, не переходя в область гуманитарной этнографии.

Отказавшись от основ этнической классификации, принятой в гуманитарных науках, – расовой, общественной, материальной культуры, религии и т.п., – мы должны выбрать исходный принцип и аспект, лежащие в географической науке. Таковым может быть явление биоценоза, под которым понимается «закономерный комплекс форм, исторически, экологически и физиологически связанных в одно целое общностью существования» [140, стр. 359]. Следовательно, люди также входят в биоценозы населяемых ими биохоров.

Биоценоз – образование устойчивое, формы, его составляющие, связаны воедино «цепью питания», то есть одни виды питаются другими. «Цепь питания» обычно заканчивается крупным хищником или человеком. Характерной особенностью биоценозов является постоянная соразмерность между числом особей во всех формах, составляющих комплекс. Например, количество волков на данном участке зависит от количества зайцев и грызунов, а

последние лимитируются количеством травы и воды. Соотношение это обычно колеблется в пределах допуска и нарушается редко и ненадолго.

Казалось бы, эта картина не имеет отношения к человеку, однако это не всегда так. Есть огромное количество этнических единиц, пусть численно ничтожных, входящих в состав биоценозов на тех или иных биоценозах. По сравнению с этими мелкими народностями, или иногда просто племенами, современные и исторические цивилизованные этносы – левиафаны, но их мало, и они, как показывает история, не вечны. Вот на этой основе мы и построили нашу первичную классификацию: 1) этносы, входящие в биоценоз, вписывающиеся в ландшафт и ограниченные тем самым в своем размножении; этот способ существования присущ многим видам животных, как бы остановившимся в своем развитии. Лишайники, т.е. симбиоз водоросли с грибом, – существуют с кембрия, тараканы и стрекозы – с карбона, крокодилы – с триасового, а муравьи и термиты – с мелового периода [47, стр. 269, 285]. В зоологии эти виды называются персистентами, и нет никаких оснований не применить этот термин к этносам, застывшим на определенной точке развития. 2) этносы, интенсивно размножающиеся, расселяющиеся за границы своего биоценоза и изменяющие свой первичный биоценоз. Второе состояние в аспекте физической географии называется сукцессией [140, стр. 362].

Этносы, составляющие первую группу, консервативны и в отношении к природе, и в ряде других закономерностей. Приведем несколько примеров.

5. Большинство североамериканских индейцев Канады и области прерий жили до прихода европейцев в составе биоценозов Северной Америки. Количество людей в племенах определялось количеством оленей и бизонов, и для ограничения естественного прироста нормой общежития были истребительные межплеменные войны. Целью этих войн был не захват территорий, покорение соседей, экспроприация их имущества, политическое преобладание... Нет! Цель была только убийство ради убийства. Корни этого порядка уходят в глубокую древность, и биологическое назначение его ясно. Поскольку количество добычи не беспредельно, то важно обеспечить себе и своему потомству фактическую возможность убивать животных, а значит, избавиться от соперника. Это не были войны в нашем смысле, это была внутривидовая борьба, поддерживавшая определенный биоценоз. При таком подходе к природе, естественно, не могло быть и речи о внесении в нее каких-либо изменений, которые рассматривались как нежелательная порча природы, находящейся, по мнению индейцев, в зените совершенства.

Точно так же вели себя земледельческие племена, так называемые индейцы пуэбло, с той лишь разницей, что мясо диких зверей у них заменил маис. Они не расширяли своих полей, не пытались использовать речную воду для орошения, не совершенствовали свою технику. Они предпочитали ограничить прирост населения, предоставляя болезням уносить слабых детей и тщательно воспитывая крепких, которые потом гибли в стычках с навахами и апачами. Вот и способ хозяйствования иной, а отношение к природе то же самое. Остается только непонятным, почему навахи не переняли у индейцев пуэбло навыков земледелия, а те не заимствовали у соседей тактику сокрушительных набегов, хотя выгода от таких заимствований была бы несомненной.

Впрочем, двоюродные братья апачов и навахов, ацтеки, принадлежащие к той же группе нагуа, с XI в. по XIV в. переселились на Мексиканское нагорье и весьма интенсивно изменили его ландшафт и рельеф. Они строили теокалли (вариация рельефа), соорудили акведуки и искусственные озера (техногенная гидрология), сеяли маис, табак, помидоры, картофель и много других полезных растений (флористическая вариация) и разводили кошениль – насекомое, дававшее прекрасный краситель темно-малинового цвета (фаунистическая вариация). Короче говоря, ацтеки изменяли природу, в то время когда апачи и навахи ее охраняли.

Можно было бы предположить, что тут решающую роль играл жаркий климат южной Мексики, хотя он не так уж отличается от климата берегов Рио-Гранде. Однако в самом центре северной Америки, в долине Огайо, обнаружены грандиозные земляные сооружения – валы, назначение которых было неизвестно самим индейцам [185, стр. 146 – 163]. Очевидно, некогда там тоже жил народ, изменявший природу, и климатические условия ему не мешали, как не мешают они американцам англосаксонского происхождения.

Наряду с этим отметим, что одно из индейских племен – тлинкиты, – а также алеуты практиковали рабовладение и работорговлю в широких размерах. Рабы составляли до трети населения северо-западной Америки, и некоторые тлинкитские богачи имели до 30 – 40 рабов. Рабов систематически продавали и покупали, использовали для грязной работы и жертвоприношений при похоронах и обряде инициации; рабыни служили хозяевам наложницами [193, стр. 238 – 239]. Но при всем этом тлинкиты были типичным охотничьим племенем, то есть, по нашей классификации, относились к разряду консервативных, статических этносов.

Аналогичное положение было в северной Сибири. Народы угорской, тунгусской и палеоазиатской групп по характеру быта и хозяйства являлись как бы фрагментом ландшафта, завершающей составной частью биоценозов. Точнее сказать, они «вписывались» в ландшафт. Некоторое исключение составляли якуты, которые при своем продвижении на север принесли с собой навыки скотоводства, привезли лошадей и коров, организовали сенокосы и тем самым внесли изменения в ландшафт и биоценоз долины Лены. Однако эта антропогенная сукцессия повела лишь к образованию нового биоценоза, который затем поддерживался в стабильном состоянии до прихода русских землепроходцев.

Совершенно иную картину представляет евразийская степь. Казалось бы, здесь, где основой жизни было экстенсивное кочевое скотоводство, изменение природы не должно было бы иметь места. А на самом деле степь покрыта курганами, изменившими ее рельеф, стадами домашних животных, которые вытеснили диких копытных, и с самой глубокой древности в степях, пусть не надолго, возникали поля проса. Примитивное земледелие практиковали хунны, тюрки и уйгуры. Здесь видно постоянно возникающее стремление к бережному преобразованию природы. Конечно, в количественном отношении, по сравнению с Китаем, Европой, Египтом и Ираном, оно ничтожно и даже принципиально отличается от воздействия на природу земледельческих народов тем, что кочевники пытались улучшить существующий ландшафт, а не преобразовать его коренным образом, но все-таки мы должны отнести евразийских кочевников к второму разряду нашей классификации, так же как мы отнесли туда ацтеков, но не тлинкитов. Как бы парадоксальны ни представлялись, на первый взгляд, эти выводы, но, чтобы получить научный результат исследования, мы должны выдержать наш принцип классификации строго последовательно.

Рассмотрение племен и народностей тропического пояса не принесет нам ничего принципиально нового в сравнении с уже известным материалом, и потому целесообразно обратиться к классическим примерам преобразования природы: Египту, Месопотамии и Китаю. Европу мы пока оставим в стороне, потому что нашей задачей является поиск закономерности, а ее можно подметить только на законченных процессах.

6. Согласно исследованиям Брукса, во время вюрмского оледенения атлантические циклоны проходили через северную Сахару, Ливан, Месопотамию, Иран и достигали Индии [52, стр. 44]. Тогда Сахара представляла собой цветущую степь, пересеченную многоводными реками, полную диких животных: слонов, гиппопотамов, газелей, диких быков, пантер, львов и медведей. Изображения этих животных, до сих пор украшающие скалы Сахары и даже Аравии, выполнены представителями современного человека вида *Homo sapiens* [52, стр. 47]. Постепенное усыхание Сахары в конце IV тыс. до н.э. [147, стр. 99; 137, стр. 99; 256, стр. 20], связанное с перемещением направления циклонов на север, повело к тому, что древ-

ние обитатели Сахары обратили внимание на болотистую долину Нила, где среди дикорастущих трав по краям долины произрастали предки пшеницы и ячменя [52, стр. 67]. Неолитические племена освоили земледелие, а в эпоху освоения меди предки египтян приступили к систематической обработке земель в пойме Нила [52, стр. 93]. Процесс закончился объединением Египта под властью фараонов. Эта власть базировалась на огромных ресурсах уже преобразованного ландшафта, который впоследствии принципиальных изменений не претерпевал, за исключением, конечно, архитектурных сооружений: каналов, плотин, пирамид и храмов, являвшихся, с нашей точки зрения, антропогенными формами рельефа. Однако изменения меньшего масштаба, например, создание знаменитого Фаюмского оазиса при XII династии, имели место до XXI династии, после чего Египет стал ареной иноземных вторжений. Нубийцы, ливийцы, ассирийцы, персы, македоняне, римляне черпали богатства Египта, а сами египтяне превратились в феллахов, упорно поддерживающих биоценоз, созданный их предками.

Сходную картину можно наблюдать в Месопотамии, несмотря на некоторое количество физико-географических отличий. Земли, образовавшиеся из наносов Тигра и Евфрата на окраине Персидского залива, были плодородны, протоки и лагуны изобиловали рыбой и водяной птицей, финиковые пальмы росли в диком виде. Но освоение этого первобытного Эдема требовало напряженной работы. Пахотные земли приходилось создавать, «отделяя воду от суши». Болота надо было осушать, пустыню орошать, а реки ограждать дамбами [52, стр. 179 – 180]. Эти работы были произведены простыми земледельцами-скотоводами, не имевшими других средств к существованию. Эти люди еще не знали письменности, не строили городов, не имели практически существенного классового разделения [52, стр. 191 – 192], но они видоизменили ландшафт настолько основательно, что последующие поколения пользовались трудами их рук.

Не следует думать, что примитивные народы имеют преимущество перед цивилизованными в деле преобразования природы. В долине Инда в III тыс. до н.э. существовала доарийская цивилизация [52, стр. 281], похожая на древнеегипетскую и шумерийскую. Однако в Индии строители городов Мохенджодаро и Хараппы были разделены на классы, возможно связанные с расовой принадлежностью. В самом низу социальной лестницы находился примитивный австралоидный тип аборигенов южной Индии; выше – длинноголовый средиземноморский тип, близкий к шумерийцам; наверху – брахицефальный альпийский тип [52, стр. 265]. Вот пример того, что и народность, находящаяся на стадии классового общества, способна производить переустройство своей местности, но еще более показательна история мелиорации в Китае, о чем нужно сказать подробнее.

7. В III тыс. до н.э. территория Китая была мало похожа на то, что она представляет ныне: девственные леса и болота, питавшиеся реками, разливающимися в половодье, обширные озера, топкие солонцы и только на возвышенных плоскогорьях луга и степи. На востоке между низовьями рек в дельтовых равнинах тянулась цепь зыбких почв, а реки II и Хуай пропадали в заболоченной долине нижнего течения Янцзы.

«Буйная растительность одевала весь бассейн р. Вэй-хэ; там поднимались величественные дубы, всюду виднелись группы кипарисов и сосен. В лесах кишели тигры, ирбисы, желтые леопарды, медведи, буйволы и кабаны; вечно были шакалы и волки» [58, стр. 29 – 30]. Но главными врагами людей здесь были реки. В сухое время года они сильно мелели, но стоило пройти дождям в горах, как они вздувались и выходили из берегов. Разлившись, они теряли скорость течения и откладывали наносы, причем в Хуанхэ во время паводка содержится до 46 % ила и песка [189, стр. 6]. Примитивным земледельцам приходилось сооружать дамбы, чтобы спасти себя и свои поля от наводнений; и все же дамбы прорывались в среднем один раз в 2,5 года [129]. Часть древних насельников Китая отступала от свирепых вод в горы и продолжала заниматься охотой – от них там и следа сейчас не осталось; другие

– «сто черноголовых семейств», пришедшие в Шаньси с запада, – бросились на борьбу с рекой – это были предки китайцев. Им пришлось отказаться от прежней дикой воли и привить себе дисциплину, жесткую организацию и принять деспотические формы правления, но зато побежденная природа щедро вознаградила их, предоставив возможности интенсивного размножения и средства для создания оригинальной культуры [266, стр. 275 – 278].

Те же, кто отступил от трудностей земляных работ и угрозы водной стихии в горы, стали предками жунов, ди и кянов – тибетцев. Они довольствовались теми плодами природы, которые она им уделяла добровольно, и поэтому у них не возникало потребности в организации. Род занятий, строй жизни и, наконец, идеология их были резко отличны от китайских, и с каждым поколением оба народа отдалялись друг от друга. Кончилась эта рознь непримиримой враждой, определившей направление истории раннего Китая и его соседей.

Теперь наложим факты антропогенного изменения ландшафта на хронологическую канву. Первый легендарный этап борьбы с природой имел место около 2220 г. до н.э., когда мифический предок первой китайской династии Юй провел работы по регулированию русла Хуанхэ, после чего центральная часть северного Китая (Шаньси и часть Шэньси) превратилась в земледельческую страну. Река вела себя спокойно до 602 г. до н.э., т. е. в течение шестнадцати веков [189, стр. 11]. Исторически – это монолитная эпоха древнекитайской культуры, включающая три династии: Ся, Шан-Инь и Чжоу, при которых Китай представлял собой конфедерацию многочисленных княжеств, связанных друг с другом высшим, по тому времени, достижением культуры – иероглифической письменностью [62, стр. 648 – 649]. В течение всего этого периода созданный Юем искусственный ландшафт только поддерживался, но когда с 722 г. до н.э. наступила эпоха «Весны и Осени» (условное название эпохи, происходящее от заглавия хроники, в которой она описана), все пошло по-иному. Конфедерация княжеств, представлявшая единое целое под председательством вана (царя), распалась на 124 самостоятельных государства, которые начали усердно поглощать друг друга. Тогда перешли в контрнаступление и горные жуны, и воды Хуанхэ. В результате плохого содержания дамб в 602 г. до н.э. произошло первое зарегистрированное изменение течения р. Хуанхэ [189, стр. 19], и с тех пор основная работа на реке до XVIII в. заключалась в поддержании дамб и заделке прорывов [189, стр. 22 – 23]. В аспекте, принятом нами, это явление должно рассматриваться как поддержание существующего ландшафта, т.е. мы приходим к парадоксальному выводу, что следует зачислить китайцев в тот же разряд этносов, что и алгонкинов или эвенков. Однако проверим наш первоначальный вывод.

В IV в. до н.э. железо превратилось в настолько общедоступный товар, что из него стали делать не только мечи, но и лопаты [62, стр. 652]. Благодаря техническому усовершенствованию в III в. были созданы оросительные системы, из которых наиболее важной была система Вэйбэй, орошавшая 162 тыс. га полей [189, стр. 51] в северном Шэньси. Благодаря этой ирригационной системе «провинция Шэньси стала плодоносной и не знающей неурожайных годов. Тогда Цинь Ши-хуанди сделался богатым и могущественным и смог подчинить своей власти прочих князей» [189, стр. 52]. Это было знаменитое объединение Китая, закончившееся массовой резней побежденных, закабалением уцелевших, построением Великой стены и истреблением не только ученых и всех книг, кроме технической литературы (под таковыми понимались книги по гаданию, медицине и агрономии), но и всех читателей исторических и философских трактатов, а также любителей поэзии.

И вот тут мы можем поставить вопрос: было ли связано целенаправленное изменение ландшафта с грандиозным человекоубийством, или они просто совпали по времени, или оба эти явления восходят к одной общей причине? Для решения проблемы проследим историю Китая и историю оросительной сети Вэйбэй дальше.

Народное восстание 206 г. до н.э. ликвидировало режим империи Цинь, и при династии Хань столь больших кровопролитий не происходило. Страна богатела, ибо к прежней житнице в Шаньси на берегах Хуанхэ прибавилась новая – на берегах рек Вэй и Цзин, но тут сказала свое слово природа. Вода для оросительной сети поступала из р. Цзин, которая была преграждена плотиной, однако река углубила свое русло и оставила водоприемник на сухом месте. Пришлось прорыть новый канал и построить плотину выше по течению, и в последующие века это повторялось десять раз, что потребовало огромного вложения труда, и все-таки в XVII в. система Вэйбэй была фактически заброшена [189, стр. 52 – 55].

На протяжении истекших двух тысяч лет развернулась средняя история Китая – его императорский период. В плане этнологии китайцы этого периода относятся к древним китайцам, как итальянцы к римлянам или французы к галлам. Иными словами, на берегах Хуанхэ создавался этнографически новый народ, который мы называем тем же словом, что и старый. Но не надо переносить дефекты нашей терминологии на предмет исследования, тем более что слово «китайцы» – условный термин, появившийся в XII в. вследствие развития караванной торговли, и означал он тогда монголоязычное племя, с которым имели дело итальянские и русские купцы. От этого племени название «Китай» перешло на их соседей, называвших себя просто «жители Средней равнины». Для нашего анализа это важно потому, что общеизвестное слово «Китай», таксономически соответствует таким понятиям, как «Европа» или «Левант» (Ближний Восток), а не таким, как «Франция» или «Болгария». Так вот, с эпохи объединения Китая императором Цинь Ши-хуанди до потери Китаем самостоятельности на территории между Хуанхэ и Янцзы возникли, сформировались и потеряли силу два больших этноса, условно именуемые северо-китайский и южно-китайский. Вторым также связан с изменением ландшафта, ибо когда древние китайцы (из коих образовались оба средневековых этноса) широкой струей вливались в долину Янцзы, то они на месте джунглей устроили рисовые поля. Северные же китайцы на месте сухих степей создали орошенные пашни, и до тех пор, пока у них хватало энергии на поддержание оросительной системы, они утверждали себя как самостоятельный народ и отражали, хоть и не всегда удачно, иноземцев. Но в XVII в. ирригация перестала существовать, и в том же веке маньчжуры покорили Китай. Покорению предшествовало грандиозное крестьянское восстание, расшатавшее мощь империи Мин, но поднять крестьян на жестокую войну можно лишь тогда, когда сельское хозяйство в упадке. Действительно, потеря богатейших северозападных пашен, занесенных песком, после того как были заилены каналы, ослабила сопротивляемость Китая и превратила империю Мин из агрессора в жертву.

8. Теперь мы можем ответить на поставленные вопросы. Эпохи, в которые земледельческие народы создают искусственные ландшафты, относительно кратковременны. Совпадение их по времени с жестокими войнами не случайно, но, разумеется, мелиорация земель не является поводом к кровопролитию. Утверждать такое – значило бы идти в направлении географического детерминизма дальше самого Монтескье. Однако в обоих параллельно протекающих явлениях есть черточка, которая является общей – способность этнического коллектива производить экстраординарные усилия. На что эти усилия направлены – другое дело; цель в нашем аспекте не учитывается. Важно лишь, что когда способность к сверхнапряжению слабеет, то созданный ландшафт только поддерживается, а когда эта способность исчезает – восстанавливается этно-ландшафтное равновесие, т.е. биоценоз данного биохора. Это бывает всегда и везде, независимо от масштабов произведенных перемен и от характера деятельности – созидательного или хищнического. А если так, то мы натолкнулись на новое, до сих пор не учтенное явление: изменение природы не результат постоянного воздействия народов на нее, а следствие кратковременных состояний в развитии самих народов, т.е. процессов творческих, тех же самых, которые являются стимулом этногенеза.

9. Проверим наш вывод на материале древней Европы. На рубеже II и I тыс. до н.э. Западную Европу захватили и населили воинственные народы, умевшие ковать железо: кельты, латины, ахейцы и др. Они создали множество мелких земледельческих общин и, обработав девственную почву, видоизменили ландшафт. Почти тысячу лет в Европе не возникало больших государств, потому что каждое племя умело постоять за себя и завоевание было делом трудным и невыгодным: племена скорее давали себя перебить, чем соглашались подчиниться. Достаточно вспомнить, что ни Спарта, ни Афины не могли добиться власти над Элладой, а латинские и самнитские войны Рима проходили более тяжело, чем все последующие завоевания. В первую половину I тыс. парцеллярное земледелие с интенсивной обработкой участков было институтом, поддерживавшим созданный культурный ландшафт. В конце I тыс. отношение к природе становится хищническим и одновременно возникает возможность завоеваний. Принято думать, что Рим покорил Средиземноморье и Западную Европу потому, что он почему-то усилился. Но ведь тот же результат должен получиться и в том случае, если бы сила Рима осталась прежней, а народы вокруг него ослабели. Да так оно и было, а параллельно с экспансией Рима шло превращение полей сначала в пастбища, потом в пустыри, и наконец к V – VI вв. восстановились естественные ландшафты: леса и заросли кустарников. Тогда сократилась численность населения, и Римская империя пришла в упадок. Весь цикл преобразования ландшафта и этногенеза от сложения этносов до полной их нивелляции занял около 1500 лет.

Новый подъем деятельности человека и одновременно образования средневековых наций произошел в IX – X вв. и до сих пор не закончен. Возможно, что для объяснения особенностей этого периода следует внести дополнительные коррективы в связи с небывалым развитием науки, но этот вопрос следует изучить особо, ибо сейчас нас интересует правило, а не исключения из него.

А теперь вернемся к индейцам и народам Сибири, потому что мы наконец можем ответить на поставленный выше вопрос: почему охотники и земледельцы существуют рядом, не заимствуя друг у друга полезных навыков труда и быта? Ответ напрашивается сам: очевидно, некогда предки тех и других пережили периоды освоения ландшафта и видоизменили его по-разному: потомки же, сохраняя созданный предками статус, влечат на себе наследие прошлых эпох в виде традиции, которую не умеют и не хотят сломать. И даже когда нашествие англосаксов грозило индейцам физическим истреблением, они мужественно отстаивали именно свой образ жизни, хотя, отбросив его, они имели все шансы смешаться с колонистами и не погибнуть. Этническая традиция оказалась сильнее даже инстинкта самосохранения.

С другой стороны, ацтеки и другие индейцы Мексики, находившиеся в состоянии, которое мы выше охарактеризовали, как творческое, не только пережили ужасный разгром, но нашли в себе силы, чтобы, ассимилировав часть завоевателей, создать новую народность, свергнуть испанское господство и основать республику Мексику, где индейский элемент играет первую роль. Конечно, соратники Хуареца не были копией сподвижников Монтезумы, но еще меньше походили они на солдат Кортеса. Мексиканцы – молодой народ, этногенез которого проходил на глазах историков.

Несколько иначе шло сложение народов Колумбии и Венесуэлы, освободившихся от испанского господства тоже в начале XIX в. Там большинство руководителей повстанческого движения были не индейцы, а негры или мулаты. Сам генерал Боливар в 1819 г. высказался по этому поводу так: «Наш народ нельзя сравнить с европейцами или североамериканцами. Наше население скорее смесь африканцев и американцев, чем выходцев из Европы, ибо сами испанцы по своему характеру, инстинктам и африканской крови, которая течет в их жилах, вряд ли могут быть причислены к европейцам. Невозможно определить, к какой человеческой семье мы принадлежим. Большинство индейского населения

было перебито, европеец смешался с американцем и африканцем, а последний с индейцем и европейцем. Рожденные одной и той же матерью, наши отцы, разные по происхождению и крови, являются иностранцами, и все отличаются друг от друга цветом кожи...» [166, стр. 96]. А этот народ, сложившийся в Венесуэле в XVII – XVIII вв., весьма сильно изменил характер ландшафта путем разведения культурных растений и акклиматизации чуждых Америке животных – лошадей и коров. По-разному протекали процессы этногенеза и в других областях Латинской Америки. Иногда решающую роль играла природа, иногда – состав исходных популяций, иногда – наличие разных культурных традиций, но именно явление объективно протекавшего процесса этногенеза обусловило крушение грандиозного плана генерала Боливара – создания единой латиноамериканской империи. Воплощение замысла философской мысли разбилося об историко-природную реальность, каковой и является этногенез.

10. Суммируя все наблюдения, приведенные выше, можно сказать, что этногенез, т.е. творческое преобразование этнических коллективов и сопутствующее ему антропогенное видоизменение ландшафтов, происходят на поверхности земли то тут, то там, своего рода толчками, после чего следуют периоды затухающей инерции, переходящие в устойчивое состояние равновесия между этносами и окружающей географической средой.

И вот мы подошли к цели нашего исследования – реальному принципу классификации антропогенных факторов ландшафтообразования. Оказывается, он лежит не на поверхности явления, среди необозримого этнографического многообразия, а в глубине, разделяя состояния этноса: творческое, т.е. динамическое, инертное, или историческое, и стабильное, т.е. персистентное, при котором этнос входит в биоценоз. Эти состояния различаются между собой только способностью к сверхнапряжениям, причем в третьем варианте она близка к нулю.

А теперь переведем наше обобщение на язык смежных научных дисциплин, причастных к исследуемой проблеме.

В плане диалектического материализма момент творческой динамики этноса соответствует скачку при переходе количества в качество.

В плане зоогеографии – это антропогенная сукцессия, затухающая вследствие сопротивления среды.

В плане геоморфологии – это тектонические микроизменения, где этносы приравниваются к прочим природным факторам. Развалины городов можно рассматривать как метаморфизованный антропогенный рельеф.

В плане генетики – это микромутация, появление нового признака, который в процессе эволюции утрачивается. Передача его от поколения к поколению происходит не столько передачей генотипа, сколько посредством «сигнальной наследственности» [171], видоизменение которой легко увязывается с фактором отрицательного отбора.

В плане истории культуры – это возникновение и утрата традиции; явление зафиксированное, но не объясненное.

Итак, с одной стороны, мы нащупали глобальную закономерность, проявления которой неоднократно фиксировались представителями смежных областей знания, с другой – нашли место этнологии в классификации географических дисциплин. Она располагается на стыке многих наук, как специальная область эмпириосинтеза.

Этнос и категория времени⁴

Доложено на совместном заседании Отделения этнографии и палеогеографии 7 апреля 1967 г.

1. В предыдущих докладах [80, 82] мы установили, что подлинное содержание этнического становления не лежит на поверхности явлений. Наблюдению доступны не сущности этнических различий, хотя они ощущаются интуитивно, а их результаты, подобно тому как в оптике мы видим цвета, а не колебания фотонов. Поэтому, приступая к анализу фактов, наблюдаемых непосредственно, мы должны иметь в перспективе необходимость разгадать их основу, скрытую под покрывалом Изиды. Для достижения этой цели надлежит установить какой-либо условный критерий классификации этносов и этнических состояний. Этот критерий не обязательно должен отражать существенные моменты, интересующие нас. Скорее наоборот, пусть он отличает какую-нибудь деталь этнического бытия, но он должен быть универсальным, и фиксируемые им особенности должны быть соизмеримы. Это значит, что явление, исследуемое нами и принятое за критерий этнической систематики, должно в равной мере относиться к египтянам XX в. до н.э. и англичанам XX в. н.э., к датчанам и папуасам, этрускам древней Тосканы, флорентийцам – современникам Данте и итальянцам, подчинившимся Савойскому дому. Только тогда, когда мы получим определенную шкалу, градуированную любым условным способом, но в одном масштабе, мы сможем получить систему классификации, без которой никакая наука не может существовать. Бытующие ныне принципы классификации – лингвистический и социологический – не подходят для поставленной нами цели и нашего аспекта именно потому, что они отвечают на иные вопросы, к тому же не всегда удачно. Так, последовательное применение классификации народов по языкам заставило С. Брука в томе V «Краткой географической энциклопедии» [161, стр. 270 и 276, прим. 4] отнести евреев к индоевропейцам на том основании, что большая часть их ныне говорит на индоевропейских языках. Но ведь тогда в эту группу следует включить и американских негров, говорящих по-английски в Соединенных Штатах и на Ямайке, по-французски на Гаити, по-испански – на Кубе и по-португальски – в Бразилии. Приходится признать, что лингвистическая и этническая классификация лежат в разных плоскостях и не подменяют друг друга.

Социологический аспект учитывает прежде всего стадию развития. С.А. Токарев и Б.В. Андрианов [8, стр. 102; 226, стр. 52 – 53] высказали мнение, что для доклассового общества «этнос» – это племя, для рабовладельческой формации – «демос», для феодальной – народность, а для капиталистической – нация. Но это невозможно уложить в рамки этнографии. Смена социально-экономических формаций не обязательно совпадает с вехами этногенеза, и сам С.А. Токарев четко отметил разницу между понятиями «общество» и «народ» [226 а), стр. 141]. Например, во Франции переход от феодализма к капитализму совершился за несколько месяцев 1789 – 91 гг., и весьма изменилась расстановка социальных сил, но этническая сущность французских крестьян в Севернах, Арденнах, Ландах, Оверни осталась прежней. Конечно, Великая французская революция в социальном плане подготавливалась весь XVIII в., но капиталистические махинации Джона Лоу, ост-индских и канадских негодяев влияли лишь на круги, связанные с двором и морской торговлей и, по словам очевидца – английского писателя Стерна, не задевали большинства населения Франции от Бре-

⁴ Доклады Географического общества СССР, 1970, вып. 15, стр. 143 – 157.

тани до Прованса. Не менее показательна картина несходства социальных и этнических ритмов развития в России. От первой Отечественной войны до конца второй (1812 – 1945 гг.) русское общество перешло от феодальной формации, через краткое и бурное развитие капитализма, к социализму, но этническое единство русского народа осталось мощным фактором его истории, наряду с грандиозными социальными преобразованиями. При историческом синтезе необходимо учитывать обе стороны явления, но при анализе они неизбежно расчленяются, благодаря чему появляется возможность уяснить себе ход событий всесторонне. Обществоведение и народоведение – разные дисциплины как по предмету, так и по методу, ибо в первом случае имеет место гуманитарная, а во втором – естественная наука. Иногда природные и общественные изменения бывают синхронны, но это нельзя считать правилом.

2. Одним из индикаторов определения состояния народа, весьма удобным для классификации, является отношение этнического сознания (каждого данного народа) к категории времени. На первый взгляд это кажется парадоксом, так как мы привыкли к ньютоновскому времени, протяженности, от которой берутся все отсчеты. Мы знаем и об эйнштейновском времени, изменяющемся в зависимости от скорости. Однако сравнительная этнография показывает, что линейное время с условной точкой начала отсчета – это одно из достижений средиземноморской цивилизации, а отнюдь не общедоступная истина.

Автору этого сочинения довелось наблюдать чукчей, которые не могли ответить на вопрос, сколько им лет, так как считали подобный счет бессмысленным. Их даже мало интересовала смена времен года. Они отмечали только день и ночь, а у себя на родине различали сезоны охоты. Разумеется, они помнили крупные события, например убийство медведя или приезд торговца с товарами, но отсчитывали их относительно друг друга: одно раньше другого, а насколько – не имеет значения. Ту же закономерность наблюдала Т.А. Крюкова во время этнографических работ в поле со старыми женщинами (народы – марийцы, чуваша, удмурты, коми) при приобретении у них вещей. Хронология этих вещей устанавливалась по поколениям. При вопросе собирателя-этнографа, когда изготовлена вещь, они начинали вспоминать мать, бабушку, мать бабушки, мать матери бабушки и т.д. Дополнительные вопросы о том, сколько же лет было бабушке или прабабушке, не вносили ясности, так как эти старые женщины не могли на них ответить. Корректировалось это обычно лишь событиями в их жизни: голод, мор, война, урожай. У чувашей в обозначении лет применялись такие названия, как «год кленовых листьев», «год лебеды», по названию тех суррогатов, которые они употребляли в пищу в качестве примесей к хлебу. Иногда эти события ограничивались семейным кругом: «когда Мишку в солдаты отдали», «когда сестра замуж пошла», «когда дом ставили» и т.п. Отсчет лет для них был непонятен, но это происходило не от отсутствия памяти. Время изготовления вещи и отношение ее к событиям их жизни – четкое. У народов же, подвергшихся влиянию мусульманской или русской культуры, в частности у татар и мордвы, такое отношение к времени не наблюдалось. Итак, народы этой системы восприятия игнорировали время как таковое. Реальны в их жизни, для их сознания были только конкретные события, а время, что ни говори, – абстракция.

Более совершенная система счета времени описана у древних кочевников Центральной Азии. Согласно китайским хроникам, древние тюрки в VI в. отмечали смену времен года «только по зелени травы». Однако это не мешало им пировать на весеннем и осеннем праздниках и совершать торжественные похороны, причем, согласно их обычаю, «умершего весной и летом хоронили, когда лист на растениях начнет желтеть и опадать; умершего же осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» [35, стр. 230 – 231]. Как известно, весны и осени бывают ранними и поздними; поэтому ботаника может быть весьма условным мерилем времени.

Казалось бы, при такой системе счета человек полностью зависит от фенологии, но тюрки умели высчитывать дни своих ежегодных праздников. Фенологическое восприятие

времени позволяло иметь довольно точный календарь, в котором было 12 месяцев [178, стр. 142]. И у других народов фенологическое отношение к категории времени встречается довольно часто. Но этот счет остается неразвитым и служит элементарным потребностям земледельца, скотовода и охотника, т.е. людям, непосредственно связанным с природой. Здесь единицей измерения служит уже не событие, а год.

3. Дальнейшее развитие система счета времени получила в известном двенадцатилетнем цикле. Годы получили названия животных: мыши, коровы, тигра, зайца, змеи, дракона, лошади, овцы, обезьяны, птицы, собаки, свиньи. По окончании цикла годы повторялись, и этим путем исчислялись даты событий индивидуальной жизни кочевника. В Китае и Тибете этот цикл был усовершенствован путем добавления пяти названий стихий: дерева, металла, воды, земли и огня. Каждый год получал уже двойное название, например: «год дерева и лошади» или «года огня и дракона», так что цикл стал шестидесятилетним. Но как тот, так и другой были удобны скорее для повседневной жизни, а при составлении истории им пользовались в целях популяризации [272, стр. 39].

В Европе и на Ближнем Востоке циклическое восприятие времени живет и процветает до сих пор. Это – неделя, где дни носят названия планет или просто числительных (у славян и персов). Удобство этой системы очевидно, но сфера применения ее ограничена, а потому мы начинаем встречаться с применением линейной системы отсчета.

4. Вернемся к древним тюркам. Пока они были степным племенем, и их память ограничивалась жизнью одного – двух поколений, двенадцатилетнего цикла им хватало. Но когда они оказались во главе державы, простиравшейся от Желтого моря до Черного, и соперниками могучего Китая, славного Ирана и блестящей Византийской империи, то им потребовалась история, т.е. кодификация событий и объяснение их взаимосвязей. Тут пришла на выручку наипростейшая форма отсчета – «живая хронология». В знаменитом памятнике – стеле на могиле Кюль-тегина, где перечислены его подвиги, события датируются годами жизни витязя, а для привязки к циклической хронологии указана дата смерти – год овцы, – и подчеркнуто, что герою было сорок семь лет [175, стр. 43]. Для тюрков VIII в. этого было достаточно.

5. Следующий шаг по усовершенствованию хронологии сделали древние народы Средиземноморского бассейна. Они приспособили живую хронологию для целей составления истории, в которой при образовании крупных государств возникла острая необходимость. Годы носили названия лиц: царей, архонтов, консулов, но совокупность их образовала ряд, который отвечал требованиям, предъявляемым линейной хронологии (см. ниже). Это означало, что время еще не воспринималось как абстрактная протяженность, но практическим целям такая система соответствовала. Приведем несколько примеров.

Новый Вавилон – датировки по годам царствования:

«21-й год Навуходоносора, царя Вавилона», «год начала царствования Амель-Мардука, царя Вавилона».

Год начала царствования (0 г.) – первый неполный год, когда царь вступал на престол после смерти предшественника, за ним следовал после праздника Нового года 1-й год этого царя.

Ассирия – датировка по эпонимам – «лимму», например: «10 нисану лимму Шамаш-ах-иддина, наместник Гаргамиша». Каждый новый ассирийский царь в 1-й полный год своего царствования был лимму (эпонимом).

Евреи употребляли вавилонский календарь (Нового Вавилона), но с вариантами: 1) в определенные периоды они признавали 0 г., а в другие периоды не признавали; 2) гражд-

данский новый год начинался с 1 нисана (1-го месяца), а царский год – с 10 тишри – (7-го месяца). Со времени плена (597/96 г. до н.э.) употреблялся гражданский календарь.

Афины – летосчисление велось по архонтам-эпонимам (ассирийская система): «в архонтство Антидота»; календарь – лунный. Аналогичным образом считали время другие эллинские полисы, т.е. каждый имел собственную хронологию, что весьма точно характеризует Древнюю Грецию как страну многообразия и контрастов. С одной стороны – блестящие Афины, втягивавшие в себя все интеллектуальные силы страны, богатый Коринф, который впитывал в себя все свободные деньги, и Спарта – сборище воинов-гимнастов; с другой – горы, покрытые кустарником, и козы с полудикими пастухами в Этолии, Акарнании, Аркадии или крестьянские участки, обрабатываемые косными крестьянами, в Фессалии и Беотии, и, наконец, разбойничий Эпир. Этническое единство эллинов было несомненно для них самих, но общность – не трафарет, и это отразилось на избранном нами индикаторе – восприятии и отсчете времени.

Рим – летосчисление велось по именам консулов: «в консульстве Юлия и Кальпурния» (ассирийская система); со времени Юлия Цезаря введен юлианский солнечный календарь (египетский).

Таким образом, оказалось, что «живую хронологию» можно приспособить для длинных отрезков времени, хотя эта система слишком громоздка, чтобы быть удобной. Родившись в системах самоизолирующихся племен, «живая хронология» стала претерпевать изменения, как только наступила эпоха этнической интеграции. Но в Китае таковая настала на несколько веков раньше, чем в Средиземноморье.

6. Следующий шаг к усовершенствованию хронологии сделали древние китайцы. Они ввели «периоды» – отрезки времени, начало которых определялось императорским эдиктом. Обычно «период» объявлялся в начале правления императора. Периоду давалось пышное название, вроде «Великое благоденствие» или «Глубокий мир», но если дела правительства шли плохо, то, даже посередине царствования, период заменялся новым и счет годов шел опять с первого. Эта система находила оправдание в воззрениях древних китайцев, деливших дни и годы на счастливые и несчастные. «Период», начатый в неудачно выбранный день, должен был быть несчастным, а если начать новый и день выбрать более осмотрительно, то, по их мнению, все должно было измениться. Таким образом, хронология зависела от квалифицированности гадальщика [62, стр. 644].

Для того чтобы определить дату того или иного события, нужно было иметь список всех «периодов» и отсчитать указанный год от начала данного «периода», учитывая при этом имя императора, потому что названия периодов часто повторялись. Эта громоздкая система крайне неуклюжа, но является новым вариантом отношения ко времени – переходом к единому летосчислению. Китайцев отнюдь не смущало, что за основу мировой хронологии была принята смена их собственных правителей; ведь они искренне считали только свою страну «Срединной империей», а прочие – варварской периферией. Исходя из этой, вполне этнической, особенности своего мироощущения, они и создали линейную систему отсчета, просуществовавшую до XX в. Впрочем, стоит ли иронизировать по адресу Дальнего Востока, ибо в античном Средиземноморье первые известные нам линейные системы отсчета были тоже весьма несовершенны.

Победа Александра Македонского при Херонее и последовавшее подчинение большей части Эллады македонскому царю повлекло за собой экономическую, лингвистическую, культурную, а следовательно, и этническую интеграцию эллинов, что в интересующем нас аспекте означало ослабление племенных особенностей отдельных районов и возрастание роли создавшейся в эллинистическое время античной интеллигенции. В III в. до н.э. историк Тимей для датирования исторических событий ввел линейную систему отсчета времени по олимпиадам, начав ее с 1 июля 776 г. до н.э. Эта система, оставшаяся достоянием исто-

риков и писателей, просуществовала до 394 г. н.э., когда олимпийские игры были запрещены императором Феодосием, «как языческая мерзость, противная духу христианства». Для новорожденного этноса, который мы условно именуем «византийским», все эллинские традиции были одиозны; но потребность в линейном исчислении оставалась, и тогда вошла в употребление эра «от сотворения мира», исчисляющая начало событий от 1 сентября 5508 г. до н.э. Эта эра была очень удобна для отсчета и вполне отвечала потребностям этноса, возникшего путем интеграции многочисленных этнических субстратов, вошедших в орбиту восточнохристианской (византийской) культуры, за некоторыми существенными исключениями, которые мы и отметим.

Семитские племена, населявшие Сирию и Месопотамию, до VI в. до н.э. отнюдь не составляли единого этноса, несмотря на то, что процесс культурной нивелляции проходил на Ближнем Востоке довольно интенсивно. Но под властью Ахеменидов и Селевкидов произошла этническая интеграция, подобная той, которая имела место в Элладе. Хананеи, иудеи, моавитяне, халдеи и другие племена слились в новый этнос, противопоставивший себя грекам, иранцам и иудеям. Этот этнос получил название «сирийцы», столь же условное, как и «византийцы». И тогда же вошла в употребление так называемая «Селевкидская эра», причем исходной точкой отсчета был признан 312 г. до н.э. Эта дата была связана с успехом Селевка Никатора и его водворением в Вавилоне. Было бы естественно, если бы она сменилась при последующих царях, но для новых условий полиэтнического государства и этнической интеграции единая точка отсчета оказалась столь удачной, что ее приняли на территории Сирии [149, стр. 209 – 211], а затем сирийцы и центральноазиатские несториане пронесли ее вплоть до конца XIV в. Здесь ревностных христиан не смутило языческое происхождение начальной точки отсчета, потому что в общем-то все равно откуда вести счет годам. Но линейный счет времени преследует цели не только исторической науки, а деловой жизни и политики. Поэтому арабы ввели свою эру от хиджры (бегство Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 г.), персы – Яздигердову эру, имевшую целью начать новый счет после арабского разгрома [149, стр. 216 – 218], а итальянский монах Дионисий Малый, работавший над исчислением пасхалий, в 532 г. н.э. предложил принять за нулевую точку отсчета дату рождения Христа, высчитав, что оно имело место в 754 г. после основания Рима. Принятие этой точки за исходную вытекало из философии Космы Индикоплавта, согласно которому Вселенная разделяется на два мира – земной и небесный, а история человечества на два периода: один, начинающийся с Адама, другой – с Христа. Эта концепция была направлена против древнеримской, языческой, и, отчасти, иудейской традиций, согласно которым в момент рождения Христа не произошло ничего особенного. Постепенно новая эра возобладала во всей католической Европе, хотя и встречала сопротивление всюду, даже в Кастилии. Некоторая самостоятельность испанской церкви сохранялась до XII в., и, несмотря на религиозный подъем и разгар реконкисты, Испания имела свою эру: 38 г. до н.э. – установление римской провинциальной системы среди покоренных иберийских и лузитанских племен Октавианом Августом. Испанские каноники, разумеется, не знали происхождения этой традиции, но отстаивали ее, т.к. привыкли к ней. Только с 1431 г. все акты, рассылаемые папой, стали датироваться по современной христианской эре, но еще долго к официальной дате приписывалась привычная византийская дата от «сотворения мира». Причин, объясняющих задержку новой хронологии, можно найти много, и все они будут в какой-то мере основательны, но одна из них, интересующая нас, связана с этнической историей Европы.

В 284 г. н.э. начальник римской дворцовой стражи Диоклетиан захватил престол и закончил превращение бывшего римского полиса в деспотию восточного типа. Тогда же закончился процесс этнической интеграции некогда разноэтничного населения Италии и провинций Римского мира (*Pax Romana*). Согласно приведенным выше наблюдениям (Эллада, Сирия), должна была возникнуть потребность в линейной системе отсчета, и она возникла –

была установлена «эра Диоклетиана», замененная Дионисием Малым на христианскую эру. Но Великое переселение народов смешало всю этническую карту Европы. Сначала образовалось несколько варварских королевств, потом, после кратковременного объединения их при Каролингах, создалось свыше десятка новых этносов, как, например, только в современной Франции: французы, бургундцы, бретонцы, провансальцы, аквитаны, гасконцы. Феодальная революция X в. закрепила этническую раздробленность Западной Европы, и этническая интеграция сделалась ощутимой лишь в конце XIV в., а с XV в. единая линейная хронология стала общепризнанной для всех стран, входивших в европейскую супер-этническую общность. С 1 января 1700 г. она была введена в России указом Петра I, а ныне распространилась на всю ойкумену. Напрашивается вывод, что восприятие времени связано с этнической историей не случайно, а функционально.

7. Наш обзор был бы неполон, если бы мы опустили две оригинальные системы отсчета, нашедшие себе применение в сфере науки. Ведь ученые тоже являются членами этносов, и исключать их из рассмотрения несправедливо.

Восприятие времени как прерывистой (дискретной) субстанции возможно при условии, что внимание будет сосредоточено не на самом времени, а на его наполнении. Примитивным примером будет жизнь человека от рождения до смерти. При субъективном подходе, т.е. когда воспринимающий имеет в виду себя, это очень распространенное явление; но и тогда, когда наблюдается окружающий мир, констатация законченных процессов дает очень много для понимания явлений. При этом в поле зрения воспринимающего будет мозаика процессов протяженных, часто синхронных, но всегда имеющих начало и конец. Переводя наше обобщение на привычный язык естествознания, мы можем назвать такой неделимый отрезок квантом времени, подобно тому как приняты в физике кванты энергии и пространства, под которыми понимаются единицы дискретного процесса. Эта система восприятия времени стихийно применялась в исторической науке с того момента, как на месте хроник, с их линейным ощущением времени, возникли исторические исследования. Квантом восприятия истории является так называемая «эпоха», под которой понимается не произвольно взятый отрезок времени, а некая целостность исторического бытия, воспринимаемая исследователем как объективная реальность. Эпоха начинается каким-то событием, резко отграничивающим ее от предыдущей эпохи, и таким же образом кончается, несмотря на то, что сами начальные и конечные события имеют иногда значительную протяженность во времени. При этой цене деления объектом изучения становится не безличное время, а индивидуальный облик того или иного явления. Например, все научились употреблять термины «Ренессанс», «Реформация», «эпоха крестовых походов» и т.п. в определенном значении, хотя возрождение античного искусства достигло апогея после раскопок в Помпеях, протестантские секты возникают даже в XX в. и крестовыми походами были войны Владислава Ягеллона и Яна Собесского против турок. Несмотря на все это, терминологической путаницы не возникает, ибо историческое время отличается от астрономического. Принцип квантования истории впервые сформулировал китайский историк I в. до н.э. Сыма Цянь, писавший: «Путь правления трех царей древности подобен движению по кругу: конец и вновь – начало» [226, стр. 28]. На этом принципе средневековые китайские историки создали построение истории Срединного государства, где долгие династии, например Хань, разделены на две эпохи, а эфемерные – объединены в группы, например «Три царства» или «Пять варварских государств». Построение весьма удачное [62]. На крайнем западе к аналогичному восприятию исторического времени пришел в XIV в. Ибн Халдун, а вслед за ним Джанбатисто Вико, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер и многие другие. Особенного внимания заслуживает «двадцать одна цивилизация» А. Тойнби – попытка классификации исторических явлений. Но эта проблема столь существенна, что ей следует посвятить специальный разбор, а пока не стоит отвлекаться от анализа.

Наконец, эйнштейновская трактовка времени как явления относительного к скорости света, хотя и не употребляется широко, но тоже имеет свою аналогию в этнографическом материале. Фольклор сохранил для нас осколки некогда разработанных и последовательных идеологических систем. Но как по черепку археолог восстанавливает форму сосуда, как Кювье по одному зубу мог нарисовать скелет ископаемого животного, так по редким, отрывочным элементам современных сказок можно усмотреть, что время и в древности рассматривалось как величина относительная.

Например, известен сюжет, в котором два друга поклялись позвать один другого на свадьбу, но один умер, и второй, проезжая мимо кладбища, остановил свадебный поезд, пришел на могилу и позвал умершего друга. Тот вышел, пригласил живого к себе в могилу, и там друзья выпили три чарки водки. Когда же жених вышел наружу, то оказалось, что прошло 30 лет, потому что в могиле время шло быстрее. Есть и другой сюжет, где герой, разматывая нити волшебного клубка, ускоряет течение своей жизни. Иными словами, относительность времени, как факт, в сознании людей бытовала, рассматриваясь как явление чудесное и потому редкое.

С этой точки зрения находят объяснения факты, описанные в письменных источниках, например в исторических главах Библии. То, что Иисус Навин во время боя евреев с обитателями Палестины – хананеями – остановил солнце, критиками воспринималось как ничем не оправданная выдумка создателя легенды. Но еще в III в.

(Ориген и его школа) указывалось, что в тексте Библии есть образные и метафорические выражения, которые нельзя понимать буквально. Здесь мы видим такой пример, который имеет свой смысл; за короткое время боя было совершено столько подвигов, что в обычное время этого не могло бы произойти. Значит, время остановилось, а так как время исчислялось по Солнцу, то, метафорически, остановилось Солнце, а это чудо, с точки зрения древних, и в том и в другом случае.

Мифические и сказочные сюжеты – отнюдь не произведение большой фантазии. Они воссоздают уровень знаний и способ выражения своего времени. Объяснения часто бывают фантастическими, но ведь и мы здесь говорим об этническом сознании, а не об отраженной в нем реальной истории.

Однако не только в фольклоре и мифах встречается отношение к времени как к явлению, зависящему от приложения силы. Эта идея в гипертрофированной форме встречается в буддийской философии махаяны. Согласно теории раннего буддизма – хинаяны, человек, достигший совершенства, – будда, – выходил из «круга перевоплощений», т.е. времени, и пребывал в Нирване, где понятия времени нет. Но если «совершенный» желал остаться в мире, дабы помогать другим живым существам, то он именовался «бодисатва» и не только не терял способности к активности, но приобретал ее в огромной степени, преодолевая законы времени, пространства и причинности. Махаяническое учение обосновывало возможность такой сверхмощи тем, что мир на самом деле – иллюзия; следовательно, время тоже иллюзорно, и, значит, при достаточном приложении духовной силы с ним можно делать все, что угодно, например ходить в прошлое и будущее, как по коридору своей квартиры, или одновременно находиться в двух местах.

Собственно говоря, описанная концепция – это некоторая вульгаризация чрезвычайно сложного учения Нагарджуны (II в. н.э.) [238, стр. 130 – 133], но ведь нас интересует не философская сторона проблемы, а ее преломление в этническом сознании буддистов: тибетцев и монголов. Для них же бодисатва – сверхсильное существо, господствующее над временем, и эта черточка, только она одна, роднит буддийское восприятие времени с относительным временем Эйнштейна.

И тем не менее совпадение восприятия времени в древних мифах, старых сказках, буддийских легендах и современной математической физике не может быть случайным. Оче-

видно, оно свойственно либо какой-то одной стороне человеческой психики, либо какому-то свойству самого времени. Попробуем разобраться в этом немаловажном вопросе.

Если счет времени зависит от скорости тела, где, по Эйнштейну, есть лимит – скорость света, то ведь скорость тела зависит от импульса силы, т.е. приложения энергии. При силовом импульсе, в зависимости от вектора, может возникнуть либо ускорение, либо замедление естественного хода событий, т.е. в мире появляется новый «момент», а создание нового называется «творчеством». С явлением «творчества» люди сталкивались на протяжении всего своего существования, хотя, разумеется, не в любой момент и то в большей, то в меньшей степени. В древности творческие акты считали волшебством, потому что не видели объяснений факта в окружающей действительности. Да и сейчас творческий момент даже в жизни ученого, посвятившего науке всю жизнь, – редкий праздник, а остальное время – будни доработок и разработок.

Итак, даже эйнштейновское восприятие времени фигурирует в этнографической классификации как способ отсчета при изучении творческих процессов. А таковыми являются не только акты индивидуальные – сочинение поэм, сооружение монументов, научные открытия и философские обобщения, но также появление новых народов, создание новых форм общежития, миграции и смена общественного мировоззрения. Эти явления, несомненно, имеют свою причину, которая в плане социологическом разработана философией исторического материализма, в плане биологическом – теорией эволюции, а в плане этническом – еще не получила исчерпывающего объяснения.

Не вдаваясь в выяснение причин явления, пока отметим, что характер измерения времени оказался пригодным индикатором для того, чтобы сделать первый вывод: развитие народов, создающих культуры и цивилизации, связано с творческими процессами, а оскудение творчества обрекает этносы (племена и народы) на повторение младшим поколением старшего, что и отражено в восприятии времени как завершенного цикла.

8. Сделанный обзор основных вариантов отношения разных народов к универсальной категории времени не только не дает нам права рассматривать эти варианты как ступени на лестнице эволюции, но, наоборот, позволяет сделать противоположное заключение. Люди считают время так, как им это нужно, и не применяют иные системы отсчета не потому, что не умеют, а потому, что не видят в этом практического смысла. Так, тюрки ввели линейную хронологию, как только она им понадобилась, а нужда в новой системе отсчета возникла тогда, когда из общей аморфной массы родовичей выделилась инициативная группа тарханов и бойла, которые сумели приспособить систему соседей к потребностям своего народа [86, стр. 342]. Но как только каганат пал, тюрки вернулись к циклическому счету времени, и это было не регрессом, а всего лишь адаптацией. Употребляя отсчет времени по месяцам и неделям, мы пользуемся циклической хронологией, а не линейной или квантовой. Для физика-теоретика время может быть либо ньютоновским, линейным, либо эйнштейновским, относительным, а историк, произносящий слова «Siele de Lois XIV», или «Викторианская эпоха», или «век Перикла», имеет в виду определенные кванты развития, которые переводятся на линейное время путем простого пересчета.

Итак, сравнительная этнография не приближает нас к ответу на вопрос вопросов, что есть время, но определяет характер той или иной системы отношения к нему, благодаря чему легко классифицировать описанные системы. Конечно, эти системы не то же самое, что этносы или даже этнические группы, которые мы хотим изучить. Для того чтобы получить желаемый результат, необходимо провести дополнительный анализ, он несложен и плодотворен.

Для начала сведем наши наблюдения в таблицу.

Характер отсчета	Назначение отсчета	Кем употребляется
1. Отсчета времени нет	Нет потребности	Людьми, с точки зрения педагогики, недоразвитыми (дебилы)
2. Фенологический календарь	Для приспособления коллектива к явлениям природы	Людьми, зависящими от природы непосредственно
3. Циклический календарь	Для фиксации повседневных событий	Людьми с родовым сознанием
4. «Живая хронология»	Для фиксации исторических событий в пределах одного поколения	Переходная форма от стабильного сознания к динамическому [149]
5. Линейный отсчет	Для политических и деловых целей	Людьми дела — практиками в развивающемся этносе
6. Квантование времени	Для анализа и синтеза исторических явлений	Учеными-теоретиками
7. Релятивное время	Для исследования космоса и творческих процессов	Практически применяется очень редко

Применив полученные данные к системе, разработанной нами на основании анализа отношения этноса к ландшафту, мы можем констатировать, что у народов, находящихся в динамическом состоянии [82], обычно именуемых «цивилизованными», присутствуют все перечисленные категории отношения к времени. В любой цивилизованной стране имеются и ученые, исследующие зависимость времени от скорости, и деловые люди, для которых характерно преимущественно линейное восприятие времени, и крестьяне, наблюдающие явления природы, от которых зависят урожаи, и даже неполноценные психически люди, существующие за счет тех или иных форм благотворительности. Так было и в древнем Риме, Багдаде, Египте, и, вероятно, даже в Хараппе.

Но как только мы переходим к рассмотрению народов «варварских» и «диких», то обнаруживаем градацию по убывающей кривой. Есть примеры народов, где науки не развиваются, а только заимствуются и применяются; эти обходятся без квантования времени, например европейские колонисты XVIII в. в Америке и Южной Африке. Есть племена, обходящиеся циклическим календарем, таких много во Внутренней Азии. О фенологическом восприятии мы говорили выше — оно распространено по всей ойкумене. Наконец, встречаются племенные группы без отсчета времени, поскольку климатические условия их ареалов

стабильны: бушмены в Калахари, некоторые племена Австралии и Новой Гвинеи, обитатели Огненной Земли и т.п.

Иными словами, динамичность состояния этноса определяется степенью разнообразия психических складов групп людей, входящих в тот или иной этнос. А для определения степени разнообразия психических складов отношение к категории времени служит индикатором, и с этой точки зрения мы можем заключить, что не та или иная система отсчета времени характеризует стадию развития этноса, а разнообразие их. В самом деле, если этносы, пользующиеся только фенологической системой, все-таки существуют как персистенты, то народ, состоящий исключительно из ученых историков и математиков, воспринимающих время в релятивной системе, был бы просто нежизнеспособен. Если бы он даже возник, то ему пришлось бы либо освоить низшие таксономические системы, хотя бы для добывания пищи и обороны от соседей, либо жить за чужой счет, питаясь подаванием, как буддийские или францисканские монахи. Но даже такие субэтнические группы не размножаются естественным путем, а пополняются путем инкорпорирования людей со стороны. Включенные в полноценный этнос, они играют роль катализатора процессов этногенеза.

Оба лимита, нижний и верхний, практически, в реальном становлении этносов наблюдаются мало, так как подавляющее большинство явлений лежит между ними. По сути дела, мы называем «статическими» или «застойными» этносы, где смена состояний происходит редко, а «динамическими» или «культурными» – где более часто. Переход между ними столь плавен, что иногда трудно решить, к какому состоянию следует отнести тот или иной этнос, к тому же приходится учитывать, что один и тот же этнос то развивается более или менее интенсивно, то замирает в тягостном покое. Последнее состояние мы называем персистентным. Смысл предлагаемой классификации в том, чтобы на объективном материале рассмотреть разницу между категориями этносов и объединить их в обозримые и доступные для анализа группы. Мы должны найти соизмеримость для самых разных этносов, находящихся на любой стадии социального развития или материальной культуры. В предельном разнообразии, наблюдаемом этнографами, очевидно, скрыта строгая закономерность, которую обязаны обнаружить этнологи, проникающие за поверхность явлений, в их сущность.

9. Приведенные выше наблюдения позволяют сделать вывод, что этносам, находящимся в развитии, присущи не только приобретения, выражающиеся в усложнении восприятия времени, но и утраты, влекущие за собой упрощение этого восприятия. Поскольку мы имеем дело не с индивидуальностями, а с относительно большими количествами людей, то можно отнести отмеченные нами колебания этнической среды к вариациям стереотипа поведения, являющегося основным признаком объективного определения этноса. А из этого вытекает вывод, что степень разнообразия не случайна, а характеризует возраст этноса, при начале этногенетического процесса идет усложнение, при затухании – упрощение.

Следовательно, мы уловили глобальную закономерность, позволяющую нам не просто констатировать различия между племенами или народами, но построить классификацию этносов с учетом процесса их образующего и, затем, испепеляющего. Поскольку совпадения между общественным развитием, например переходы от рабовладельчества к феодализму, совпадают с этническим становлением далеко не всегда и не везде, можно видеть в описанном явлении природную закономерность этносферы как одной из оболочек Земли. И особенно ценно, что причину явления мы можем искать не в идеалистических категориях развития сознания или самосознания, а в естественных импульсах, определяющих стереотип поведения устойчивых коллективов особей, т.е. этносов, проходящих закономерные фазы индивидуального развития. Это значит, что, наконец нащупана та область биологии, которая может быть сомкнута с этнографией и даст возможность уловить ритмы этнической истории человечества, науки географической как по предмету, так и по методу.

Этногенез и этносфера⁵

Что такое этнос?

Есть много явлений природы, которые человек наблюдал веками, прежде чем задумался над их сущностью. Таковы физические феномены: свет, теплота, электрические разряды (молнии); химические: брожение, окисление; биологические: жизнь, смерть, наследственность, и многие другие. Сейчас развитие естественных наук позволило либо решить, либо подойти к решению проблем, связанных со многими явлениями, ранее только наблюдавшимися; проблема же, затронутая нами, до сих пор тонет в тумане.

В самом деле, допустим, в трамвай входят русский, немец, татарин и армянин, все принадлежащие к одной расе I порядка (европеоидной), одинаково одетые, пообедавшие в одной столовой и едущие в один институт с одной и той же газетой под мышкой. Есть между ними различие или нет? Как для других людей, так и для них самих очевидно, что они не идентичны, даже за вычетом индивидуальных особенностей. Но в чем заключается разница, сказать нелегко. Об этом-то и пойдет речь в нашей статье.

Приведенный пример хотя и нагляден, но может создать впечатление, что проблема мизерна и не заслуживает внимания. Однако если мы переведем ее на канву всеобщей истории и глобальной географии, то обнаружим, наряду со спонтанным общественным развитием по спирали, локальные ритмы какого-то иного происхождения. На фоне мирового общественного процесса возникают то вспышки повышенной активности, то периоды застоя, иногда приводящие к полному исчезновению определенных групп населения. Так, в древности совсем рядом жили финикийцы, филистимляне и евреи, а почему-то уцелели только последние. Или еще: в Римской империи V в., при смене рабовладельческой формации на феодальную, в западной половине этнический состав населения изменился, а в восточной, наоборот, сохранился еще на тысячу лет. Социальное развитие и процесс этногенеза в данном случае не совпали. А когда феодализм в Европе сменился капитализмом, большая часть существовавших народов стала, по принятой ныне терминологии, нациями, оставаясь на своих местах. Просмотрев всю мировую историю, мы заметим, что совпадение смены формаций и появления новых народов – исключение, тогда как в пределах одной формации постоянно возникают народы, очень непохожие друг на друга. Возьмем для примера XIII в., когда феодализм процветал от Атлантики до Тихого океана. Разве похожи были французские бароны на свободных крестьян Скандинавии, на рабов-воинов – мамлюков Египта, на буйное население русских вечевых городов, на китайских землевладельцев империи Сун? Сходным у всех у них был способ производства, но в остальном между ними было мало общего. Язык, религия, искусство, образование – все было непохоже друг на друга, но в этом разнообразии не было беспорядка: каждый стиль жизни был достоянием определенного народа.

Бывает и так, что один народ переживает несколько формаций. Например, русский этнос, сложившийся в эпоху феодализма, пережил не только его, но и капитализм, вступив в следующую формацию – социализм. Соотношения этносов менялись с течением веков: одни из них исчезали, другие появлялись, и этот процесс в советской науке принято называть этногенезом. В мировой истории ритмы этногенеза сопряжены с пульсом социального развития, но сопряжение не равнозначно совпадению, а тем более единству. Всемирный исторический процесс един, но факторы его различны, и наша задача заключается в том, чтобы

⁵ «Природа», 1970, №1, стр. 46 – 55; №2, стр. 43 – 50.

выделить феномены, непосредственно присущие этногенезу, и, тем самым, уяснить себе, что такое этнос и какова его роль в жизни человечества.

Условимся о значении терминов. Греческое слово «этнос» имеет в словаре много значений, из которых мы выбрали одно: «вид, порода», подразумевается – людей. Для нашей постановки темы не имеет смысла выделять такие понятия, как племя или нация, потому что нас интересует тот член, который можно вынести за скобки; иными словами – то общее, что имеется и среди англичан и среди масаев, и у древних греков и у современных цыган. Это свойство вида *Homo sapiens* группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру [72]. Это выделение характерно для всех эпох и стран: эллины и варвары; китайцы (люди Среднего государства) и ху (варварская периферия); арабы-мусульмане во времена первых халифов и «неверные»; европейцы-католики в средние века и нечестивые (в том числе греки и русские); «православные» (в ту же эпоху) и «нехристи», включая католиков; туареги и нетуареги; цыгане и все остальные и т.д. Явление такого противопоставления универсально, что указывает на его глубокую подоснову, сущность которой нам предстоит вскрыть. Это поможет построить этническую историю человечества, как уже построены социальная, культурная, политическая, религиозная и многие другие. Разработка же этнической истории имеет немалое практическое значение, так как на примере минувшего помогает вернее разобраться в стихийном развитии антропосферы [245], а также в межэтнических коллизиях, которые возникают и, вероятно, еще долго будут возникать. Поэтому наша задача заключается прежде всего в том, чтобы уловить принцип и механизм процесса [80].

Попробуем раскрыть природу зримого проявления наличия этносов – противопоставления себя всем остальным: «мы» и «не мы». Что рождает и питает это противопоставление?

Не единство языка, ибо есть много двуязычных и трехязычных этносов и, наоборот, разных этносов, говорящих на одном языке. Так, французы говорят на четырех языках: французском, кельтском (бретонцы), баскском и провансальском, причем это не мешает их этническому единству. Известно, что наполеоновский маршал Мюрат или исторический д'Артаньян были гасконцами, а поэт Шатобриан – кельтом. С другой стороны, мексиканцы или боливийцы говорят по-испански, но они не испанцы, янки говорят по-английски, но они не англичане. На арабском языке говорит несколько разных народов.

Этническая карта державы Ахеменидов. Показаны районы расселения народов, изображенных на рельефах дворца в Персеполе.

Итак, хотя в известных случаях язык может служить индикатором этнической общности, не он ее причина. То же самое можно сказать про культуру, идеологию, экономические

связи и даже про общность происхождения, которая никогда не бывает монолитной. Каждый этнос когда-то возник из сочетания двух и более составляющих компонентов, которые, сливаясь, образуют целостность, но с определенной внутренней структурой.

Этнографические и языковые особенности не мешали ванзейским кельтам сражаться во времена французской революции за бурбонские лилии, причем вместе выступали полудикие бретонцы и вполне просвещенные обитатели низовий Луары. Гасконские бароны добивались маршальских жезлов в армии французских королей, и тем в голову не приходило, что они используют услуги иноплеменников: очевидно, этнические связи мощнее языковых.

Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю, практически неповторимую структуру и стереотип поведения. У живущих, вернее, развивающихся этносов то и другое находится в динамическом состоянии, т.е. меняется от поколения к поколению, у реликтовых – стабилизировано в том смысле, что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего, но об этой стороне дела речь пойдет ниже, а пока уточним смысл предложенных понятий.

Внутренняя структура этноса – это строго определенная норма отношений между коллективом и индивидом и индивидов между собой. Эта норма негласно существует во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Поэтому для членов этноса она не тягостна, так как она для них незаметна. И наоборот, соприкасаясь с иной нормой поведения в другом этносе, каждый член первого этноса удивляется, теряется и пытается рассказать своим соплеменникам о чудачествах другого народа.

Вавилонянин

Ливиец

Араб

Скиф

На рисунках Н. Симоновской, созданных на основе изображений рельефов дворца в Персеполе (V в. до н.э.), отчетливо видны этнические различия народов державы Ахеменидов.

Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакхические пляски греков, чувствовали такое омерзение, что однажды, увидев своего царя, гостившего в Ольвии, в венке и с тирсом⁶ в руках в процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противоестественным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали проявлением бесстыдства незакрытые лица французских дам.

Подобных примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении комплексных нормативов поведения, поддерживающих внутриэтническую структуру. В аспекте гуманитарных наук описанное явление известно как традиция и модификация социальных взаимоотношений, а в плане наук естественных оно столь же закономерно трактуется, как стереотип поведения, варьирующий в локальных зонах и внутривидовых популяциях. Второй аспект хотя и непривычен, но, как мы увидим ниже, плодотворен.

Казалось бы, традиция ни в коем случае не может быть отнесена к биологии, однако механизм взаимодействия между поколениями вскрыт проф. М.Е. Лобашевым (Ленинград) [171], именно путем изучения животных, у которых он обнаружил процессы «сигнальной наследственности», что просто-напросто другое название традиции. По М.Е. Лобашеву, индивидуальное приспособление совершается с помощью механизма условного рефлекса, что обеспечивает животному активный выбор оптимальных условий для жизни и самозащиты. Эти условные рефлексы передаются в процессе воспитания родителями детям или старшими членами стада – младшим, благодаря чему стереотип поведения является высшей формой адаптации. Это явление у человека именуется «преемственностью цивилизации», которую обеспечивает «сигнал сигналов» – речь. С точки зрения этологии, науки о поведении – навыки быта, приемы мысли, восприятие предметов искусства, обращение со старшими и отношения между полами, – все это условные рефлексы, обеспечивающие наилучшее приспособление к среде и передающиеся путем сигнальной наследственности. В сочетании с эндогамией традиция создает устойчивость этнического коллектива, в пределе превращающегося в изолят.

Этносы-изоляты возникают на глазах историка. Таковы исландцы – потомки викингов, заселивших остров в IX в. и всего за триста лет утеревших воинский дух своих предков. Потомки норвежских, датских и шведских удальцов и рабынь, захваченных в Ирландии, уже в XI в. составили небольшой, но самостоятельный этнос, хранящий традиции старины и брачующийся в пределах своего острова [221].

Это пример яркий, но ведь есть сколько угодно градаций традиционности, и если расположить все известные нам этносы по степени убывающей консервативности, то окажется, что нуля, т.е. отсутствия традиции, не достиг ни один этнос, ибо тогда бы он просто перестал существовать, растворившись среди соседей. Это последнее, хотя и наблюдается время от времени, никогда не бывает плодом целенаправленных усилий самого этнического коллектива, потому что видовое самоубийство противно врожденному инстинкту самосохранения. И тем не менее этносы гибнут. Значит, существуют деструктивные факторы, из-за которых

⁶ Тирс – жезл Диониса и его спутников, увитый плющом и виноградными листьями, с сосновой шишкой на верхнем конце.

это происходит. К их числу относятся не только посторонние воздействия (завоевания), но и внутриэтнические процессы, о которых мы скажем ниже.

Социальные и этнические процессы различны по своей природе. Теорией исторического материализма установлено, что спонтанное общественное развитие непрерывно, глобально, в целом – прогрессивно, тогда как этническое – дискретно, волнообразно и локально. Совпадения между общественными и этническими ритмами случайны, хотя именно эти совпадения бросаются в глаза при поверхностном наблюдении, так как интерференция всегда усиливает эффект. Яркий пример этого – распад западной части Римской империи и одновременно исчезновение древнеримского этноса.

Но ведь этносы в не меньшем числе возникают. Если бы этого не происходило, естественный отбор давным-давно, еще в эпоху верхнего палеолита, сгладил бы этнические различия и свел все многообразие человечества вначале к крайне небольшому числу этносов, а затем вообще привел бы к исчезновению человечества, ибо последнее состоит из этносов, а они смертны. Возникает интереснейший вопрос: что же служит причиной возникновения новых этносов?

Этносы и этносфера

Взаимодействие человека с природой в разные века и в разных географических регионах, например на берегах Средиземного моря, в джунглях Мату-Гросу и в степях Украины, будет совершенно различным. Следовательно, непосредственно на человеческий организм и на любой человеческий коллектив влияет не Земля, а определенный ландшафт. С другой стороны, люди за последние несколько тысяч лет видоизменили почти всю поверхность суши, но египтяне, монголы, арауканы и шведы делали это настолько по-разному, что конструктивнее рассматривать влияние на природу со стороны отдельных этносов, нежели человечества в целом. Поэтому мы будем рассматривать природу как многообразие ландшафтов, человечество как мозаику этносов, а их взаимодействие и его результаты – как этнографию и палеогеографию исторического периода [89].

Географический ландшафт воздействует на организмы принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т.д. – все это, образно говоря, накладывает особый отпечаток на организм. Те виды, которые не в состоянии приспособиться, должны переселиться в другой географический ландшафт или вымереть. Это положение равным образом относится и к этносам, которые непосредственно и тесно связаны с природой через свою хозяйственную деятельность. Этнос приспосабливается к определенному ландшафту в момент своего сложения. В последующее время, при переселении или расселении, этнос ищет себе область, похожую на ту, в которой данный этнос сложился. Так, угры расселялись преимущественно по лесам; турки и монголы – по степям; русские, осваивая Сибирь, заселяли прежде всего лесостепную полосу и берега рек; англичане колонизовали земли с более умеренным климатом (Канада, Новая Зеландия и т.д.), чем испанцы (Южная Америка). Исключения из правила встречаются, но только в пределах законного допуска [83].

Большинство племен и народностей древности и средневековья вписывалось в ландшафт, не пытаясь его изменить. Таковы все охотники, рыболовы, скотоводы и собиратели, а также часть земледельческих племен, не применяющих искусственного орошения. Исключение составляли народы, практиковавшие интенсивное земледелие: египтяне, шумеры, древние иранцы, индусы и китайцы, которые приспособливали ландшафт к своим потребностям.

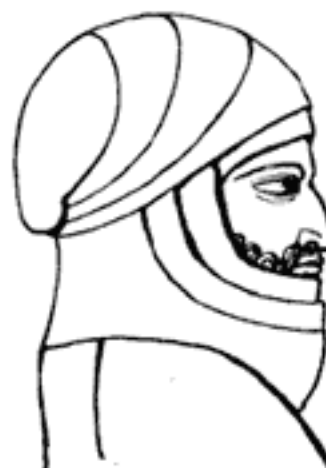
Согдиец

Индус

Бактриец

Арий

Воздействие на природу определяется характером, а не степенью развития культуры. Древние греки и арабы вели экстенсивное хозяйство, подобно тюркам, монголам, индейцам или полинезийцам, однако культура греков не уступает египетской, а арабов – иранской, хотя египтяне и древние персы практиковали, в отличие от греков и арабов, интенсивное земледелие.

На протяжении последних пяти тысяч лет антропогенные изменения ландшафта возникали неоднократно, но с разной интенсивностью и всегда в пределах определенных регионов. При сопоставлении с историей человечества устанавливается четкая связь между антропогенными изменениями природы как творческими, так и хищническими, и эпохами этногенеза (становления новых этносов), или этнических миграций. При этом стадия общественного развития, как правило, не играла существенной роли. Решала этническая, а не социальная принадлежность [91].

Связь сложившихся этносов с вмещающими их ландшафтами проявляется в приспособлении этнического коллектива и его хозяйственной деятельности к определенным условиям. С течением времени соотношение этнос/ландшафт становится оптимальным для того и другого. Это означает, что устойчивый ландшафт стабилизирует этнос, и причин для создания нового этноса не возникает. Выходит, процесс этногенеза должен прекратиться? Если же ландшафт меняется вследствие резких климатических изменений, то этнос, теряя привычные условия, нищает, численность его сокращается, и возможно либо вымирание, либо миграция в поисках привычных условий [73, 81]. Но ни в том, ни в другом случае причин для создания нового этноса нет.

Процессы этногенеза возникают без участия климатических изменений, но, исследуя исторически зафиксированные моменты начальных точек этногенетических процессов, мы констатируем, что они происходят на определенных участках поверхности Земли. Некоторые удобные для жизни территории никогда не являлись родиной народов, хотя этносы уже сложившиеся заселяют их и достигают процветания.

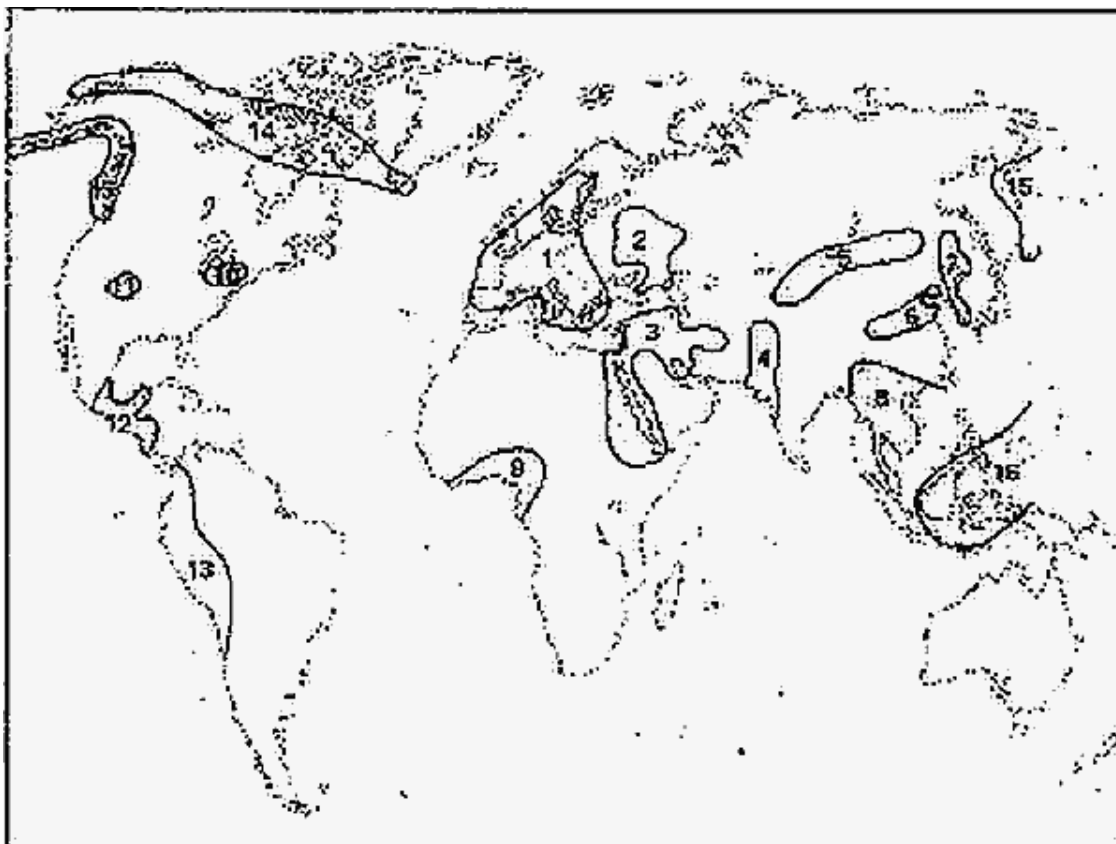
Однolandшафтные территории, например, сибирская тайга (исключая азональные речные долины), внутренняя часть Австралии, саванны, тропические леса и т.п., никогда не были местом возникновения этносов. И, наоборот, разнообразие сочетаний ландшафтов на западноевропейском полуострове Евразийского континента столь благоприятно для этногенеза, что там возникло ошибочное представление, будто происхождение новых народов – дело обычное. На самом же деле благоприятные географические условия, при которых только и может начаться процесс, являются на поверхности земного шара скорее исключением, хотя и встречаются во всех частях света. Проверим наш тезис на конкретном материале.

Ближний Восток – сочетание моря, гор, степей, горных лесов, пустынь и речных долин. Там новые этнические комбинации возникали часто, за исключением нагорий Закавказья, где природные условия скорее подходят для возникновения изолятов. Курды, например, отстояли свою этническую самобытность и от персов, и от греков, и от римлян, и от арабов, и даже от турок-османов. Китайский народ сложился на берегах Хуанхэ в условиях сочетания речного, горного, лесного и степного ландшафтов, а однообразные джунгли южнее Янцзы китайцы освоили только в I тыс. н.э. Однако, переселившись на юг и смешавшись с местным населением, древние китайцы превратились в современный южно-китайский этнос, отличающийся и от своих предков и от северных китайцев, смешавшихся в долине Хуанхэ с хуннами.

Индия в ландшафтном отношении беднее Европы, и поэтому процессы этногенеза проходили там медленно. Два крупных народа сформировались в западной части Индии: раджпуты (около VIII в.) и сикхи (XVI – XVIII вв.). Казалось бы, что пустыни Раджастана и Синда гораздо менее благоприятны для человека, чем плодородная, покрытая в то время лесами

долина Ганга. Однако в Синде отчетливо выражено сочетание пустынь и тропической растительности в долине Инда, а в Раджастане – пустынь, степей и горных лесов. Расцвета культура достигла во внутренней Индии, но образование новых народов связано с пограничными областями.

В Северной Америке бескрайние леса и прерии не создают благоприятных условий для этногенеза. Однако на изрезанной береговой линии Великих озер в XV в. возник ирокезский союз пяти племен. Это было новое этническое образование, не совпадающее с прежним, так как в состав ирокезов не вошли гуроны, родственные им по крови и языку. На берегах Тихого океана южнее Аляски, там, где скалистые острова служат лежбищем моржей и тюленей, и море кормит береговых жителей, алеуты и тлинкиты создали оригинальное общество с патриархальным рабством (и далее работорговлей), резко отличное от соседних охотничьих племен и по языку и по обычаям. Итак, однородный по ландшафтам регион стабилизирует обитающие в нем этносы, разнородный – стимулирует изменения, ведущие к появлению новых этнических образований.

Карта территорий, где возникали новые этносы.

1. Западная Европа: изрезанная береговая линия, незамерзающие моря, сочетание умеренного и субтропического климатов, горные и долинные ландшафты, перемежающиеся на незначительном пространстве.

2. Восточная Европа: сочетание степной и лесной зон, наличие аazonальных ландшафтов речных долин на юге и ополей (больших полей) на севере.

3. Левант, или Ближний Восток; речные аллювиальные долины Месопотамии и Египта в соседстве с полупустынями и горными областями, при наличии вертикальной климатической поясности на высоких плоскогорьях.

4. Северо-западная Индия: сочетание речных долин, пустынь и нагорий, а также субтропического и тропического климатов.

5. *Центральная Азия: степная зона, граничащая с лесной и пересеченная поросшими лесом хребтами; на юге смыкается с пустыней и оазисами.*

6. *Китай в исходном положении этногенеза: долина Хуанхэ на рубеже сухих степей и субтропических горных лесов; будучи отвоєвана от воды, служит образцом антропогенного, искусственного ландшафта.*

7. *Дальний Восток сочетание горнолесного ландшафта с повышенным (муссонным) увлажнением и сухого степного ландшафта.*

8. *Индокитай: страна речных долин среди горного тропического леса.*

9. *Западная Африка: сочетание тропического леса, сухих степей и Гвинейского залива.*

10. *Область Великих озер: изрезанная береговая линия при сочетании лесных и открытых участков.*

11. *Плавный переход отрогов Кордильер в прерии и долину Рио-Гранде, с естественным произрастанием маиса.*

12. *Анагуак: полупустынное нагорье смыкается с тропическим лесом.*

13. *Анды: горные террасы, плоскогорья и долины примыкают к тропическому лесу.*

14. *Заполярье: богатая пушным зверем тундра и море.*

15. *Приполярье: лес и изрезанная береговая линия с лежбищами морского зверя.*

16. *Океания: острова, покрытые тропическим лесом, и море.*

Мидянин

Каппадокиец

Армянин

Сириец

Но тут возникает вопрос: является ли сочетание ландшафтов причиной этногенеза или только благоприятствует ему? Если бы причина возникновения новых народов лежала в географических условиях, то они, как постоянно действующие, вызывали бы народообразование постоянно, а этого нет. Следовательно, этногенез, хотя и обуславливается географическими условиями, но происходит по другим причинам, для вскрытия которых приходится обратиться к истории.

Оказывается, искусственные ландшафты ведут себя так же, как естественные, — в смысле воздействия на этнос. Так, иногда коллектив предпринимает титаническую работу по перестройке природы согласно тем требованиям, которые он к ней предъявляет. Эта задача бывает сложнее, чем покорение соседей, но, выполнив ее, коллектив, спаянный общим делом, превращается в этнос, живущий за счет привычного ландшафта и лишь поддерживающий его. Если же этнос приходит в упадок в результате неудачных войн или социальных кризисов, вместе с ним гибнет лишенный поддержки созданный им ландшафт. Так было в Северном Китае, в Месопотамии, в Юкатане при культуре майя и в Древнем Египте. Но эти преобразования происходили лишь тогда, когда этносы из этно-ландшафтного равновесия переходили в «динамическое состояние» [82], т.е. совершали походы на соседей, воздвигали гигантские сооружения, создавали мифы и новые традиции, а новые традиции всегда знаменуют перегруппировку людей в новые этносы.

Египтяне перестроили долину Нила в IV тыс. до н.э., затем долго поддерживали ее искусственный ландшафт, не внося принципиальных изменений. В эпоху XII династии, XIX в. до н.э., возник новый тур преобразования природы: был создан Фаюмский оазис и одновременно возник новый египетский этнос, относящийся к древнему так же, как итальянцы относятся к римлянам. Потом этносы в долине Нила почему-то не возникали, а пришельцы захватывали ее с легкостью, удивлявшей их самих.

Иногда воздействие возникающего этноса на ландшафт бывает малозаметным, потому что сводится к эксплуатации природных богатств, но тут биологическое равновесие региона нарушается. Ахейцы привели с собою в Пелопоннес коз, пожравших дотоле пышную растительность, что уже в V в. вызвало эрозию почв в Аттике [122, стр. 37]; полинезийцы истребили в Новой Зеландии птицу моа; европейские колонисты в Северной Америке развели лошадей и уничтожили бизонов и т.д. Иначе говоря, антропогенное воздействие на ландшафт можно рассматривать как адаптацию новой популяции, находящейся в динамическом состоянии, т.е. слагающуюся в этнос. А полностью сложившиеся этносы вписываются в ландшафт настолько, что не могут и не хотят приспособляться к иным природным условиям.

С этой точки зрения легко объяснимы различия между этносами, находящимися в состоянии равновесия с ландшафтом: предки того или другого реликтового этноса в свое время приспособили место обитания к своим потребностям, а затем, утратив силу инерции первоначального толчка, вошли в биоценоз населяемого ими региона. Соседний этнос сделал то же самое, но, так как полного совпадения быть не может, он сделал это несколько по-другому, в результате чего его потомки живут иным способом. Так сосуществовали в одних и тех же природных условиях племена охотников и рыболовов, земледельцев и кочевых скотоводов. Например, на юго-западе США (штат Нью-Мексико) бок о бок жили индейские племена земледельцев пуэбло и охотников навахов (группа нагуа). В этом районе Кордильеры спускаются в прерию отрогами, и на стыке гор, горных лесов и прерий образовались, очевидно в разное время, два народа. Их различия — результат разновременности возникновения и разной исторической судьбы. Вот почему названия «дикость» или «примитив» к ним неприменимы [85, стр. 110]. Здесь имеет место просто этническая стабилизация.

Итак, общий признак для динамического состояния любого этноса — способность возникшей популяции к так называемым «сверхнапряжениям» (*tour de force*), которые проявляются либо в преобразовании природы, либо в миграциях, тоже связанных с измене-

нием ландшафта на вновь освоенных территориях, либо в повышенной интеллектуальной, военной, организационно-государственной, торговой и т.п. деятельности. Почти все известные нам этносы сгруппированы в своеобразные конструкции – «культуры», или «супер-этнические целостности». Первоначально этнос занимает район, в котором он появился и соседствует, не всегда мирно, со своими «сверстниками». Затем, набрав силу, он мигрирует, оставив на родине часть своего состава. При этом он обязательно теряет изрядную долю первоначального запаса энергии. Некоторые этнические группы гибнут, а другие, попав в изоляцию от мощных соседей, превращаются в изолированные, реликтовые этносы, у которых нет ни прироста населения, ни саморазвития общественного бытия, а модификации происходят только при воздействии соседей.

Следовательно, этногенез можно понять как множество процессов этногенезов в тех или иных регионах⁷. Ритмичности в описанном феномене нет. Это указывает, что здесь наблюдается не явление саморазвития, а влияние экзогенных факторов, своего рода толчков, после которых инерция постепенно затухает. Для спонтанного общественного развития по спирали этносфера и этногенез являются фоном. Причину же, вызывающую образование этносов, можно обнаружить, только проанализировав историю человечества в этническом аспекте.

Четыре фазы этногенеза

Оглядываясь на историю, мы не можем не отметить, что из народов, процветавших 5 тыс. лет тому назад, не осталось ни одного; из тех, кто творил великие дела за 2 тыс. лет до нас, уцелели лишь жалкие осколки немногих; те же, кто существовал в X в., по большей части еще живут, хотя и весьма изменившись. Надо думать, что и в дальнейшем этносы будут появляться и исчезать. Как и почему это происходит – центральная проблема этногенеза.

Наша задача сводится к тому, чтобы уловить механизм становления этноса и проследить его эволюцию, вплоть до полного исчезновения или перехода в стабильные реликтовые формы. Это можно сделать, изучая только законченные процессы, т.е. обратившись к истории, например к этногенезу римского народа, византийцев, древних турок. Отметим, что и у других народов закономерность процесса этногенеза была принципиально такой же, разумеется, с учетом локальных особенностей. Но проанализировать всю этническую историю в статье невозможно, да и не нужно. Достаточно нескольких примеров.

Согласно преданию, Рим был основан в 754 г. до н.э. группой беглецов из разных племен, объединившихся для совместной жизни на Семи холмах. Первый период, до 510 г. до н.э., это поселение находилось, по-видимому, под верховной властью этрусских царей, а после составляло самостоятельную республику (полис). Поэтому целесообразно принимать за исходную дату этногенеза именно 510 г. до н.э., когда интересующий нас этнический коллектив впервые заявил о своем самостоятельном существовании и самоопределился. Вначале он состоял из двух этнических компонентов – патрициев (латинян) и плебеев (этрусков), с течением времени образовавших три сословия: патрицианско-плебейский нобилитет, плебейское всадничество (богатые люди) и римский народ, состоявший из обедневших патрициев и плебеев. Новый этнос рядом удачных войн подчинил себе сначала окрестные города Лациума, а затем всю Среднюю Италию, часть населения которой была истреблена, а часть превращена в «союзников», т.е. в неравноправных членов сложившегося римского этноса (III в. до н.э.). Назовем этот период фазой исторического становления.

⁷ «Этническое деление вида *Homo sapiens* – один из способов адаптации в ландшафте, не столько в структуре, сколько в поведении» [140, стр. 361].

Следующий период ознаменовался завоеваниями, продолжавшимися до середины II в. до н.э., когда Рим сокрушил своих соперников: Карфаген, Македонию и греческие государства. Этот период можно назвать начальной фазой исторического существования. Кризис этой фазы наступил в 133 – 121 гг. до н.э., когда погибли братья Гракхи. В 90 – 88 гг. до н.э. вспыхнуло восстание среди «союзников», требовавших уравнивания в правах с собственно римскими гражданами, но оно было подавлено, и тогда же, в 88 г. до н.э., началась гражданская война в самом Риме между Марием и Суллой, продолжавшаяся и после их смерти – вплоть до полного умиротворения империи и сопредельных стран Августом в 31 г. до н.э. (битва при Акциуме).

Август провозгласил «золотую посредственность» как лозунг политической стабилизации, укрепление военной мощи и обращение в прошлое за поучительными примерами. Эта система, несмотря на несколько пароксизмов, на короткое время прерывавших спокойное течение жизни, сохранялась до смерти Марка Аврелия (180 г. н.э.). Это конечная фаза исторического существования.

Следующим периодом развития римского этноса следует считать его ослабление и растворение среди завоеванных народов («провинциалов»). В 192 г. был убит самодур император Коммод и после кратковременной гражданской войны власть досталась полководцу Септимию Северу, опиравшемуся уже не на римские войска, а на легионы, укомплектованные фракийцами и иллирийцами. Остатки собственно римского народа-войска – преторианская гвардия – были распущены, и власть перешла к солдатским императорам, опиравшимся на легионы тех или иных провинций. Однако это не следует считать концом римского этноса, который продолжал существовать, ассимилировав через распространение языка и культуры население провинций (романизация). Стереотип поведения и структура оставались прежними – римскими. Так постепенно римский этнос превратился в романскую суперэтническую целостность. Римляне стали сливаться с провинциалами. Это, по существу, фаза исторического упадка этноса. Только две группы населения не поддались романизации – иудеи и христиане. Последние составляли внутри империи общность, которую современники приравнивали к этнической, так как христиане противопоставляли себя всем другим, имели особый стереотип поведения и внутреннюю структуру общины. Во II – III вв. количество их чрезвычайно возросло за счет инкорпорации в общину (обращение в христианскую веру), и в 313 г. император Константин принужден был ради спасения жизни и сохранения власти опереться на христиан и Миланским эдиктом даровал им веротерпимость.

*Римлянин эпохи начала
фазы исторического
существования*

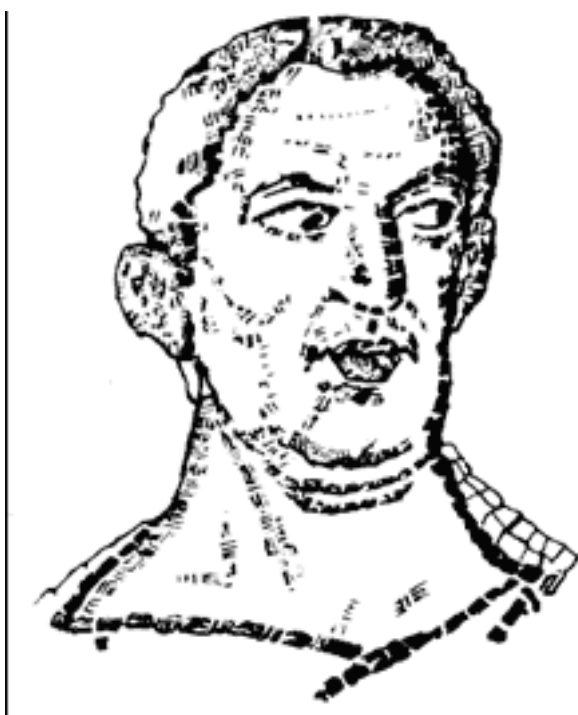

*Римлянин эпохи конца
фазы исторического
существования*

Возрастное состояние этноса довольно отчетливо проявляется в физиогномике. На рисунках, выполненных худ. Н. Симоновской по античным скульптурам, изображены римляне трех фаз этногенеза. Первый – человек волевой, с чувством долга; второй – эмоциональный, неустойчивый, не заслуживающий доверия; третий – тупой, жестокий, упрямый.

На фоне этой исторической канвы мы можем выделить несколько периодов, как бы возрастов этноса. В период завоевания Италии римляне гордились тем, что их консулы и даже диктаторы, исполнив общественную обязанность, возвращались к частной жизни и лично обрабатывали свой участок земли. Каждый мужчина-римлянин был воином, не получавшим за это никакой платы от государства. Общественные обязанности рассматривались как долг каждого римского гражданина, в связи с чем существовала крепкая патриархальная семья и «простота нравов», диктуемая обычаями. Именно эта общественная слаженность и монолитность создали мощь римского этноса и специфику римской культуры.

Византиец эпохи исторического становления(VI в.). Мозаичный портрет апостола Варфоломея в Равенне.

Византиец эпохи исторического существования (XI в.). Константин IX Мономах. Мозаика в Святой Софии (Стамбул).

Византиец эпохи исторического упадка (около 1400 г.). Константин Комнин. Миниатюра Оксфордской рукописи.

На рисунках худ. Н. Симоновской, созданных по памятникам средневекового искусства, видно, как византийский этнос постепенно утрачивал пассионарность. В VI в. индивидуальность апостола трактуется как образ волевого, энергичного человека, с огромным и живым интеллектом. В XI в. запечатлен тип унылого деспота, целеустремленного и спо-

собного на любые поступки, вплоть до аморальных; в XV в. перед нами – добрый, спокойный, весьма пристойный, но вполне безвольный человек, до того скованный узами обычаев, что трудно представить его сражающимся с врагом. Именно такие византийцы и позволили победить себя сперва крестоносцам, а потом туркам.

После блестящих побед над греками, карфагенянами и македонцами резко возросло богатство страны, распределяемое весьма неравномерно. Среди нобилитета и всадничества возникло увлечение греческой культурой, на греческой основе развилась своя литература. Но в то же время большинство римского народа беднело, не успевая из-за постоянной военной службы обрабатывать свои земельные участки, и превращалось в «пролетариев». Так назывались в Риме люди, не имевшие имущества. Сначала их невозможно было обязать выполнять никакие общественные функции, так как они не имели средств для пропитания. Но Марий провел закон о привлечении этих людей к несению военной службы и об уплате им жалованья, что привело к созданию профессиональной армии. В дальнейшем эта армия стала мощной силой, под руководством Цезаря захватившей власть и превратившей республику в империю. Столкновения политических партий на время приостановили культурное развитие страны, ибо вся энергия римских граждан была устремлена на участие в кровопролитных гражданских и внешних войнах. Когда же гражданские войны утихли, начался золотой век римской культуры, техники военной и гражданской, короче говоря, того, что мы привыкли называть цивилизацией. Но в III – IV вв., во время солдатских мятежей, империя начала разваливаться, что и знаменовало упадок римского этноса, хотя созданная этим этносом суперэтническая культура надолго пережила его самостоятельное реальное существование. Умирание шло как путем физического вырождения основных носителей изначальных традиций, так и путем их поглощения христианскими общинами, закончившегося к концу IV в., при императоре Феодосии. Часть населения, оставшаяся после исчезновения римской этнической традиции, вошла в зародившуюся перед этим и находившуюся на подъеме новую этническую традицию, которую мы, в согласии с установившейся терминологией, называем «византийской». Сами византийцы не ставили проблемы этногенеза и именовали себя римлянами, подчеркивая этим непрерывность государственной традиции. Но, как показано выше, их отличие от языческих предков было радикальным и коренилось в измененном стереотипе поведения, что и позволяет нам рассматривать восточноримских христиан как самостоятельный этнос со всеми его функциями. Фаза этнического становления «византийцев» приходится на III в., когда христиане заполняли рынки, курии, муниципии, армию, оставив язычникам только храмы. Несмотря на жестокое гонение, христианская община разрослась до пределов Римской империи, а затем перешла за ее границы: в христианство обратились Абиссиния, Армения и Ирландия. Однако этнические особенности народов, ставших христианами, настолько разнились друг от друга, что уже к VII в. можно говорить о византийской суперэтнической культуре, но не о едином этносе, каковым оставалось население Малой Азии и южной части Балканского полуострова.

Описанная эпоха напоминает первый период римской истории, до начала гражданских войн. Следующим периодом, прошедшим для Византии весьма болезненно, было иконоборчество, т.е. вмешательство светской власти в духовную жизнь членов православной церкви. Попытка не удалась. Несколько сот беззащитных монахов сумели противостоять мощной военной машине Исаурийских императоров. Вслед за тем наступил спокойный, во внутреннем отношении, период Македонской династии, подобный периоду римской цивилизации от Августа до Марка Аврелия. В это время были крещены славяне, частично венгры и половцы, а несториане (те же византийцы по культуре) обратили в христианство большую часть центральноазиатских кочевников, за исключением монголов [84]. Это, бесспорно, фаза исторического существования.

Но к концу XI в. сила и энергия византийского этноса ослабели: Византийская империя потеряла Малую Азию, Сербию и подверглась нападению норманнов, разоривших Эпир и Македонию. Энергичные императоры династии Комненов использовали силы крестоносцев для войны с мусульманами, чем на время задержали падение империи. Но в конце XII в. возник конфликт между греками и «франками» (т.е. западноевропейцами), захватившими в 1204 г. Константинополь, Македонию и Грецию.

Очень важно отметить, что количество крестоносцев, осаждавших город с населением в несколько сот тысяч, было около 22 – 25 тыс. человек, но против них сражалась только наемная варяжская дружина, а горожане позволяли себя беспрепятственно убивать и грабить. Живые силы византийского этноса сохранились только на окраинах империи – в Малой Азии и Эпире. Впрочем, их оказалось достаточно, чтобы за полвека очистить свою страну от крестоносцев и положить начало последней византийской династии – Палеологов. По существу, время правления Палеологов (1261 – 1453) было медленной агонией византийского государства и этноса, т.е. фазой исторического упадка. И тогда произошел глубокий раскол в дотоле монолитной структуре Византии: часть населения во главе с императорами стала на путь «европеизации», компромисса с католичеством, приняла унию. Другая часть образовала секту зилотов, антицерковного направления, и только небольшая группа ревнителей православия во главе с Иоанном Кантакузеном и афонскими монахами боролась за сохранение традиций, но осталась в меньшинстве [201]. Последние ее сторонники эмигрировали в Россию в XIV – XV вв. Униатская же партия утратила свои связи с народом, и падение Константинополя было предрешиено. После рокового 1453 г. остатки византийцев (фанариоты), как исторический реликт, владели своим существованием несколько столетий под властью турецких султанов.

Наконец, этногенез древних тюрков интересен тем, что он был оборван посторонним вмешательством. В 439 г. небольшая группа монголоязычных кочевников Ашина была вытеснена из предгорий Алашаня и Наньшаня на север – в Монгольский Алтай. Там она смешалась с местным тюркоязычным населением, в результате чего создавался небольшой народ, называвший себя «тюрк» или «тюркют». В середине VI в. тюрки захватили почти всю евразийскую степь от Черного моря до Желтого и Среднюю Азию до Амударьи. Это была их фаза исторического становления. Однако соседство с могущественным, богатым и агрессивным Китаем вызвало ряд конфликтов, закончившихся в 630 г. разгромом Восточно-тюркского каганата и подчинением тюрков китайскому императору. Западный каганат сохранил самостоятельность до 658 г., когда его восточная половина была также оккупирована китайскими войсками, а западная составила самостоятельный Хазарский каганат. В 680 г. восточные тюрки восстали против Китая и до 745 г. отстаивали свою независимость. Поражение, нанесенное им коалицией, составленной из Китая, карлуков, уйгуров и басмалов, прекратило фазу исторического существования древнетюркского этноса, так как те тюрки, которые не были убиты в степи, растворились среди конгломерата народов Центральной Азии. Только небольшая группа, укрывшаяся на Алтае, просуществовала как реликт до XVII в., когда ее покорил боярский сын Петр Сабанский. К нашему времени это племя – телесы – слилось с окружающими их теленгитами.

Ясно, что относительная длительность разных фаз этногенеза может быть весьма различной. Фаза исторического становления непродолжительна; процесс идет весьма интенсивно. Фаза исторического существования у большинства этносов длиннее предыдущей, ибо именно в этом периоде складывается комплексное своеобразие этноса, заканчивается его экспансия и создаются условия для формирования суперэтнических культурных образований. Фаза исторического упадка может особенно сильно варьировать по своей протяженности, так как она зависит как от интенсивности внутренних процессов разложения этноса, так и от исторической судьбы, определяемой степенью развития материального базиса,

накопленного за предшествовавший период, физико-географическими условиями ареала, и состоянием смежных этносов. Наконец, фаза исторических реликтов уже целиком зависит от историко-географических особенностей данной территории.

Пассионарность

Формирование нового этноса всегда начинается одной особенностью: непреодолимым внутренним стремлением небольшого числа людей к крайне активной целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения (этнического или природного), причем достижение этой цели, часто иллюзорной или губительной для самого субъекта, представляется ему ценнее даже собственной жизни. Это, безусловно, отклонение от видовой нормы поведения, потому что описанный импульс противоречит инстинкту самосохранения. Этот импульс может быть связан как с повышенными способностями (талант), так и со средними, и это показывает его самостоятельность среди прочих импульсов поведения, уже описанных в психологии. Этот же признак лежит в основе этики, где интересы коллектива, пусть даже дурно понятые, превалируют над жадой жизни и заботой о собственном потомстве. Особи, обладающие этим признаком, совершают (и не могут не совершать) поступки, которые, суммируясь, ломают инерцию традиции и дают толчок созданию новых этносов.

И самое курьезное, что эффект, порождаемый этим признаком, видели и видят все люди; больше того, даже сама эта особенность известна как «страсть», но в обывательском словоупотреблении так стали называть любое сильное желание, а иронически – просто любое, даже слабое влечение. Поэтому для целей научного анализа мы предложим новый термин – пассионарность (от лат. *passio*), исключив из содержания его животные инстинкты и капризы, служащие симптомами разболтанной психики, а равно душевные болезни, потому что хотя пассионарность, конечно, отклонение от видовой нормы, но отнюдь не патологическое.

Собственно говоря, пассионарность имеют почти все люди, но в чрезвычайно разных дозах. Она проявляется в различных качествах: властолюбии, гордости, тщеславии, алчности, зависти и т.п., которые с равной легкостью порождают подвиги и преступления, созидание и разрушение, благо и зло, но не оставляют места равнодушию. Общим моментом является именно тот, который важен для нашей проблемы: способность и стремление к изменению окружения. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии – не могут рассчитать последствия своих поступков и, даже предвидя гибель, удержаться от их свершения. Это очень важное обстоятельство, указывающее, что пассионарность находится не в сознании людей, а в подсознании.

Ярким примером пассионария может служить Наполеон I. После египетского похода он стал богатым настолько, что мог прожить остаток жизни без труда. Обыватель так бы и поступил. Наполеон же принял на себя нагрузку непомерной тяжести, с огромным риском и печальным концом. Модусом его пассионарности было властолюбие. Его тщеславные маршала ограничивались стремлением к почестям.

Парижские буржуа, потребовавшие в 1814 г. сдачи города русским, кричали: «Мы хотим не воевать, а торговать!». Это алчность, но не очень сильная, потому что инстинкт самосохранения ее ограничивал. Французские крестьяне того же времени стремились к тому, чтобы тратить силы на приобретение богатства, уже заведомо без риска для жизни, но среди них были и такие, которые ограничивались поддержанием имеющегося достатка, удовлетворяя свою гордость выигрышами у соседей в кегли или домино. Их пассионарность была так мала, что уравнивалась инстинктом самосохранения, что создает «гармонию» психической структуры. Это – вторая, наиболее многочисленная часть населения.

У третьей группы населения активность имеет иной характер, нежели у гармоничных особей, находящихся у нулевой точки отсчета, и по существу диаметрально противоположна пассионарности. В истории эта группа, которую мы будем называть субпассионариями, наиболее ярко представлена «бродягами», иногда становящимися солдатами-наемниками. В средние века они шли в ландскнехты, в XX в. – в иностранный легион. Они не изменяют мир и не сохраняют его, а существуют за его счет. В силу своей подвижности они часто играют важную роль в судьбах этносов, совершая вместе с пассионариями завоевания и перевороты. Но если пассионарии могут проявить себя без этих «бродяг-солдат», как можно их условно назвать, то те – ничто без пассионариев, ибо сами они не умеют поставить себе ни цели, ни организовать. Максимум, на который они способны, – это разбой или гангстеризм, жертвой которого становятся носители нулевой пассионарности, т.е. основная масса населения. Но в таком случае «бродяги» обречены: их выслеживают и уничтожают.

Есть соблазн сопоставить пассионариев с «героями, ведущими толпу», а «бродяг-солдат» назвать «ведомыми», но на самом деле механизм действия не столь прост. Испанские Габсбурги и французские Бурбоны, за исключением основателей династий, были заурядными людьми, равно как и большая часть их придворных. Но идалго и шевалье, негодичанты и корсары, миссионеры и конкистадоры, гуманисты и художники – все они создавали такое внутреннее напряжение, что политика Испании XVI и Франции XVI – XVII вв., если изобразить ее как составляющую этногенетического процесса, отражала огромную пассионарность этих этносов.

Остановимся на этом подробнее. «Бродяги-солдаты» как характерологический тип отличаются повышенной реактивностью и соответственно пониженной целеустремленностью. Их активность возникает за счет внешних раздражителей, вызывающих импульсивную реакцию, без расчета и соображений. Такой образ поведения самоубийствен, даже если он не граничит с патологией. У гармоничных людей реактивность уравнивается слабыми импульсами пассионарности, благодаря чему они соразмеряют свои поступки с заботой о себе, детях и друзьях. Пассионариями же в полном смысле слова мы называем тех людей, у которых инстинктивные импульсы самосохранения подавлены стремлением к реальной или иллюзорной цели. Деятельность их неизбежно направлена не на самосохранение или минутное самоудовлетворение, а на изменение окружения, хотя заслуга принадлежит не их воле, а их конституции. Итак, в основе трех характеристик лежит лишь разная степень выраженности одного признака – пассионарности, а не качественное деление на «героев» и «толпу». Именно поэтому третью группу мы и назвали субпассионариями.

Особенно важно не смешивать отмеченные выше характерологические типы внутри этноса: пассионариев, субпассионариев и основную массу населения с подразделениями классовыми, сословными или этнографическими. Любое из последних включает в себя все три типа, и, наоборот, каждый из типов находится в составе любого класса или сословия. Например, в эпоху расцвета феодализма далеко не все феодалы были пассионариями. Большая часть их сидела в своих замках, собирала имущество, воспитывала детей и с неохотой несла воинскую повинность сеньору, выражавшуюся в участии в войнах в течение 40 дней в год. Зато в крестовые походы добровольно устремлялись тысячи простых людей, бросая семью и родину, причем только часть из них, нанимаемая королями и герцогами за деньги, рассматривается нами как субпассионарии, искавшие «карьеру и фортуны». Многие пилигримы-фанатики были наделены высокой пассионарностью. И даже при образовании этноса инициативная группа никогда не состоит из людей одного типа. Приведем несколько примеров.

Обратимся к такому яркому периоду мировой истории, как эпоха Мухаммеда и первых халифов. Сам Мухаммед и его сподвижники Абу-Бекр и Омар, несомненно, были пассионариями, но Осман, третий халиф, по складу принадлежал к разряду «обывателей». Его потому

и поставили халифом, что разбившиеся на партии мусульманские пассионарии предпочитали иметь во главе государства нейтральную фигуру. Осман провел на высокие должности своих родственников, в числе которых были и совсем неактивные люди, и субпассионарии, и пассионарные «лицемерные мусульмане», как их называли за то, что они на словах признали ислам, но в душе остались язычниками, например Моавия ибн Абу-Суфьян, сын врага Мухаммеда. Это вызвало недовольство пассионариев, сражавшихся за дело ислама, и они убили Османа.

В последовавшей внутренней войне во всех трех партиях: фанатиков-хариджитов, шиитов – сторонников Алиа и «лицемерных мусульман», защищавших Омейядов, – опять-таки фигурировали люди всех трех типов, и все они гибли на полях сражений. Так как пассионариев было мало, то их убыль сказалась на пассионарном напряжении халифата, которое снизилось до уровня, при котором стала возможной координация управления в масштабах всего государства – от Инда до Атлантики.

А вот другой, более близкий и столь же наглядный пример. Земское ополчение, освободившее в 1613 г. Москву от поляков, включало в себя много пассионариев, но избрало на престол тихого, сугубо неактивного «Мишу Романова» за то, что он был «умом зело скуден» и поэтому помех не чинил, не был пассионарием. Да и многие бояре, сидевшие в думе «брады уставя», отнюдь не были пассионариями. Зато высокой пассионарностью обладали Иван Болотников, хитрый интриган Василий Шуйский, атаманы Трубецкой и Заруцкий, Захар и Прокопий Ляпуновы, Козьма Минин, Дмитрий Пожарский, Марина Мнишек, Авраамий Палицын и Александр Лисовский. А вокруг каждого из них теснились пассионарии, не прославившие себя в веках, субпассионарии, нашедшие себе применение, и толпы сдвинутых с мест и увлеченных потоком событий представителей основной массы населения. С точки зрения истории общественных отношений «смутное время» – кризис; для истории культуры – упадок; для этнической истории – взрыв пассионарности и связанный с ним перегрев, охлажденный пролитой кровью. Пассионарность как огонь: она и греет и сжигает. Тяжко, когда ее мало, страшно, когда ее много; оптимальная точка где-то посередине, но задержаться на ней, увы, нельзя, потому что всегда идет процесс либо накала, либо охлаждения.

Итак, во всех видимых простым глазом и изучаемых историей конструкциях присутствуют все три типа людей. Без сочетания этих трех элементов конструкция разваливается, а этногенез не идет. Теперь покажем на нескольких примерах, как «выглядит» пассионарность отдельных людей.

Александр Македонский имел в своей маленькой Пелле все, что было нужно человеку: пища в избытке, женщин достаточно; охота, развлечения, беседы с Аристотелем... и все-таки он бросился на Беотию, на Персию, а затем – на Согдиану и Индию, вопреки сопротивлению даже тех воинов и полководцев, которые вначале охотно шли за ним. Предположим, что для Македонии были нужны территориальные приобретения в Греции, ну в крайнем случае в Малой Азии и Сирии, но уж с саками и индусами у македонян никаких счетов не было, и жить в столь экзотических местах они не соглашались даже после победы, так что пришлось ставить в Бактрии гарнизоны из нанятых греков. Наоборот, раны, лишения и тоска по родине сделали македонскую армию к концу кампании малобоеспособной. Об этом прямо заявил Александру его сподвижник Кен, но для нас любопытнее речь самого царя, его доводы, которыми он соблазнял воинов продолжать поход.

Перечислив сделанные завоевания, он заявил: «Людам, которые переносят труды и опасности ради великой цели, сладостно жить в доблести и умирать, оставляя по себе бессмертную славу... Что совершили бы мы великого и прекрасного, если бы сидели в Македонии и считали, что с нас хватит жить спокойно: охранять свою землю и только отгонять от нее соседей... которые нам враждебны» (Арриан, V, 26 – 27).

Это программа человека, ставящего свою жажду славы выше собственного благополучия и интересов своей страны. При этом сам он пренебрегал удобствами, на деньги для собственных удовольствий был очень скуп, но благодеяния сыпал щедрой рукой. Одно качество, доведенное до крайности, отмечают у Александра и Арриан и Плутарх: честолюбие и гордость, т.е. проявление описанного нами качества пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для побед, но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну в далекой Азии, которая им была совсем не нужна.

Конечно, многие соратники Александра: Пердикка, Клирт, Селевк, Птолемей и др. – тоже обладали пассионарностью и искренне сочувствовали делу своего царя, благодаря чему удалось увлечь в поход простых македонян и греков. Не один человек, а целая плеяда пассионарных людей смогла сломить персидскую монархию и создать на ее месте несколько эллинистических государств. Но это и есть тот протекавший в истории процесс, породивший явление, именуемое «эллинизмом», роль которого в этногенезе Ближнего Востока несомненна.

Теперь рассмотрим несколько персон светлых, принесших себя в жертву людям. Ян Гус боролся против безобразий в католической церкви, находившейся в состоянии развала. На Констанцском соборе никто не собирался всерьез отстаивать право духовенства на пьянство, взятки и разврат, но по политическим причинам Гусу было предложено отречься от критики церкви. Если бы Гус преследовал личные цели, он подписал бы отречение и, вернувшись в Прагу, или объявил его вынужденным, или, подчинившись власти католической церкви, жил бы тихо, не вступая в борьбу. Гус предпочел идти на костер. Его пассионарное напряжение приняло форму не честолюбия или славолубия, а ревности к своей идее, вообще говоря, не оригинальной. Так же поступил протопоп Аввакум, сходными мотивами руководствовалась Жанна д'Арк. Их пассионарность была столь сильна, что они не могли лукавить даже ради спасения жизни. А искренность и непреклонность их поведения, не вызывающая сомнения ни у кого, очевидно, диктовалась особенностями психофизиологической конституции, описанной выше.

Но смогли ли они одни поднять такие мощные движения, как разгром Англии, Гуситскую войну или Раскол? Нет, если бы вокруг Жанны д'Арк не группировались такие храбрцы, как Дюнуа, Ля Гир и их сподвижники, то смерть ее была бы напрасной. Франция XV в. кипела пассионарностью, и Жанна просто наметила цель двумя словами: «La Belle France». И всем стало вдруг ясно, что надо отстаивать и за что не жаль погибнуть. А обыватели, в том числе король Карл VII, съели каштаны, вынутые для них из огня пассионариями.

Если бы в Чехии были пассионарны только Ян Гус и Иероним Пражский, то Жижка и братья Прокопы не смогли бы собрать на горе Табор тысячи людей, возмущенных предательством Констанцкого собора и гибелью праведника. Пассионариев в XV в. там было достаточно для того, чтобы увлечь целый народ на войну. Да и Аввакум был не один; самосожжения старообрядцев после его казни показывают, что на Руси было много ему подобных. Вспомним, что там, где пассионарность этноса снизилась, как, например, в Византии, героическое поведение Константина Палеолога не могло увлечь в 1453 г. население Константинополя на оборону его стен от турок. Жители города позволяли себя убивать, но не нашли в себе мужества (которое было в избытке у их предков), чтобы поднять оружие.

Мощный пассионарный стимул, проявляющийся в алчности, толкал испанских идалго, французских и английских дворян, голландских бюргеров на конкистадорство, корсарство, флибустьерство. Не все они были субпассионарны, т.е. «бродяги-солдаты», хотя последних и было большинство. Дома многие из них имели семьи и обеспеченную жизнь. В Вост- и Ост-Индиях их ждали, кроме битв, цинга, малярия, холера. Вот цифры из письма испанского капитана, перехваченного и опубликованного англичанами: «За 20 лет на острова (Филиппинские) приехало 14 тыс. испанцев. Живы из них только тысяча. Остальные 13 тыс.

умерли от болезней, погибли в сражениях или по другим причинам» [183, стр. 160]. Способ обогащения был явно невыгоден, тем более что вернувшиеся (даже не инвалидами) быстро прокучивали свои богатства. Это было психологически неизбежно, ибо после страшного напряжения наступала нервная реакция, требовавшая разрядки. И все-таки они шли, поколение за поколением, так как внутреннее напряжение пассионарности не давало им возможности сидеть на месте. В результате ими были созданы центральноамериканский и южноамериканский и филиппинский этносы.

Во всех приведенных примерах подчеркивалось, что признак пассионарности был характерен для этноса, а не только для какого-то одного человека. Внимание на отдельных личностях мы сосредоточили с той целью, чтобы наиболее выпукло обрисовать признак. В действительности процессы проходят сложнее, хотя и не до такой степени, чтобы их было трудно анализировать. Наоборот, предлагаемая концепция весьма облегчает анализ историко-географических и этнографических явлений, в чем и состоит ее практическое значение.

Природа пассионарности

До сих пор мы сосредоточивали свое внимание на психологическом моменте, который как будто не имеет отношения к явлениям природы. Однако это не так. Через психологию мы подходим к решению проблем географических, ныне поставленных во всей мировой науке.

Заметим, что вся ландшафтная оболочка Земли в разной степени переоформлена людьми, вследствие повторного создания искусственной, вторичной сферы антропогенных ландшафтов. Антропосфера мозаична вследствие многообразия процессов деятельности тех или иных этносов, в зависимости от характера и направления динамики их исторических судеб. Следовательно, антропосферу можно считать продуктом кристаллизации законченных и протекающих процессов этногенеза; поэтому предпочтительнее называть ее этносферой, а этногенез рассматривать как один из антропогенных факторов.

Выше было отмечено, что реликтовые этносы стабильны и входят в состав биоценозов населяемых ими регионов как верхнее, завершающее звено. В биоценозах идет постоянный процесс, названный Т. Гексли конверсией. Цикл конверсии – это механизм, обеспечивающий циркуляцию энергии среди растений и животных одного местообитания, т.е. обмен веществ в данном экологическом сообществе. Для сохранения геобиоценоза необходимо, чтобы циркуляция энергии поддерживалась и усиливалась. Последнее важно как страховка против экзогенных воздействий: войн, эпидемий, стихийных бедствий. На преодоление этих трудностей уходят усилия этнического сообщества, которое в стабильном состоянии лишено агрессивности и, следовательно, не способно к активному изменению природы.

Зато при динамическом состоянии этноса ландшафтогенные процессы возникают стихийно. Ф. Осборн (США) в 1948 г. писал: «История нации (американской) за прошлый век, с точки зрения использования природных богатств, является беспримерной... Фактически это история человеческой энергии, безрассудной и бесконтрольной» [122, стр. 45]. Но то же можно сказать об этнической истории Северной Америки. Истребление индейцев, торговля неграми, захват Техаса скваттерами в 1836 г., расправа с франко-индейскими метисами в Канаде в 1886 г., деятельность золотоискателей в Калифорнии и на Аляске – все это совершалось столь же неорганизованно и бесконтрольно, как и истребление лесов ради хлопчатника в южных штатах США, уничтожение бизонов, распашка прерий (вызвавшая эрозию почв) и хищническая деятельность меховых компаний в Канаде.

Но это явление отнюдь не единично. По тому же принципу производились арабское вторжение в Восточную Африку, а голландское – в Южную. Тем же способом китайцы захватили джунгли южнее Янцзы, предки полинезийцев – острова Тихого океана, кельты – Европу (в I тысячелетии до н.э.), а арии – Индию (во II тысячелетии до н.э.) и т.д.; примерам несть

числа. Следовательно, мы столкнулись с повторяющимся переходом этносов в динамическое состояние. При этом у них возрастают агрессивность и адаптивные способности, позволяющие применяться к новым условиям существования. Это и есть процессы этногенеза.

Обязательным условием возникновения и течения процесса этногенеза вплоть до затухания его, после чего этнос превращается в реликт, является его пассионарность, т.е. способность к целенаправленным сверхнапряжениям. Объяснить ее мы пока можем, лишь приняв гипотезу, т.е. суждение, обобщающее отмеченные факты, но не исключающее возможности появления других, более изящных объяснений: пассионарность – это органическая способность организма абсорбировать энергию внешней среды и выдавать ее в виде работы. У людей эта способность колеблется настолько сильно, что иногда ее импульсы ломают инстинкт самосохранения, как индивидуального, так и видового, вследствие чего некоторые люди, по нашей терминологии – пассионарии, совершают и не могут не совершать поступки, ведущие к изменению их окружения. Это изменение касается в равной степени природной среды и отношений внутри человеческих сообществ, т.е. этносов. Следовательно, пассионарность имеет энергетическую природу, преломляющуюся через психические особенности, стимулирующие повышенную активность носителей этого признака, создающего и разрушающего ландшафты, народы и культуры.

Академик В.И. Вернадский писал: «Все живое представляет непрерывно изменяющуюся совокупность организмов, между собою связанных и подверженных эволюционному процессу в течение геологического времени... Чем более длительно существование, если нет никаких равноценных явлений, действующих в противоположную сторону, тем ближе к нулю будет свободная энергия», т.е. «энергия живого вещества, которая проявляется в сторону, обратную энтропии. Ибо действием живого вещества создается развитие свободной энергии, способной производить работу» [47, стр. 284 – 285].

Итак, занятия историей, этнографией и даже психологией позволили вернуться к природоведению в полном смысле слова. Поскольку люди входят в биосферу Земли, они не могут избежать воздействия биохимических процессов, формирующих их подсознание или сферу эмоций. А эмоции не в меньшей степени, чем сознание, толкают людей на поступки, которые интегрируются в этногенные и ландшафтогенные процессы. Разница же между сознательной и эмоциональной областями поведения этнических сообществ в том, что первая подчиняется закону спонтанного общественного развития, а вторая связана с энергетическими толчками. В результате возникает пассионарное поколение, постепенно утрачивающее инерцию пассионарности из-за сопротивления среды и переходящее к реликтовому состоянию этно-ландшафтного равновесия.

По поводу предмета исторической географии⁸(Ландшафт и этнос). III

Прежде всего условимся о значении термина. Это тем более необходимо, что, как отмечает историк «исторической географии» В.К. Яцунский, за этой дисциплиной установилась репутация «науки с неопределенным содержанием»[254]. Заканчивая обзор историко-географических работ XIX – XX вв. (до 1941 г.), В.К. Яцунский приходит к выводу, что «задачей исторической географии должно быть изучение и описание географической стороны исторического процесса». В связи с этим он намечает четыре линии исследования: 1) природный ландшафт данной эпохи, т.е. историческая физическая география; 2) население с точки зрения его народности, размещения и передвижения по территории; 3) география производства и хозяйственных связей, т.е. историко-экономическая география; 4) география «политических границ, а также важнейших политических событий» [254, стр. 21].

Нетрудно заметить, что В.К. Яцунский мыслит историческую географию как вспомогательную историческую дисциплину и ставит проблемы, важные для историка, а не для географа. Собственно говоря, это правомочно, но обзор историко-географических работ, сделанный В.К. Яцунским, показывает бесплодие неоднократных попыток многих талантливых и трудолюбивых ученых добиться в этом направлении успеха. Работы по интересующей нас области походили на справочники, и это отмечается В.К. Яцунским как большой недостаток, с чем следует безоговорочно согласиться.

Причины этого печального положения указывает сам В.К. Яцунский: «Историки слабо знакомы с географией, и наоборот» [254, стр. 21]. Это еще не беда, но хуже, когда, как говорит Оберхуммер, «географ, как только он покидает область географического исследования и начинает заниматься историей, перестает быть естествоиспытателем и сам становится историком» [254, стр. 27]. Тут удачи заведомо быть не может, как и в обратном случае, но тем самым открывается корень неудач: постановка проблемы неправильна и методика исследования не разработана. В самом деле, получить ответы на поставленные вопросы было бы крайне заманчиво, но как этого добиться? Никаких рекомендаций в статье не дается, и это заставляет нас перейти к другой работе В.К. Яцунского, содержащей описание историко-географических представлений XV – XVIII вв. Здесь В.К. Яцунский дает более совершенную дефиницию. «Историческая география, – пишет он, – изучает не географические представления людей прошлого, а конкретную географию прошлых эпох» [255, стр. 3]. Различие в определении очевидно. Если в первой работе краеугольным камнем и целью была история, то теперь она отступает перед задачами географии. К сожалению, и тут нет никаких указаний на возможную методику исследования. Но содержащийся в книге разбор теории географического детерминизма и воззрений историков эрудитской школы позволяет ознакомиться с историей вопроса и непосредственно обратиться к самой проблеме.

До сих пор проблема ставилась двояко: 1) как влияют природные условия на исторический процесс? и 2) как влияют люди на природу?

На первый вопрос прямого ответа быть не может, потому что раньше следует условиться в том, что понимать под «историческим процессом»: если развитие общества по спирали через формации, то географическая среда на спонтанное развитие влиять не может; если имеются в виду войны, договоры, государственные перевороты, то причины их надо искать непосредственно в мотивах поведения их участников, обусловленных их социальной принадлежностью, а не в климате или характере флоры. Зато миграции и процессы этно-

⁸ Вестник ЛГУ. Серия геологии и географии. 1965, № 18, стр. 112 – 120.

генеза, вне всякого сомнения, обусловлены элементами ландшафта и корреспондируют с колебаниями климата, но эти явления лежат на грани исторической науки и сами по себе не исчерпывают понятия «исторический процесс».

По второму вопросу можно дать вполне определенный ответ: люди влияют на природу, как, впрочем, влияют на нее любые фаунистические формы. Но определить общий характер людского влияния невозможно, так как он очень разнится в разные эпохи и на разных территориях.

Иногда люди «вписываются» в биоценоз ландшафта, иногда приспособливают ландшафт к своим потребностям, причем то и другое не зависит от уровня культуры людского коллектива – народности, а только от характера ее развития и локальных особенностей. Закономерность тут есть, но она не прямая и не простая.

А что, если мы поставим вопрос по другому и попробуем рассматривать все человечество как некую среду, покрывающую сушу. То, что это среда не сплошная, не имеет значения. Ведь именно так поставил проблему «биосферы» В.И. Вернадский и получил огромные научные результаты. Тогда мы сможем изучать эту среду методами естественных наук. Но чтобы иметь успех, необходимо соблюсти одно условие: найти эталон изучения, соразмерный нашим исследовательским возможностям. Он должен быть применим к любой точке земного шара, где живут люди, к любой известной нам эпохе и к любому уровню цивилизации. Таким эталоном может быть только одно явление – *этнос*, или народность.

Формой существования вида *Homo sapiens* является коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам. Он более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени, что и составляет проблему этногенеза. Все такие коллективы более или менее разнятся между собой – иногда по языку, иногда по обычаям, иногда по системе идеологии, иногда по происхождению, но всегда по исторической судьбе. Следовательно, с одной стороны, этнос является производным от исторического процесса, а с другой – через добывание пищи (хозяйство) связан с биоценозом того ландшафта, в котором он образовался. Впоследствии народность может изменить это соотношение, но при этом она видоизменяется до неузнаваемости, и преемственность прослеживается лишь исторической методикой.

Прежде всего уточним понятие «этнос», которое еще не дефинировано. У нас нет ни одного реального признака для определения любой народности как таковой, хотя в мире не было и нет человеческой особи, которая бы была внеэтнична. Все перечисленные признаки определяют народность *иногда*, а совокупность их вообще ничего не определяет. Проверим этот тезис негативным методом.

Язык

Часто разные народности говорят на одном языке. Например, англичане и ирландцы; испанцы и мексиканцы, большая часть коих – индейского происхождения; малоазиатские греки (до 1921 г.) говорили по-турецки, а македонские турки – по-гречески и т.д. Часто один народ говорит на разных языках, французы на четырех – париго, патуа, бретонском (кельтском), гасконском (иберийском); англичане на двух – английском на юге и норвежском в Нортумберленде; китайцы на двух, не считая диалектов; бельгийцы – на французском и фламандском и т.д. Кроме того, есть сословные языки: французский – в Англии XII – XIII вв., греческий – в Парфии II – I вв. до н.э., арабский – в Персии с VII по XI в. и т.д. Поскольку целостность народности не нарушалась, надо сделать вывод, что дело не в языке.

Обычаи или культура

Большинство крупных народов имеет несколько этнографических типов, составляющих гармоничную систему, но весьма разнящихся между собой как во времени, так и в социальной среде. Возьмем хотя бы Россию допетровскую, с боярскими шапками и бородами, XVIII век – с напудренными париками и французскими камзолами, XIX век – с пышными профессорскими бородами и долгополыми сюртуками и фраками и т.д. А различие в материальной культуре и быте у аристократии, мелкого дворянства, крестьянства, купечества, духовенства, интеллигенции, рабочих в любую из перечисленных дореволюционных эпох! Но народного единства это не нарушало, а близость по быту, скажем, казаков с чеченцами и татарами, их не объединяла.

Идеология

Идеология, для старых эпох вероисповедание, тоже иногда является признаком, но не обязательным. Например, византийцем мог быть только православный христианин, и все православные считались подданными константинопольского императора и своими. Однако *de facto* это нарушилось, как только болгары затеяли войну с греками, а принявшая православие Русь и не думала подчиняться Царьграду. Тот же принцип единомыслия был провозглашен халифами, преемниками Мухаммеда, и не выдержал соперничества с живой жизнью: внутри единства ислама опять возникли народности.

С другой стороны, проповедь иногда объединяет группу людей, которая становится народностью: например, сикхи в северо-западной Индии или турки-османы. Эти последние возникли так: первый султан Эртогрул имел 50 000 туркменских всадников и, получив удел на границе с Никейской империей, начал вербовать к себе газиев, борцов за веру. К нему и его потомкам стекались курды, тюрки, арабы, персы, сирийцы; кроме того, турецкие султаны покупали для военной службы черкесов, грузин, обращали в ислам мальчиков из Болгарии, Сербии, Македонии (янычары), привлекали ренегатов из Франции, Германии, Италии. Женами их чаще всего становились рабыни, которых доставляли татары из Польни и Украины. Но поскольку объединяющим моментом был суннитский ислам, потомки этого скопища считались, и были на самом деле, единым народом – турками, противопоставлявшими себя шиитам – персам и азербайджанским туркменам. Вместе с этим были мусульмане-сунниты, подвластные султану, но турками себя не считавшие, – арабы и крымские татары. Для последних не сыграла роли даже языковая близость. Значит, и вероисповедание – не общий признак.

Происхождение

Нет народа, который бы не произошел от разных предков. В процессе этногенеза всегда фигурируют два или более компонента. Скрещение разных этносов иногда дает новую устойчивую форму, а иногда ведет к вырождению. Так, смесь славян, угров, аланов и тюрок слилась в великорусскую народность, а помеси монголо-китайские, тюрко-китайские и маньчжуро-китайские, часто образовывавшиеся вдоль линии Великой китайской стены за последние 2000 лет, оказались нестойкими и исчезли.

Итак, постоянным, обязательным признаком народности является личное признание каждой особи: «мы такие-то, а все прочие люди не такие» – например, эллины и варвары, иудеи и необрезанные, китайцы и ху (все не китайцы). Это явление противопоставления одинаково характерно и для англичан, и для масаев, и для французов, и ирокезов. Явление это

отражает какой-то физический эффект, имеет физический смысл, но для наших целей он не важен. Важно, что мы нашли эталон исторической географии. В физической географии эталоном является ландшафт, который определяет способы ведения хозяйства людей, в нем живущих. Для них данный ландшафт – тот, к которому они привыкли, – является вмещающим ландшафтом. Следовательно, мы можем дать новую дефиницию: *историческая география – наука о последнем ландшафте в динамическом состоянии, для которого этнос является индикатором.*

При таком подходе, когда для огромного количества разнообразных исторических и географических явлений подыскан общий знаменатель, можно пытаться найти ответ на те четыре вопроса, которые были поставлены В.К. Яцунским в 1941 г. [254], и на тот, который был им сформулирован в 1955 г. [255].

Определение понятия «ландшафт» удивительно напоминает предложенную нами описательную дефиницию этноса. «Ландшафт, – пишет С.В. Калесник, – реально существующий генетически однородный участок земной поверхности; он обрамлен естественными границами; обладает индивидуальными чертами, позволяющими отличить его от других ландшафтов; представляет собой не случайное, не механическое, а закономерное и внутренне взаимосвязанное сочетание компонентов и структурных особенностей; в пространстве и во времени неповторим; характеризуется территориальной целостностью; внутри себя морфологически разнороден, так как складывается из различных территориальных комплексов низшего ранга; вместе с тем однороден, так как общий стиль сочетания разнородных компонентов и структурных особенностей сохраняется в пределах ландшафта неизменным» [141, стр. 3].

Из сочетания обеих дефиниций очевидно, что они не могут не воздействовать друг на друга, но вместе с тем было бы нелепо простираť влияние географической среды на все стороны исторического процесса, как это делали сторонники географического детерминизма: Монтескье, Воден, Бокль, Реклю и у нас – Лев Мечников. Просто следует ввести классификацию явлений и уточнить, какая именно сторона исторического процесса связана с физической географией – ландшафтоведением, а что имеет собственные закономерности, и затем не смешивать их [139].

Предложенное определение позволяет снять вопрос о влиянии географической среды на исторический процесс. В настоящем аспекте интересующие нас явления не противопоставляются среде, а являются ее компонентом. Эта часть географической среды наиболее чувствительна к любым планетарным воздействиям, и поэтому по возмущениям ее можно судить о характере и даже размерах изменений климата, степени увлажнения и т.п. с точными датировками.

Что же касается деятельности человека, то она, несомненно, имеет огромное значение для ландшафта. Во-первых, народы, практикующие интенсивное земледелие (египтяне, вавилоняне, иранцы и китайцы), весьма изменили ландшафты занятых ими территорий; во-вторых, скотоводческие народы, разводя скот и истребляя или отгоняя от источников воды диких животных, влияли на фауну степей; в-третьих, охотники за крупными зверями иногда практиковали хищническое истребление животных или птиц (например, маори уничтожили птицу моа); наконец, сооружение больших городов, искусственных ландшафтов также влияло на природу их окрестностей. Но даже из краткого перечня приведенных здесь возможностей видно, что разные народы по-разному влияли на природу, и ставить вопрос в общей форме непродуктивно.

Вместе с этим следует помнить, что мы можем наблюдать только результаты интеграции изменений природных условий плюс деятельность этносов, и для восстановления роли того и другого исследование идет путем ретроспекции, что всегда изрядно трудно, хотя и не безнадежно. Надо только отказаться от прямого цитирования исторических источников,

потому что в них события всегда освещены неравномерно и даны выборочно. Надежным подспорьем может быть только канва одномасштабных фактов, сведенная в хронологическую таблицу. Такая таблица отражает историческую действительность наименее неточно.

Примером столкновения двух описанных методик исследования является знаменитый спор о направлении изменений климата в Центральной и Средней Азии. Л.С. Берг считал, что есть тенденции к увлажнению, а Г.Е. Грумм-Гржимайло – к усыханию. Оба автора широко использовали исторические данные, но по-разному: Г.Е. Грумм-Гржимайло рассматривал двухтысячелетнюю историю Азии целиком, т.е. синтетически, а Л.С. Берг анализировал каждый факт отдельно и часто воспроизводил без критики мнения и сведения древних авторов в переводах, сделанных первоклассными филологами. Например, Г.Е. Грумм-Гржимайло сообщает, что Алашаньская степь в XII в. кормила население, выставляющее армию в 150 тыс. конных латников, а ныне там обитает 10 тыс. семейств, главное богатство которых составляют верблюды, а не лошади [56, стр. 445 – 447]. На это Л.С. Берг возражает, что войнами Чингисхана «была уведена громадная добыча – сотни тысяч голов верблюдов, лошадей и рогатого скота. В результате, понятно, последовало запустение края. Причем же тут усыхание Центральной Азии?» [146, стр. 69]. Оно очень «причем»! Если бы после войны 1227 г. не сократилась площадь степей, то она быстро бы заселилась вновь, сначала дикими копытными, а потом стадами тех же монголов, и к XIX в. страна не стала бы пустыней. Вспомним, что в окрестных оазисах Хами, Турфане, Куче и Джунгарских степях, не испытавших силы монгольских сабель, за счет роста каменистых пустынь также сократились площади травянистых степей [56, стр. 449].

Итак, опора на сведения исторического источника вне связи с предшествующими и последующими событиями оставляет исследователю такой простор, который может повести к любым выводам, даже неверным. Вскрыть ошибку можно, лишь повторив исследование на основе синтетической методики.

Для того чтобы избежать путаницы понятий, следует ввести первичную классификацию. Поскольку историческая судьба изучаемой народности есть продукт хозяйственных возможностей, то она тем самым связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта. И тут возможны два варианта: либо народ приспосабливается к природным условиям, либо он приспосабливает их для себя. Однако и во втором случае необходимо учесть, что приспособление ландшафта к своим потребностям совершалось народами один раз за эпоху существования каждого из них. Раз проделав титаническую работу, народность ограничивалась поддержкой созданного ею вмещающего ландшафта, не внося в созданное принципиальных изменений. Однако не учитывать второй вариант нельзя, как показывает опыт Г.Е. Грумм-Гржимайло в его полемике с Л.С. Бергом, из-за чего его плодотворная идея была поставлена под угрозу. Г.Е. Грумм-Гржимайло пренебрег предлагаемой здесь классификацией культур по принципу их взаимодействия с природой. В результате, по его мнению, оказалось, что увлажненность внутреннего Китая и Синцзяна зависела от деятельности земледельцев, сводивших леса или засыпавших колодцы из страха перед врагом [56, стр. 442, 451]. Хотя и то и другое играло некоторую роль, но до XIX в. случаи воздействия человека на природу ограничивались локальными зонами, хорошо изученными, которые просто следует выделить для особого рассмотрения, с поправкой на деятельность человека. В прочих случаях изменения ландшафта зависели от природных условий, влияния которых сказывались равно на земледельцах и кочевниках.

Было бы неверно думать, что народы, не перестраивающие природу, примитивны или малоразвиты. Древние греки и арабы жили экстенсивным хозяйством и создавали великие произведения литературы и искусства, сложные формы общественного устройства и даже развивали технику, например кораблестроение. То же самое следует сказать о центрально-азиатских кочевниках, культура которых принципиально отличалась от китайской или иран-

ской. Хунны, тюрки и монголы создали свой устойчивый быт, свою технику, свою литературу и свою государственность на базе кочевого скотоводства. Постоянно соприкасаясь с китайцами, они не заимствовали у последних ни письменности, ни социальных институтов, ни нравов и обычаев. Их этнографическая самобытность определялась способом ведения хозяйства, приспособленным к кормившему их степному ландшафту. Можно сказать, что они составляли неотъемлемую часть ландшафта вместе с растительностью и животным миром. Поэтому, изучая историю евразийских кочевников, мы знакомимся с историей природных условий населяемой ими территории.

И, наконец, последнее условие для того, чтобы наше исследование оказалось успешным. Взаимодействие народности с ландшафтом наблюдается всюду, но с разной степенью отчетливости. В мягком климате Европы или сплошном массиве сибирской тайги климатические колебания менее заметны, нежели на стыке леса и степи, гумидной и аридной зон. Поэтому наиболее благодарным материалом для нас будет евразийская степь и ее кочевое население. Соотношение степных народов с соседними земледельческими в аспекте климатических изменений показано нами в специальных работах.

Поскольку нам необходимо уточнить понятие «вмещающий ландшафт», обратим внимание на весьма достопримечательное обстоятельство: культура народов восточной и западной частей Центральной Азии во все исторические эпохи различна, причем граница проходит не по водоразделу Алтая, Тарбагатая и отрогов Тяньшаня, а восточнее, примерно по середине Джунгарии, но область Хангая попадает в восточный культурный регион.

Различие восточной и западной культур сказывается буквально на всем: на этнографических особенностях, на дроблении языков на диалекты, на искусстве и на характере политического строя, что прослеживается за период 2000 лет. За это время здесь менялись расы – например, индо-иранцы сменились тюрками-монголоидами, менялись стадии развития – родовой строй уступал место военной демократии и феодализму, уровни техники и хозяйства – несколько раз в степи возникали земледельческие поселки, но соотношение западного и восточного ареалов культур оставалось неизменным.

Анализируя материалы о характере политического устройства, необходимо указать, что для востока была характерна централизованная власть, для запада – конфедерация и децентрализация, независимо от стадии развития производительных сил и производственных отношений.

Точно такие же различия можно проследить по другим линиям. Например, дифференциация диалектов тюркского языка: на востоке звук *j* произносится как *й*, а на западе – как *дж*. Г.Е. Грумм-Гржимайло убедительно доказал, что распадение монголов на восточных и западных произошло вне зависимости от их родового состава, по причинам исключительно политическим, но он не прав, утверждая, что не было других причин, «которые бы раскололи монгольскую массу на два чуждавшихся один другого мира» [56]. Ведь у западных монголов изменился язык, вплоть до фонетики (*к* заменило *х*). Затем, если бы здесь имели место только политические причины, то описанное последовательное размежевание народов по одной и той же невидимой границе не прослеживалось бы 2000 лет. Очевидно, здесь имел место постоянно действовавший фактор, влиявший не на исторический процесс, а на характер этногенеза. Смещение линии развития, определявшегося этим влиянием, было столь незначительно, что при составлении «Всемирной истории» им законно пренебрегли, а в частных фактографических исследованиях востоковеды его не замечали. Не обратили на это внимания и географы, так как наземные условия обоих регионов отличаются друг от друга очень мало. Поэтому для объяснения установленного нами эффекта попытаемся обратиться к рассмотрению атмосферы и характера увлажнения в Восточном Казахстане и Монголии.

В зимнее время над территорией Северной Монголии устанавливается центр огромного антициклона. Благодаря ему зимой над Центральной Азией располагаются континен-

тальные воздушные массы, напоминающие по своим физическим качествам полярные. Зима характеризуется ясными солнечными днями, морозной, без оттепелей погодой и слабыми ветрами к окраинам антициклона.

Устойчивость антициклонического режима зимы не допускает на территорию Центральной Азии атлантические циклоны. Снег почти отсутствует: в Гоби выпавший за ночь снег исчезает с первыми лучами солнца. Только в горах Хэнтэя и Монгольского Алтая зимой происходит накопление снега. Антициклон дает возможность скоту круглый год находиться на подножном корме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.